

2020

Том 11. № 4

2020. Vol. 11. No. 4

DOI: 10.19181/vis.2020.35.4

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Детерминанты
и трансформации
российского общества
во времени и в пространстве**

/XX век: структуризация
российского общества

/Региональные особенности
приграничья

/Полиэтническая Россия:
отношение к иммигрантам

/Потенциал субъектности населения

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 4'2020

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2020. Том 11. № 4

DOI: 10.19181/vis.2020.35.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2020

© Vestnik instituta sotziologii, 2020

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонъин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political processes of the Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAIENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, associate Professor, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Altai branch, Central Russian Institute of management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Академику М. К. Горшкову – 70!	13
Тема номера: Детерминанты и трансформации российского общества во времени и в пространстве	15
<i>Беляева Л. А.</i> Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода)	15
<i>Журавлёв А. Л., Китова Д. А.</i> Представления современной молодёжи о личностных характеристиках коррупционера.....	43
<i>Калинина И. В., Бийжанова Э. К.</i> Южные регионы дальневосточного приграничья: социокультурные и инфраструктурные трансформации	63
<i>Алтаскиров А. Р.</i> Региональные особенности становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике	82
Межнациональные отношения в современной России.....	99
<i>Мастикова Н. В., Фадеев П. В.</i> Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик	99
<i>Емельянова Н. А., Воронина Е. А.</i> К вопросу о готовности будущих специалистов жить и работать в условиях мультикультурализма.....	126
Социология управления и социология города.....	143
<i>Мерзляков А. А.</i> Потенциал субъектности населения в отношении национальных проектов	143
<i>Аникиева А. В., Швиндт У. С.</i> Пространственные перемещения жителей уральских моногородов: социальные практики и особенности городского пространства	167
<i>Ермишина А. В., Клименко Л. В.</i> Капитальный ремонт многоквартирных домов: проективные установки и поведенческие практики россиян.....	190
О новых научных публикациях.....	212
<i>Сенюткина О. Н.</i> Рецензия на монографию «Спасибо прадеду за Победу...» Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»	212

Contents

About the Issue	8
70 th Birthday Congratulations to Academician M. K. Gorshkov.....	13
Topic of the Issue: Determinants and Transformations of Russian Society in Time and Space	15
<i>Belyaeva L. A.</i> Russian Society's Structuration During the First Half of the 20 th Century (Based on Material from Russian Sociological Studies of the Time)	15
<i>Zhuravlev A. L., Kitova J. A.</i> Young People's Ideas on a Corrupt Official's Human Qualities	43
<i>Kalinina I. V, Biyzhanova E. K.</i> The Southern Border Regions of the Far East: Socio-Cultural and Infrastructural Transformation	63
<i>Atlaskirov A. R.</i> The Regional Specifics of the Development of a Civil Society in the Kabardino-Balkarian Republic.....	82
Interethnic Relations in Modern Russia.....	99
<i>Mastikova N. S., Fadeev P. V.</i> Who is Set Against Migrants in Russia? Analyzing Certain Socio-Demographic Characteristics	99
<i>Emelyanova N. A., Voronina E. A.</i> In Regards to How Well-Prepared Future Professionals are to Live and Work in Conditions of Multiculturalism	126
Sociology of Management and Urban Sociology.....	143
<i>Merzlyakov A. A.</i> The Population's Potential for Subjectness in Regards to National Projects	143
<i>Anikieva A. V., Shvindt U. S.</i> The Mobility of Ural Region Company Town Residents: Social Practices and Peculiarities of City Spaces	167
<i>Ermishina A. V., Klimenko L. V.</i> Major Renovations of Apartment Complexes: Russian People's Projective Attitudes and Behavior Practices	190
On New Publications	212
<i>Senyutkina O. N.</i> Review of a Monograph Titled "Thank Great Grandfather for the Victory..." Material from Stage 4 of a Monitoring Survey Titled "Students of Modern Russia on the Great Patriotic War"	212

О выпуске

Тема выпуска [«Детерминанты и трансформации российского общества во времени и в пространстве»](#) позволяет взглянуть на отечественный социум как на сложную и изменчивую целостность. В течение XX века несколько раз радикально менялись даже её стабильные структурные элементы. С другой стороны, существует ряд констант, обеспечивающих историческую устойчивость российской жизни. Таким же образом обстоит дело с пространственными изменениями: географическое разнообразие регионов сочетается с общими свойствами их социального устройства, с общими процессами и тенденциями развития.

Номер открывает статья [Беляевой Л. А.](#) (Москва) [«Структуризация российского общества в первой половине XX в. \(по материалам отечественных исследований этого периода\)»](#). Статья продолжает цикл работ автора, посвящённых формированию структуры российского социума¹. События 1917 и 1991 гг. коренным образом преобразовали социальный состав жителей нашей страны, их жизненные миры, отношения между социальными группами и слоями, взаимодействие с новыми, созданными в процессе общественных переломов, элитами. В данной работе рассматриваются процессы 20–30 гг. XX в. Автор вновь опирается на методологию Э. Гидденса, предложившего использовать теорию структуризации для анализа социальных отношений в пространстве и времени. Процессы структуризации рассмотрены через призму исследований, которые проводились «по горячим следам» в тот период (работы П. А. Сорокина, А. Г. Рашина, Л. Е. Минца, А. И. Хрящевой, С. Н. Прокоповича, других исследователей). Также привлечены к анализу материалы переписей населения 1897, 1926 и 1937 гг., включая неопубликованные. В статье показано, что ускоренная индустриализация нанесла сокрушительный удар по социальной ткани традиционного общества и изменила его структуриацию.

Статья [Журавлёва А. Л.](#) и [Китовой Д. А.](#) (Москва) [«Представления современной молодёжи о личностных характеристиках коррупционера»](#) носит междисциплинарный характер, её исследовательская проблема одинаково значима и для социологии, и для психологии. У этих взаимодействующих наук чрезвычайно близкие предметы и методы, в особенности связанные с восприятием людьми того или иного феномена. В представленной в нашем журнале статье утверждается, что коррупция в России выступает системной проблемой общества, продолжает расширять свои границы и представляет угрозу национальной безопасности государства. С психологической точки зрения, коррупция угнетает субъек-

¹ Первую статью цикла см.: [Беляева 2020].

ективное благополучие человека, деформирует правосознание молодёжи, формирует такие мировоззренческие представления, которые могут оказывать негативное воздействие на поведение молодых людей в будущем. Всё перечисленное весьма важно для социологии, так как во многом детерминирует целый ряд социальных процессов, включая процессы социально-экономического развития страны. Результаты исследования показали, что оценки основных качеств личности коррупционера обычно носят негативный характер, при этом наиболее выраженные показатели связаны с низкой оценкой его морально-нравственных качеств. Организационные и профессиональные способности коррупционеров рассматриваются респондентами как слабо- или средневыраженные, однако их интеллектуальные способности получают максимально высокие оценки. В ходе исследования обнаружилось заметные региональные различия в представлениях о коррупции у студентов, проживающих в разных городах России, что требует отдельного исследования.

Следующие две статьи связаны с пространственным измерением российского социума. Приграничье как особо актуальный и специфический для России (с её протяжённостью государственной границы) феномен уже рассматривался в нашем журнале: ему была посвящена тема [одиннадцатого номера 2014 г.](#) Статья [Калининой И. В.](#) (Биробиджан) и [Бийжановой Э. К.](#) (Москва) [«Южные регионы дальневосточного приграничья: социокультурные и инфраструктурные трансформации»](#) продолжает серию статей памяти Ирины Альбертовны Халий, которая считала тему приграничья в современной политической ситуации особо актуальной. В данной статье представлен анализ инфраструктурных и социокультурных трансформаций южных регионов дальневосточного приграничья: Амурской и Еврейской автономной областей, Приморского и Хабаровского краёв. Эти территории практически не подвергались геополитическим изменениям, перемены в них происходили под влиянием экономических и политических факторов, а также различных глобализационных процессов. На основе данных федеральной и региональной статистики, а также глубинных интервью и фокус-групп, в малых приграничных городах обнаружены явные и латентные проблемы в социокультурной сфере. Авторы указывают на существенные различия между в целом позитивной динамикой перемен, представленной в статистических данных по регионам, и оценкой реального положения жителями муниципальных образований, расположенных непосредственно у государственной границы. Исследование вскрыло серьёзные проблемы, связанные с разрушением существующей социальной и культурной инфраструктуры, большая часть которой создана ещё в советское время. Выявлена тенденция депопуляции приграничья, которая создаёт множество специфических рисков, так как эти территории выполняют одновременно функции оборонительного форпоста и моста для налаживания связей с сопредельными государствами. Основная часть приграничных территорий российского Дальнего Востока находится в депрессивном состоянии, особенно малые города и прилегающие к ним сельские терри-

тории, что актуализирует необходимость поддержки и развития их с учётом географической, исторической и социокультурной специфики в пространственно-территориальном контексте.

В статье [Атласкирова А. Р. \(Нальчик\) «Региональные особенности становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике»](#) рассматриваются региональные особенности становления ценностей гражданского общества в Кабардино-Балкарии, также являющейся приграничным регионом. В ходе исследования было выявлено, что жители Кабардино-Балкарии для решения своих жизненных проблем чаще используют родственные связи и коррупционные отношения. В то же время к услугам общественных организаций, правоохранительных органов и судебной системы прибегает небольшая доля граждан, что может свидетельствовать об относительно низком уровне правосознания населения региона. Автор приходит к парадоксальному выводу: несмотря на то, что молодёжь республики выросла в условиях постсоветской России, строящейся по образцу демократических стран, для этой социально-демографической группы населения характерен высокий уровень социальной апатии и неприятия ценностей гражданского общества, чем населению региона в целом.

Рубрика [«Межнациональные отношения в современной России»](#) не теряет своей актуальности в нашем полиэтничном обществе. Она представлена статьями [Мастиковой Н. В., Фадеева П. В. \(Москва\) «Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик»](#) и [Емельяновой Н. А., Ворониной Е. А. \(Нижний Новгород\) «К вопросу о готовности будущих специалистов жить и работать в условиях мультикультурализма»](#).

В первой статье анализируется связь между социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, уровень образования, тип поселения, семейное положение) и отношением россиян к иммигрантам. Авторы указывают, что в России на протяжении десяти лет (2006–16 гг.) более 60% респондентов негативно оценивают изменения, приносимые в нашу страну иммигрантами, что актуализирует потребность в изучении группы носителей наиболее негативного отношения, которая рассматривается в качестве латентной угрозы стабильности общества. В целом анализ показал, что связь социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам не является константной закономерностью. Результаты и направление связи меняются в зависимости от года исследования, от контекста, политической обстановки и других факторов. Единственным исключением является связь уровня образования и отношения к иммигрантам: во всех рассмотренных авторами исследованиях высокий уровень образования всегда связан с положительным отношением к ним.

В статье Емельяновой Н. А. и Ворониной Е. А. представлены результаты исследования, основной целью которого стало выявление того, насколько современные студенты как будущие специалисты готовы к жизни и деятельности в условиях мультикультурализма. Авторы называют это межкультурной компетенцией и утверждают, что предпосылкой

её развития является осознание культурных и этнических различий, основой которого должна быть межкультурная сенситивность. Были исследованы следующие аспекты последней: отношение к культурным особенностям и представителям других народов, самооценка восприятия ценностей своей и иной культуры, прогнозирование поведенческих реакций в условиях нахождения в полиэтнической среде. Рассмотрена зависимость уровня межкультурной сенситивности от пола респондентов, успеваемости, наличия у них опыта взаимодействия с представителями других культур. Выводы авторов указывают на противоречивость ситуации. Среди респондентов выявлены как открытость и готовность к общению, уважение к партнёру по коммуникации, так и настороженность и даже предубеждение к носителям иных культур.

В рубрике [«Социология управления и социология города»](#) рассматриваются, с одной стороны, проблемы непосредственной среды обитания человека, наиболее близкие быту россиян, а с другой, – анализируются возможности граждан быть субъектами национальных проектов. Оценке потенциала субъектности населения посвящена статья [Мерзлякова А. А. \(Москва\) «Потенциал субъектности населения в отношении национальных проектов»](#). Субъектность в данном случае означает готовность граждан своими действиями, активностью способствовать осуществлению проектов, то есть не просто соглашаться с намеченными целями и задачами, но и активно участвовать в их достижении. Полученные результаты позволяют говорить о наличии в обществе потенциала субъектности, готовности к активной поддержке национальных проектов. Ресурсная база формирования субъектности характеризуется высоким уровнем самоорганизации, активной гражданской позицией, большим управленческим опытом и достаточным административным ресурсом. Выявлены также установки на взаимодействие с органами власти в обсуждении национальных проектов. Отмечено, что установки социально активных групп населения в большинстве своём носят функциональный (конструктивный) характер, они ориентированы на сотрудничество с властью, что позволит оперативно и эффективно решать возникающие вопросы, не доводя их до открытых конфликтов.

В статье [Аникиевой А. В. и Швиндт У. С. \(Екатеринбург\) «Пространственные перемещения жителей уральских моногородов: социальные практики и особенности городского пространства»](#) анализируются трансформации жизненной среды моногородов посредством изучения практик перемещений индивидов. Перемещения позволяют обнаружить особенности и закономерности социального пространства, в условиях которого они реализуются и в производстве коего они задействованы. Практики перемещений характеризуются регулярностью и рутинностью. Авторы статьи исходят из предположения, что для изучения социальных практик перемещения необходимо рассматривать ситуации, нарушающие сложившийся социальный порядок. Сделан вывод о ведущей роли практик вождения автомобиля для жителей моногородов и их неудовлетворённости услугами общественного транспорта. Кроме того, проведённое

исследование позволяет выделить ряд особенностей городского пространства уральских моногородов: понимание моногорода как замкнутой социально-территориальной общности, восприятие города в дискурсе несовременного и небезопасного пространства с устаревшей инфраструктурой, а также наличие напряжённости в городском социальном пространстве между населением и местными властями.

В статье [Ермишиной А. В. и Клименко Л. В. \(Ростов-на-Дону\) «Капитальный ремонт многоквартирных домов: проективные установки и поведенческие практики россиян»](#) представлен анализ проективных установок и поведенческих практик россиян в сфере участия в финансировании и организации капитального ремонта многоквартирных домов. Авторы фиксируют разрыв между проективными установками и реальными поведенческими практиками россиян в процессах, связанных с капитальным ремонтом жилого фонда. Несмотря на высокий уровень критичности в оценках качества жилищно-коммунальных услуг, собственники жилья демонстрируют слабый уровень гражданской самоорганизации и низкие показатели способности к коллективным действиям. Причины этого, как указывают авторы, во многом связаны с особенностями институциональной среды принятия коллективных решений по финансированию и производству локальных общественных благ, к числу которых относится и капитальный ремонт многоквартирных домов.

Завершает данный выпуск рецензия [Сенюткиной О. Н. \(Нижний Новгород\)](#) на монографию [«Спасибо прадеду за Победу...» Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»](#). По мнению рецензента, рассматриваемая монография представляет собой достойный вклад в социологическое изучение проблемы сохранения исторической памяти. А выводы, сделанные авторами монографии, могут быть использованы для дальнейшего осмысления методик работы по патриотическому воспитанию подростков и молодёжи.

Академику М. К. Горшкову – 70!

Друзья и коллеги поздравляют с 70-летним юбилеем главного редактора нашего журнала, директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, академика РАН
Михаила Константиновича ГОРШКОВА

Для учёного 70 лет – это рубеж, на котором можно подводить итоги и строить планы на будущее, осмысливая прожитое и созданное, определять новые направления своей деятельности и развития российской социологической науки.

Отечественные и зарубежные социологи знают Михаила Константиновича как яркого представителя российского социогуманитарного знания, выдающегося организатора науки, автора фундаментальных исследований, задающих высокую планку научного качества и методологической строгости для новых поколений российских учёных. Эпоха перемен, начавшаяся тридцать лет назад, – испытание, вызов и одновременно великая удача для социолога, и её возможности были в полной мере использованы Михаилом Константиновичем. Он изучал новые, беспрецедентные феномены российской жизни, выявлял сущность и движущие силы постоянных изменений социальной реальности нашей страны. В итоге осуществлённые им и под его руководством исследовательские разработки способствовали существенному расширению горизонтов науки.

На протяжении пятнадцати лет академик М. К. Горшков возглавляет ведущее академическое учреждение страны в области социальных наук: Институт социологии РАН. Под его руководством было осуществлено объединение ряда академических учреждений в Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, являющийся сегодня единственным в стране центром фундаментальной социологической науки. Аналитических центров, «think tanks» много – ФНИСЦ РАН один! В условиях тотальной коммерциализации Михаил Константинович сумел создать своего рода «академический ковчег», где рождается подлинная наука, не привязанная к сиюминут-

ным экономическим и политическим выгодам, где сохраняется редкая в наше время атмосфера академической свободы и дискуссии, необходимая для познания истины, ради которого и существует наука.

Объём трудов академика Горшкова впечатляет: более 350 научных и учебно-методических работ, среди которых десятки монографий и сборников, неоднократно переизданных учебников, множество статей по наиболее актуальным проблемам современности. В фундаментальных трудах «Российское общество как оно есть», «Российское общество и вызовы времени» подведены итоги многолетних исследований, представлена широкая панорама как масштабных изменений, произошедших в нашей стране за 30 лет, так и базовых оснований нашего общества, веками остающихся залогом устойчивости страны. Подготовленное им совместно с Ф. Э. Шереги учебное пособие «Прикладная социология: методология и методы» стало настольной книгой для студентов-социологов, а также изучающих социологию в качестве дополнительной дисциплины. Те, кто первыми взяли в руки эту книгу, уже несколько лет на практике применяют приобретённые знания, а новые поколения студентов начинают с неё свой путь в социологию.

С именем Михаила Константиновича Горшкова неразрывно связано и формирование авторитетной научной школы, воспитавшей целую плеяду талантливых социологов – учёных-теоретиков и практиков. Высокотехнологичные специалисты, подготовленные под руководством академика Горшкова, работают во многих отраслях народного хозяйства во всех регионах России, а также странах ближнего и дальнего зарубежья.

Неоценим труд Михаила Константиновича как просветителя и общественного деятеля. Он много лет отстаивает значимость социологии как инструмента саморефлексии общества. А продолжительное сотрудничество с официальным государственным печатным органом – «Российской газетой», другими авторитетными СМИ поддерживает и развивает публичную функцию российской социологии, как бы возвращая нашему обществу знание о нём самом. М. К. Горшков является членом редакционных коллегий ряда ведущих социологических изданий, а также основателем и главным редактором журналов «Вестник Института социологии» и «Социологическая наука и социальная практика», ставших дискуссионными площадками, где учёные, независимо от места проживания и академического статуса, могут делиться своими научными изысканиями, обсуждать проблемы и предлагать пути их решения.

Глубокоуважаемый Михаил Константинович! Все мы от всего сердца желаем Вам здоровья, долгих лет жизни и плодотворной работы на благо российской социологической науки!

ТЕМА НОМЕРА

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода)

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 15–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

For citation: Belyaeva L. A. Russian society's structuration during the first half of the 20th century (based on material from Russian sociological studies of the time). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 15–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

**Беляева
Людмила Александровна**

Институт философии РАН,
Москва, Россия

bela46@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [614677](#)

Аннотация. Предлагаемая статья продолжает серию работ, посвящённых формированию структуры российского социума¹. При оценке изменений в структурации российского общества за длительный период – с середины XIX в. по настоящее время, чему посвящён указанный цикл статей, нужно обратить внимание, что самые кардинальные и во многом катастрофические изменения произошли в результате двух эпохальных событий – большевистского переворота 1917 г. и распада Советского Союза с переходом к рыночной экономике в 1990-е гг. Оба эти события нарушили эволюционное развитие российского общества, вызвали социальные сдвиги, кардинально изменившие структурацию общества, которые невозможно оценить однозначно. Под влиянием этих событий коренным образом преобразовался социальный состав жителей страны, их жизненные миры, отношения между социальными группами и слоями, взаимодействие с новыми, созданными в процессе общественных переломов, элитами. В данной статье, затрагивающей процессы 20–30 гг. XX в., автор вновь опирается на методологию Э. Гидденса, предложившего использовать теорию структурации для анализа социальных отношений в пространстве и времени. Процессы структурации рассмотрены через призму исследований, которые проводились «по горячим следам» в тот период. Учитывая имевшиеся тогда идеологические ограничения, тем не менее можно проследить, как научные работы и статистические исследования тех лет отражали социальные процессы, в том числе в структурации общества. В статье использованы работы П. А. Сорокина, А. Г. Рашина, Л. Е. Минца,

¹ Первую статью цикла см.: [Беляева 2020].

А. И. Хрящевой, С. Н. Прокоповича, других исследователей и материалы переписей населения 1897, 1926 и 1937 гг. Статья ограничивается периодом с начала до 20–30 гг. прошлого столетия и теми исследованиями, которые были проведены в этот период. Показано, что ускоренная индустриализация нанесла сокрушительный удар по социальной ткани традиционного общества и изменила его структуру.

Ключевые слова: социология, структуризация, социальная и профессиональная структура, переписи населения 1926 и 1939 гг., рабочий класс, крестьянство

От сословий к классам: процессы структуризации населения Советского Союза и России в зеркале статистики и социальных исследований

При анализе процессов структуризации общества важное значение имеет утверждение Гидденса: «Онтология пространства-времени – неотъемлемый образующий элемент социальных практик – составляет основу концепции структуризации, которая *начинается* с временности, а, следовательно, в каком-то смысле с «истории» [Гидденс 2005: 41]. Следуя этому методологическому принципу, в данной статье я рассмотрела основные вехи изменений состава населения в переломный период отечественной истории. Первое, наиболее полное представление о социальном составе населения послереволюционной России получены в результате Всесоюзной переписи населения 1926 г. После переворота 1917 г. в России были официально упразднены сословия, и население уже учитывалось по иным – классовым, отраслевым, производственным, поселенческим – признакам. Как это отразилось в результатах переписи, можно представить, если сравнить её с материалами первой и самой полной дореволюционной Всероссийской переписи населения 1897 г., которая учитывала сословную структуру общества и состав населения по занятиям. Она включала в себя следующие сословия (с семьями): 99,8 млн (81%) составляли крестьяне; 13,4 млн (10,7%) — мещане; 1,7 млн (1,5%) — потомственные и личные дворяне; 624 тыс. (0,5%) — купцы и почётные граждане; 589 тыс. (около 0,5%) — духовенство; около 10 млн (8%) — «прочие» («инородцы»; деклассированные элементы; лица, не указавшие своей сословной принадлежности).

По своим занятиям население разделялось на сельскохозяйственное — 97 млн (77,3%), торгово-промышленное — 21,7 млн (17,2%) и «непроизводительное» — 6,9 млн (5,5%)¹.

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Табл. VIII. Распределение населения по сословиям и состояниям.

В. И. Ульянов (Ленин) на материалах этой переписи провёл приблизительный подсчёт классового состава населения империи. Из 125,6 млн. жителей к крупной буржуазии, помещикам, высшим чинам и прочим им были отнесены около трёх миллионов человек, к зажиточным мелким хозяевам – 23,1 млн, беднейшие мелкие хозяева составили 35,8 млн, пролетарии и полупролетарии 63,7 млн [Ленин 1971].

Анализ и группировку городского населения по материалам переписи 1897 г. с учётом групп занятий осуществил А. Г. Рашин. Наиболее значительной группой были работающие в промышленности – 30,9%, торговле – 17%; занятые «частной службой, прислуга, подёнщики» составляли 14,5%; в сельском хозяйстве были заняты 9,4% городского населения (в основном это жители малых и средних городов) [Рашин 1930]. Учёт сословного характера российского общества был предопределён в опросном листе, где каждый опрашиваемый должен был назвать своё «состояние» или сословие. Перепись была проведена на очень высоком уровне и дала полное представление о населении в разрезе всех губерний и уездов России, особенно подробно были представлены данные о населении в европейской части страны. Данные переписи были опубликованы в 89 томах (119 книгах) под общим заглавием «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года».

Вторая, на этот раз Всесоюзная перепись населения была проведена в период НЭПа в 1926 г. и смогла дать достоверные данные о фактическом составе населения по занятиям, в том числе о предпринимателях, возродившихся в период НЭПа. Её результаты были проанализированы и опубликованы в 56 томах. Переписные листы содержали следующие вопросы: главное и побочное занятия, положение в занятии (предполагались ответы «хозяин», «наёмный рабочий», «служащий», «рантье», «безработный», «лицо свободной профессии», «деклассированный» и т. д.); для безработных – продолжительность безработицы и прежнее занятие, источник средств существования. В результате анализа данных было показано, что из 147 млн. населения Советского Союза 82,7 млн., или 56%, были заняты в отраслях производства, 1 млн. были безработными; 2,5 млн. относились к пенсионерам, учащимся, стипендиатам, военнослужащим, лицам свободных профессий и прочим; 60,8 млн. в составе населения были иждивенцами. Можно предполагать, что в составе иждивенцев было довольно много лиц трудоспособного возраста, которые не относились к безработным, но тем не менее не имели работы. Как и до революции, численность занятых в сельском хозяйстве по переписи 1926 г., была самой большой – 71,1 млн человек, или 81,1% занятых в экономике; 18,9% приходилось на все остальные отрасли. При этом наёмный труд в сельском хозяйстве был распространён очень слабо, в основном работы выполняла семья крестьянина, лишь эпизодически (в период страды) нанимая работников. Напротив, среди несельскохозяйственного активного населения 76,4% были наёмными работниками;

23,6% работали самостоятельно – были хозяевами своего дела, членами артелей, одиночками, помогающими членами семьи, и лицами свободных профессий¹.

К моменту проведения переписи страна пережила революцию, гражданскую войну, военный коммунизм, заложивший идеологию огосударствления всех сфер общества под руководством партийной номенклатуры. В России была осуществлена попытка провести модернизацию отличным от западного образца способом – сделать ускоренный рывок к модернизированному обществу в стране, которая не была к тому объективно готова. Для этого руководством страны использовались жестокие методы внеэкономического принуждения. Они основывались на непомерной бюрократизации управления (в двух столицах 40% работоспособного населения было сосредоточено в госконторах); на ликвидации корректирующей и стимулирующей роли рынка; тотальном ущемлении интереса производителей и потребителей [Ильин и др. 1996]. Действия правящей верхушки никак не соответствовали тем идеям и социальным технологиям, которые разрабатывались российскими мыслителями, ответственно думающими о будущем России [Новикова, Сиземская 2000]. В послереволюционной стране в условиях «военного коммунизма» осуществлялось авторитарное давление в крайних формах. Оно «подавило реальный воспроизводственный процесс и привело к возрастающей дезорганизации, распаду общества ... После 1925 года началась, в соответствии со старой традицией, перекачка средств из деревни в индустриализацию, что ещё больше обострило ситуацию, означало укрепление порядка, противостоящего рынку» [Ахиезер 1998: 455]. Успехи героической индустриализации и жесточайшей коллективизации сопровождались утвердившимися в обществе на долгие годы покорности, безынициативности, симуляционного поведения, безоглядной лояльности руководителям. Эти черты наиболее ярко проявлялись в политическом сознании и поведении основной части населения, сочетаясь парадоксальным образом с самоотверженностью и инициативой в профессиональной деятельности [Аксенова 2016].

Для модернизации экономики в мирных условиях и при предельной усталости населения требовалось преобразовать социальную структуру, сделать ставку на социальный слой, способный решать задачи ускоренной индустриализации. Одно лишь уничтожение привилегированных сословий не позволяло решать эту проблему, необходимо было сформировать новую социальную структуру, которая давала бы возможность проводить индустриализацию страны, поднять технический уровень крупной и местной промышленности, создать собственную сырьевую базу. В 1920-е гг. разворачиваются ударные стройки, возводятся новые промышленные предприятия, в результате отмечается беспрецедентный рост численности промышленных рабочих.

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М.: ЦСУ Союза ССР. 1927–1929. Вып. 10: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. 1929. 19, 250, [1] с. : табл. (На обл. опечатка в загл. : Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1929 г., вместо 1926 г.). С. 4, 7, 9, 12, 18.

На селе была сделана ставка на коллективизацию и повышение товарности сельского хозяйства, способного накормить город. В ходе революции были уничтожены крупные производители, дававшие свыше 70% товарного зерна – помещики и зажиточные крестьяне. Преобразование деревни шло с очень тяжёлыми последствиями для крестьян. Здесь по-прежнему преобладал тяжёлый ручной труд при низкой товарности производства, осуществлялось принудительное обобществление, создавались неэффективные колхозы и совхозы, соблюдался классовый принцип продажи сельхозтехники, увеличивались налоги с кулаков (они давали половину деревенских сборов). Эти меры совершенно подорвали сельскохозяйственное производство. В 1927–28 гг. план хлебозаготовок был сорван. Сбои в снабжении промышленных центров хлебом угрожали дестабилизацией, голодом.

Выход страны из тяжёлого экономического положения после революции и гражданской войны, наличие отсталой отраслевой структуры и огромной массы бедного населения, низкий уровень образования и профессионализма, неэффективная, бюрократизированная система управления, опиравшаяся на террор и внеэкономическое принуждение, не могли обеспечить модернизационного прорыва, реального приближения России к европейским странам по уровню развития. Как справедливо пишет Э. Э. Шульц, «ускоренная индустриализация за счёт ущемления других областей социальной и экономической жизни в 1930-е гг. имела место и сыграла свою роль... Однако основной «прорыв» СССР произвёл не в 1920-е и не в 1930-е гг., а в ходе и после Второй мировой войны за счёт неимоверного напряжения и мобилизации всех ресурсов, в первую очередь людских» [Шульц 2015].

Две основные социальные группы – рабочий класс и крестьянство – стали основными объектами изучения в 20–30-е гг., отдельные исследования были посвящены формированию инженерно-технических кадров.

Исследования рабочего класса и технических кадров

В послеоктябрьский период наибольший интерес у исследователей и партийных руководителей вызывали процессы, связанные со становлением рабочего класса. Изучались его быт, профессиональный состав, источники пополнения, связь с землёй. Ускоренная индустриализация страны вызвала заметный рост численности рабочих, пополнявшихся из различных слоёв общества, прежде всего из крестьянства. В соответствии с идеологическими указаниями на руководящую роль пролетариата в построении нового общества, в изучении рабочего класса большое внимание уделялось социальному происхождению, присутствию в ведущих отраслях потомственных рабочих, а также разрыву связей с деревней первых поколений рабочих. Эти показатели постоянно отслеживались в проводившихся переписях рабочих и служащих. Особый

характер имели исследования, носившие характерную для своего времени печать проверки на подлинную «пролетарскую чистоту» кадровых рабочих. Теоретические исследования на тему рабочего класса практически не проводились, исключение составляла только статья Б. Л. Маркуса «К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР [Маркус 1930].

В официальных концепциях выделялись три слоя в составе рабочего класса: один слой составляла основная масса кадровых рабочих, в том числе имеющих пролетарское происхождение; второй – бывшие крестьяне и выходцы из других непролетарских слоёв; третий слой – рабочая аристократия, наиболее зажиточная часть рабочего класса, склонная к восприятию буржуазной идеологии. Эти официальные установки служили методической рамкой для исследования.

Основным источником информации о рабочем классе были переписи, которые регулярно проводились в отдельных отраслях, городах, на предприятиях. В связи с этим сошлёмся на книгу А. Г. Рашина «Металлисты СССР» [Рашин 1930]. В ней проанализированы материалы переписи 1929 г. Перепись производилась по выборочному методу. Было переписано свыше 20% рабочих металлургической промышленности. Состав рабочих представлен по социальному происхождению, по связи с сельским хозяйством, квалификации, производственному стажу, продолжительности пребывания на последнем месте работы. Также был проанализирован культурный уровень, партийный состав и общественная активность. Оказалось, что в 1929 г. уже 56,9% металлистов – дети рабочих, 36% – крестьян, 4,8% – служащих; дети кустарей, торговцев и т. д. – 2,4%. При этом 20% рабочих не порывали связи с сельским хозяйством и имели землю. Грамотность среди металлистов была довольно высокая. Только 5,2% рабочих были неграмотными, среди них старше 40 лет – 14,7%. Продолжительность школьного обучения была зафиксирована в соответствии с квалификацией и возрастом, полом и партийностью.

В период кризисного состояния экономики в 20-е гг. было проведено несколько исследований о материальном положении безработных. Так, Л. Е. Минц изучал бюджеты безработных в шести городах России – Москве, Ленинграде, Сталинграде, Харькове, Иваново-Вознесенске и Туле [Минц 1927]. Были обследованы безработные без семей и живущие в семьях, индустриальные рабочие и совслужащие. В процессе исследования сравнивались бюджеты безработного и занятого рабочего, анализировалась зависимость бюджета от длительности безработицы, от квалификации рабочего. Л. Е. Минцу принадлежат и другие работы этого периода [Минц 1929; 1926].

Среди проводившихся в первые послереволюционные годы исследований выделяется статья П. А. Сорокина «Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп» [Сорокин 1921]. В это время Сорокин работал в Петроградском университете и в лаборатории по изучению рефлексологии профессиональных групп

при Институте Мозга в Петрограде. Последнее обстоятельство объясняет присутствие в статье материалов, посвящённых влиянию профессий на психические приспособления и деформации.

Профессия рассматривается Сорокиным не только как род трудовой деятельности человека, предмет его постоянных занятий и свидетельство наличия у него опыта, знаний и умений, позволяющих выполнять данный вид работ. Как определил сам Сорокин, задача его статьи шире – с одной стороны, рассмотреть влияние, которое оказывает профессиональная деятельность на поведение и переживания людей, а с другой – сделать описание социальных эффектов, являющихся следствием такого влияния. Сорокин методологически обосновывает систему социальных критериев, позволяющих определить социальные характеристики различных профессий и сформулировать индикаторы их социальных различий. Сорокин пишет, что прямо или косвенно профессия определяет: 1) бюджет времени человека, 2) его жилище, 3) одежду, 4) пищу, 5) его потребности и способы их удовлетворения, 6) характер его увлечений, 7) семейное положение, 8) способы поддержания знакомств, 9) способы соблюдения конвенциональных правил и профессиональной этики. Сорокин ставит вопросы профессионального расслоения общества, профессиональной мобильности, профессиональной солидарности и профессионального корпоративизма. Последний формируется в силу сходства поведения, стремлений и интересов однопрофессиональных лиц, которые будут солидаризироваться друг с другом на почве сходства и общих интересов. Члены резко различных друг от друга профессий, наоборот, будут взаимно чуждыми и возможно враждующими друг с другом в силу резкой их гетерогенности, а часто и противоположности стремлений и интересов. Сорокин предупреждает о профессиональной деформации работника, видит выход в профессиональной мобильности, но при этом подчёркивает необходимость соблюдать принцип специализации.

В качестве приложения к статье Сорокин публикует «Программу и методы исследований профессиональных групп, профессионального отбора и профессиональной деформации», которая включает применение опроса, наблюдения, измерения, кинематографическую съёмку, фотографию, антропологические измерения, врачебное исследование и пр. Можно сказать, П. Сорокин предложил программу комплексного исследования практически любых профессиональных групп, которая могла бы использоваться и по отношению к другим общностям.

Ещё одним направлением изучения социальных характеристик рабочего класса являлось составление бюджетов времени, которые дают возможность фиксировать и далее анализировать поведение людей в сферах труда, быта, образования и отдыха.

Первые бюджеты времени в России были обследованы по инициативе С. Г. Струмилина органами государственной статистики в 1920–30-е гг. Целью обследований было определение изменений в быте и повседневной жизнедеятельности трудящихся в результате социальных перемен. В работах Струмилина были заложены методоло-

гические основы, принятые в последующем исследователями бюджетов в России. Им было обосновано, что экономическую сущность имеет не только труд в общественном производстве, но и домашний труд. И на производстве, и вне производства, считал Струмилин, действует объективный закон стоимости [Струмилин 1964]. Он выдвинул также положение об общественной стоимости воспроизводства рабочей силы, которая включает и стоимость домашнего труда.

В статье «Бюджет времени рабочих в 1923–1924 гг.» [Струмилин 1925], автор проанализировал результаты исследований, проведённых в десяти городах России. Всего было обследовано 311 семей рабочих и 26 рабочих без семей. Данные 1924 г. показали, что максимальная нагрузка падает на зарабатывающих женщин, являющихся в 80% случаев и домашними хозяйками. Их трудовой день достигал 14 час. 45 мин. Домашние хозяйки, не работающие по найму, были заняты 11 час. 46 мин в день. Для всех групп обследованных время работы в будни с 1922 по 1924 гг. увеличилось, а время отдыха уменьшилось. Струмилин отмечает, что необходима рационализация домашнего труда для сбережения «трудовой энергии рабочих» ради более эффективного производственного труда и культурного развития. Сравнивая бюджеты в семьях столичного и провинциального рабочего, Струмилин отмечает значительные различия в затратах времени на домашний труд – в провинции они на 84% больше, чем в столицах. В то же время столичный рабочий больше тратит времени на дорогу до работы, хождение на рынок и в магазины. Наибольшую ценность, по Струмилину, имеет «свободный труд», потраченный на самовоспитание и общественную деятельность, на развитие человека.

Наряду с работами по изучению рабочего класса в идеологической партийной парадигме в этот период выходили немногочисленные работы, посвящённые формированию технической интеллигенции в Советском Союзе. Помимо упомянутой выше работы Л. Е. Минца, обратим внимание на публикацию А. Е. Бейлина «Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост» [Бейлин 1935]. Он был одним из первых, кто попытался проанализировать состав ИТР в период 1917–35 гг. А. Е. Бейлин подразделил интеллигенцию на три группы в соответствии с позицией, занятой её представителями по отношению к Советской власти. В одну группу были включены специалисты, противостоявшие большевикам. Именно они, по мнению Бейлина, оказались причастными к пресловутому «вредительству». Вторую группу составили инженеры и техники, занявшие позицию активного сотрудничества с властью. Автор полагал, что данная группа являлась наиболее многочисленной в силу своей социальной близости к рабочему классу. В третьей группе оказались специалисты, лояльно настроенные по отношению к власти, но не демонстрировавшие открыто свои политические предпочтения. Нельзя не отметить односторонность избранной модели структурирования, основанной лишь на характере политических взглядов, но вместе с тем в монографии Бейлина были показаны особенности процесса формирования технической интел-

лигенции: феномен выдвигенчества, образовательный уровень специалистов, система подготовки кадров, соотношение в промышленности кадров разной квалификации. Несмотря на идеологическую ориентацию исследования, оно содержит ценный материал о формировании и характеристике технических кадров в 20–30 гг. прошлого века в России.

Уже в первом десятилетии существования советской власти происходили значительные изменения в условиях и формах быта рабочих. Задачи развития промышленности делали необходимым повышение их уровня жизни и улучшение жилищных условий. Были проведены «мероприятия» по «уплотнению» богатых людей и интеллигенции, т. е. вселению в их квартиры рабочих с окраин, которые не умели пользоваться бытовыми удобствами в новых своих жилищах, и в результате в жилом фонде городов, особенно крупных, наступила разруха [Дедюхова]. Как происходило это «уплотнение», художественно ярко описал М. А. Булгаков в повести «Собачье сердце». Естественно, что по соображениям «революционной» цензуры и идеологическим установкам, эти аспекты бытовой жизни рабочих не становились в те годы предметом объективного изучения. Тем не менее можно сослаться на одно комплексное исследование условий, структуры и форм повседневной бытовой деятельности, которое было проведено в середине 1920-х г. под руководством Е. О. Кабо [Кабо 1928]. В 1924–25 гг. уже наметились сдвиги в бытовых условиях и материальной обеспеченности рабочего класса, что отразилось на характере его быта. Появились новые явления и в культурной жизни рабочих – клубы, кружки, производственные совещания и т. д. Как пишет Е. О. Кабо, «в порядок дня была поставлена задача устройства рабочей жизни». Обследованием 1924–25 гг. было охвачено почти 200 рабочих семей. Метод исследования – статистико-монографический, сочетающий изучение бюджетов и монографическое описание типичных рабочих семей. Был использован экспедиционный способ сбора данных. Анализ проводился по широкому кругу проблем: влияние социального происхождения, обучения, заработной платы на быт рабочих; бюджет семьи, её питание, жилище, одежда и домовый инвентарь; культурные потребности, воспитание детей, релаксация.

В работе Е. О. Кабо были поставлены и решены некоторые методологические вопросы проведения подобных исследований, в частности принципы группировки рабочих. Разумеется, они несут на себе знак эпохи, но дают возможность живо представить человеческие типы, отнесённые исследователем к той или иной группе. Кабо выделяет четыре группы рабочих: 1 – «рабочая целина» – т. е. рабочие, сохранившие в неприкосновенности старые устои замкнутого дореволюционного быта; 2 – рабочие, в чьей жизни в той или иной форме прошла «первой бороздой новая революционная культура»; 3 группа – рабочие семьи, «где современная культура встретила хорошо вспаханную почву, и где новый бытовой уклад развивается без больших скачков и противоречий», и 4-ю группу составляли те рабочие, «чья жизнь ещё задолго до революции сложилась под влиянием революционной борьбы». Рабочие 4-ой группы к 1924 г. у станка уже не стояли, а были вовле-

чены в общественную и административную работу и поэтому не были представлены в исследовании [Кабо 1928: 28]. Несмотря на идеологически-классовые принципы группировки, собранный эмпирический материал был проанализирован с высоким мастерством. Монографические описания рабочих семей были выполнены столь подробно и аналитично, что в результате создавалась реальная социально-дифференцированная картина рабочего класса с живыми человеческими типами.

Исследования села и крестьянства

Фундаментальное исследование тенденций развития города и деревни в России в первые десятилетия XX в. провёл выдающийся русский социолог П. А. Сорокин, показавший необходимость ускоренной урбанизации России. Его большая статья «Город и деревня (био-социологическая характеристика)» [Сорокин 1923] вышла в Праге в первые годы эмиграции учёного.

В деле воссоздания России, пишет П. А. Сорокин, требуется учёт её деревенского характера – того факта, что 86% её населения – жители деревни («деревенщина»), а 74,6% заняты в сельском хозяйстве и в профессиях, к нему примыкающих. Сорокин выделяет три группы различий города и деревни.

1. *Биологические.* Деревня, а не город, является национальным резервуаром здоровья. Всё поведение – рефлексы, инстинкты, импульсы и весь организм человека в течение многих веков приспособились к деревенской, а не к городской жизни. Об этом говорит статистика профессиональных заболеваний, брачность, рождаемость, смертность. Эти показатели лучше в сельской местности. «Биологически город – «потребитель» населения, а не его «производитель». Он «тратит» здоровье, а не «копит» его» [Сорокин 1923: 7]. И в этом смысле агрикультурные страны, подобно России, имеют потенциальное преимущество перед сильно индустриализированными.

2. *Различия в поведении,* обусловленные окружающей средой. Опыт горожанина шире, чем сельского жителя, но менее устойчив, более поверхностен, опосредован. Опыт «деревенщины» сравнительно узок, содержание сознания ограничено, но его опыт – прямой; то, что он знает, – он знает прочно и основательно. Как пишет П. А. Сорокин, «деревенщина» всему учится «буквально своим организмом». «В силу этой «непосредственности» опыт у него оседает прочно, ибо он адекватен явлениям... Город, особенно большой *город*, был всегда очагом новаторства, изменений, социальных волнений, проводником «моды», словом, «бродильным ферментом» в жизни всей страны. Деревня, напротив, ... пока она не урбанизирована, была «оплотом» порядка, консервативности, носителем и хранителем «национальных» черт, традиций, шире – всей истории страны» [Сорокин 1923: 13]. Город, по выражению Сорокина, «нервная система страны, а деревня копит нервную энергию».

3. *Различия в духовном облике.* Среда и профессии горожанина и крестьянина вызывают различия мировоззрения, отношения к собственности, к экономическому коллективизму и индивидуализму. У рабочего рефлекс индивидуального присвоения, или инстинкт собственности, оказывается «ущемлённым», неудовлетворённым, а поэтому он толкает человека к завладению хотя бы частью богатства, понуждает массы рабочих на обобществление и социализацию. Значительно другими являются условия в деревне. Здесь инстинкт собственности может находить своё удовлетворение. Огромное значение в деревне имеет индивидуальность работника. «Урожай определяется прежде всего личными усилиями и индивидуальностью работника» [Сорокин 1923: 21]. Коллективизация в деревне возможна лишь в форме *вольной кооперации*, которая не ущемляет чувства собственности и индивидуальной самостоятельности, а лишь дополняет его.

Город и деревня, по Сорокину, два мира – разных биологически, психически и социально. Урбанизированная страна всегда будет гораздо более активной, будет проявлять несравненно большую энергию, чем страна сельская, но только до тех пор, пока она имеет деревенский тыл, восполняющий её колоссальные траты. «Чтобы быть громадной кинетической силой, чтобы выявить свою огромную потенциальную энергию, таким странам – Россия в их числе – придётся усилить свою урбанизацию. Самым лучшим выходом ... была бы «рурбанизация», т. е. такая форма общежития, где были бы соединены в одно положительные стороны города и деревни» [Сорокин 1923: 22].

В практическом изучении послереволюционного села активное участие принимали бывшие земские статистики. Читая сегодня эти работы, можно заметить их прижатность, идеологическую корректность с оглядкой на новый режим, но вместе с тем они содержат большой материал о быте, культурном уровне, наличии источников информации на селе, о других аспектах деревенской жизни. На фоне подобных исследований образцовым можно назвать исследование, проведённое М. Я. Феноменовым в деревне Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии. Материал собирался в течение трёх лет, в нём тщательно освещались разные стороны жизни 83 крестьянских дворов [Феноменов 1925]. Были рассмотрены взаимоотношения жителей в рамках разных социальных объединений и учреждений – в семье, общине, волости, партийных организациях и т. д. Автор анализировал состав населения в связи с его имущественным положением и убедительно показал, что богатая часть населения – самая здоровая и грамотная, в богатых семьях больше потомков. Было уделено внимание духовным процессам, отношениям между супругами и разными поколениями, положению женщины, воспитанию детей и др.

Плодом многолетних исследований была также монография А. М. Большакова, посвящённая Горицкой волости Тверской губернии [Большаков 1925]. Большаков много внимания уделит экономическому состоянию хозяйств, описал быт, питание, образование, культуру, рели-

гию, мысли и настроения крестьян, проблемы волостного управления. Большаков, хотя и был в 1924–25 гг. преподавателем Ленинградского университета, сам вёл своё крестьянское хозяйство в Тверской губернии, хорошо знал дореволюционную и советскую деревню 1920-х гг. Его выводы о возможностях кооперации в деревне расходились с проводимой советской властью политикой (А. М. Большаков был арестован в 1939 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации и расстрелян в 1941 г.). Он писал, что в области сельского хозяйства регулятором должна стать кооперация, опирающаяся на самодеятельность населения: «Коллективизировать крестьянские хозяйства – это совсем не значит стричь их под одну гребёнку, загонять, например, всех в коммуну (хочешь, не хочешь, а иди). Наша обширная страна так пестра по своим хозяйственным условиям и реальному соотношению сил между различными экономическими группами крестьян, что вариантов коллективизации их хозяйств может быть немало» [Большаков 1925: 82].

Социальная дифференциация крестьянства стала предметом исследования Ф. Железнова о Большеверейской волости Воронежской губернии [Железнов 1926]. Он изучал отношение бедняков, середняков, зажиточных и кулаков к налогам, сравнивал их мнения об общине, коллективном хозяйстве, выходе семей на отруб, поселению на хуторах. Опрашивая крестьян об образовании, он убедился, что чем беднее крестьянин, тем неграмотнее он был. Половина опрошенных относилась безразлично к отмене в школах «закона Божьего», одна четверть положительно, а другая – отрицательно. В книге Ф. Железнова подробно описан быт крестьян, их жилище, санитарное состояние изб и т. д.

Определённый интерес представляет исследование, проведённое в 1924 г. с использованием корреспондентского метода через газету «Беднота». 36 крестьянских писем было опубликовано в книге «Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне» [Деревня... 1924]. В предисловии отмечается, что необходимо внимательно изучать, чем дышит середняк. «Одна статистика здесь поможет мало. Нужны более подвижные, чуткие органы восприятия деревенской действительности. <...> Косвенным и очень ценным материалом являются показания самих крестьян <...>. Это не наблюдение случайно попавшего в деревню обследователя-коммуниста, а отголосок **типичных, массовых** воззрений, свойственных деревне нашего дня» [Деревня... 1924: 6]. В своих ответах на вопросы крестьяне расширили признаки кулацкого хозяйства за пределы только наличия того или иного инвентаря, а говорили о том, как приобрёл кулак своё хозяйство, прибежал ли он к наёмному труду, к торговле, к разным способам кредитования нуждающихся. В письмах отмечается, что часть кулаков возникла посредством пребывания в комитетах бедноты, исполкомах и других управленческих органах.

Довольно большой эмпирический материал был проанализирован в историко-сравнительном исследовании, которое провёл в 1926 г. К. В. Шуваев [Шуваев 1927]. Его книга под названием «От вымирания

к возрождению. Повторное исследование бывш. «вымирающих» селений (с. Ново-Животинного и д. Моховатки) Воронежской губернии и уезда» была опубликована в 1927 г. Материал собирался в тех же населённых пунктах, где до революции обследовал крестьянские хозяйства А. И. Шингарёв. Было проведено сплошное подворное экономическое и бытовое описание всех хозяйств и селений в целом. Изучались архивные материалы, старые метрические церковные книги и пр. Кроме того, обследована деятельность потребительского общества и кредитного товарищества, изучено состояние здравоохранения, смертность и рождаемость населения, религиозность, следование языческим обрядам, грамотность, санитарное состояние селений, промыслы, дифференциация хозяйств и т. д. Как объективный исследователь, К. В. Шуваев отмечает улучшение социально-экономического положения деревни и показывает, что дифференциация крестьянских хозяйств на селе развивается. Различия хозяйств, продающих свою рабочую силу более 50 дней в году и нанимающих рабочую силу более 50 дней в году, составляет по совокупности всех средств производства около 8 раз. В книге проводится сравнение с состоянием деревни в 1906 г. по исследованию А. И. Шингарёва [Беляева 2020].

Спустя 10 лет (в 1937 г.) Шуваев публикует ещё одну книгу, в которой в основном восхваляет успехи колхозного строительства, и которая уже довольно бедна конкретным эмпирическим материалом о положении крестьянских семей. Вместо этого – в основном общее описание экономических успехов колхоза, эмоциональные свидетельства колхозников об их хорошей жизни. Словом, книга была сделана в традициях советской идеологической пропаганды.

Но вернёмся к исследованиям, проводившимся в 1920-е гг., до периода сплошной коллективизации сельского хозяйства. В русле земских статистических исследований в первые послереволюционные годы продолжались исследования села, возглавляемые бывшими земскими статистиками, пришедшими работать в 1918 г. в созданное Центральное статистическое управление РСФСР (а затем ЦСУ СССР). Динамические обследования крестьянских хозяйств, проводившиеся в 1919–27 гг. ЦСУ, связаны с именем А. И. Хрящевой, работавшей до революции земским статистиком в Саратовском, Смоленском, Вологодском, Харьковском, Тульском статистических бюро [Хрящева 1926]. В динамических переписях этого периода ежегодно обследовались тысячи крестьянских хозяйств, которые отбирались по принципу «гнезд». Каждое «гнездо» могло включать крупное село, несколько небольших деревень, иногда и целую волость. К 1927 г. переписывалось 3–4% всех хозяйств России [Динамика крестьянских... 1931].

В 1926 г. было намечено проведение Всесоюзной сельскохозяйственной переписи населения. Для её проведения требовалось решить много методологических вопросов, центральный из них: что же такое крестьянское хозяйство, какие признаки можно принять в его типологии? Крестьянское хозяйство в России, по мнению А. И. Хрящевой,

имеет свою историю, связанную с крепостной эпохой и общинным строем, поэтому к нему неприменимы признаки, которые используются на Западе для характеристики сельскохозяйственного предприятия. Крестьянское хозяйство А. И. Хрящева определяла как семейно-экономическую организацию, члены которой, объединённые производственным и потребительским бюджетом, организуют собственное сельскохозяйственное предприятие, участвуют в нём сами и, смотря по соотношению сил и средств, организуют другие предприятия или занимаются неземледельческими промыслами [Хрящева 1926]. В типологическую группировку крестьянских хозяйств автор закладывала довольно много признаков, учитывая многообразие функций, отношений, отраслевых особенностей и т. д. Всего она выделяла таким образом 20 типов хозяйств, каждый из которых затем группировался по размерам. А. И. Хрящева выступала против упрощённых оценок социального расслоения деревни, а дифференциацию крестьянских хозяйств не рассматривала как угрозу политическому строю, за что подвергалась критике.

В 1920-е гг. разворачивались большие дискуссии вокруг вопроса о перспективности мелкого семейного производства. Лидером этого направления исследований в России был А. В. Чаянов, принадлежавший к так называемой организационно-производственной школе. Сторонники этой школы разрабатывали теорию особого типа хозяйствования крестьянской семьи, которая сохраняет свои характерные черты и при капиталистической форме экономики, и при социализме. Предметом анализа являлась не только экономико-производственная, но и биолого-воспроизводящая функция семьи.

В своих научных трудах и выступлениях А. В. Чаянов полемизирует не только со сторонниками коллективизации деревни, но и с другими известными учёными, в частности с С. Н. Прокоповичем, который основную роль в развитии сельского хозяйства отводил технической оснащённости и экономической целесообразности. А. В. Чаянов сумел выработать собственный подход к анализу крестьянского хозяйства. Опираясь на достижения динамических переписей крестьянских хозяйств и производственно-демографический анализ дифференциации, сделанный земскими статистиками и организационно-производственной школой, он показал, что дифференциация крестьянства в 1920-е гг. радикально отличалась от дореволюционной. Перестраиваясь из натурального в товарное, российское крестьянское хозяйство испытывало аграрную перенаселённость, начинало мигрировать, развивать промыслы, и в результате дифференцировалось. Чаянов рассматривал расслоение крестьянства не как классовую дифференциацию, а как разделение основного массива семейно-трудовых хозяйств на четыре вида самостоятельных предприятий: фермерских, кредитно-ростовщических, промысловых, вспомогательных.

А. В. Чаянов считал, что основным дифференцирующим фактором на селе является размер семьи, который и определяет размер хозяйства. Анализируя материалы проведённых им бюджетных иссле-

дований в Старобельском уезде Харьковской губернии, он отмечал, что именно размер и демографический состав семьи определяет её зажиточность. Об этих проблемах А. В. Чаянов горячо говорил в докладе, который сделал в 1927 г. в ходе дискуссии в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики [Чаянов 1989]. Надо сказать, что в советской литературе в 1930-е гг. активно обсуждались поднимаемые им вопросы: по каким показателям можно определить процесс превращения крестьянских хозяйств в фермерские, каковы критерии кабальных форм эксплуатации, как можно оценить роль отхожих промыслов в валовом доходе семьи? Острота этих проблем порождалась взятый партией курсом на коллективизацию крестьянства.

Серьёзным исследователем состояния и перспектив развития сельского хозяйства в России был Н. Д. Кондратьев – автор теории больших циклов конъюнктуры, смена которых связана с качественными изменениями в хозяйственной жизни общества. Он оставил труды по экономике и планированию сельского хозяйства, выдвинул идею о необходимости создания неизмеримо более высокой технической оснащённости сельского хозяйства для успешного проведения коллективизации. Он подчёркивал преждевременность ускорения темпов коллективизации, на чём настаивало руководство партии большевиков. Свою позицию Кондратьев чётко обозначил на допросе в ОГПУ по делу Трудовой Крестьянской партии 4 августа 1930 г.: «По уровню развития производительных сил и духовной культуры при капиталистическом окружении дореволюционная Россия была не подготовлена к строительству социализма, особенно в сфере сельского хозяйства, и этот общественный строй не мог бы оказаться для нас наиболее прогрессивным... В этом смысле НЭП явился прообразом и основой такого строя»¹.

Такие учёные, как А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев и их соратники, представляли в России интеллектуальную преграду для осуществления планов по коллективизации. Они считали, что развитие индивидуального крестьянского хозяйства способно решать задачи повышения производства продукции и создания экспортного потенциала, а со временем эти хозяйства могут добровольно кооперироваться. Многие учёные, не согласные с насильственной коллективизацией крестьянства, партийные и практические работники были репрессированы. В их числе – Чаянов и Кондратьев. Посмертная их реабилитация состоялась только в 1987 г.

Иначе сложилась судьба другого крупного экономиста, статистика, социолога села, разностороннего учёного, с которым полемизировал Чаянов, – С. Н. Прокоповича. Он, наряду со многими деятелями науки, искусства и литературы, был выслан из России в 1922 г., но российская тематика, особенно проблемы крестьянства и кооперации, не ушла из его научного творчества. В 1924 г. в Берлине он издал монографию «Крестьянское хозяйство: По данным бюджетных исследований

¹ Из протоколов допросов в ОГПУ Н. Д. Кондратьева по делу Трудовой Крестьянской партии // <http://doc20vek.ru/node/3285> (Дата посещения: 25.05.2020).

и динамических переписей» [Прокопович 1924]. В ней он анализирует крестьянские бюджеты и утверждает, что не размер и состав семьи, или её потребности влияют на размеры крестьянского хозяйства, как считал А. В. Чаянов. Решающее значение принадлежит земле и средствам производства, как и в рыночном капиталистическом производстве. Поэтому нет никаких оснований для создания «особой» теории крестьянского хозяйства, считал Прокопович. Зажиточность двора – это экономический фактор, определяющий размер семьи. Другой фактор – связь хозяйства с рынком. При натуральном строении хозяйства семья больше, чем при денежном: рост потребностей под влиянием рынка понижает годовой прирост населения. Используя корреляционный анализ, С. Н. Прокопович показывает, что число работников в семье действует на доходность хозяйства гораздо слабее, чем размеры материальных факторов производства.

В этой работе С. Н. Прокопович спорит и с В. И. Лениным по вопросу о расслоении крестьян на два класса – сельский пролетариат и сельскую буржуазию. Он пишет: «чтобы мы имели дело с классами, нужно: 1) чтобы доходы этих социальных групп проистекали из различных источников, например, одна группа имела бы доход от продажи своего труда, другая – от капитала; и 2) чтобы принадлежность одних лиц и хозяйств к этим группам носила устойчивый, даже наследственный характер, чтобы группы были более или менее устойчивы по своему конкретному составу» [Прокопович 1924: 173].

Специальному анализу С. Н. Прокопович подверг влияние рынка на крестьянское хозяйство, отмечая, что для роста производительных сил в сельском хозяйстве необходимо развитие рыночных отношений, рост городов и промышленности, служащих рынком сбыта для его продуктов. Основное значение для будущего России имеет развитие хозяйств, которые обладают возможностью вступать в денежные отношения с промышленностью и участвовать посредством рынка в техническом прогрессе и росте производительности труда. «Лишь преодоление аграрного перенаселения выведет русское крестьянство на путь экономического прогресса, благосостояния и культурного развития» [Прокопович 1924].

Мнение экономистов-аграрников (А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев и др.), считавших наиболее перспективным для экономики соединение индивидуально-семейной, коллективной и государственной форм организации производства, было проигнорировано руководством страны. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял специальную резолюцию по вопросу о работе в деревне, в которой провозгласил курс на коллективизацию. Политика коллективизации предполагала отмену аренды земли, запрет наёмного труда и раскулачивание, т. е. конфискацию у зажиточных крестьян (кулаков) земли и имущества. Сами «кулаки», если не были расстреляны, направлялись в Сибирь или на Соловки. В 1930–31 гг. в отдалённые районы страны было выселено примерно 381 тыс. «кулацких» семей. Ускоренная индустриализация и насильственная коллективизация фактически ввергли страну в состояние войны государства против своих же граждан. Меры проведения коллективизации встретили массовое

сопротивление крестьян. Отказы вступить в колхоз расценивались как саботаж и подрыв советских устоев, а тех, кто сопротивлялся насильственному включению в колхозы, приравнивали к кулакам. Следствием коллективизации были миллионы жертв голода 1932–33 гг. и массовых репрессий.

Коллективизация сельского хозяйства позволила осуществить индустриальное развитие страны, но методы её проведения были кровавыми. Естественно, что объективных научных исследований об отношении крестьян к коллективизации и вообще об изменениях деревни в эти годы не проводилось. Возможность оценить эти процессы появилась значительно позже [Литошенко 2001; Данилов 2011; Современное крестьяноведение... 2015; «Первая заповедь»... 2016; Кондрашин 2018; и др. работы].

Всесоюзная перепись 1937 г.: утраченные и обретенные данные о структуре населения

Всесоюзная перепись населения 1937 г. задумывалась как демонстрация результатов социалистического строительства и успехов страны в увеличении численности населения, роста его образовательного и культурного уровня. Но, помимо идеологических доводов, очень существенной была потребность в точных данных о населении страны. Введение в городах в конце 1929 – начале 1930 гг. продовольственных карточек обострило необходимость оценки численности и состава жителей по источникам дохода и профессиональным занятиям. Данные переписи 1926 г. уже устарели, оценки на её основе не вызывали доверия, текущий учёт страдал многими недостатками. Перепись была проведена 6 января 1937 г., её предварительные итоги уже через 10 дней после проведения были представлены руководству страны, в том числе Сталину, объявлены «вредительскими», а ответственные за её проведение работники и многие рядовые исполнители были арестованы и репрессированы. Материалы переписи не были подвергнуты статистической обработке, не публиковались и были засекречены на несколько десятилетий¹.

Анализ архивных материалов показал, что анкета, составленная всеми ведущими специалистами, участвовавшими в переписи 1926 г., в конечной редакции под воздействием руководства страны была сильно упрощена и стала неполной. Организация переписи проводилась

¹ Лишь в последние десятилетия молчание вокруг переписи 1937 г. было нарушено, а на исходе 1980-х гг. стало известно о том, что материалы переписи хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). В начале 1990-х гг. материалы переписи были опубликованы сотрудниками Института Российской истории РАН отдельным изданием, очень ограниченным тиражом и стали библиографической редкостью. Из всего массива данных переписи обнаружено лишь несколько десятков таблиц, большая часть данных переписи была утрачена, в том числе по различным регионам страны // Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. С. 3–4. Позже вышел из печати сборник, содержащий материалы переписи и документы, относящиеся к её подготовке и проведению: «Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги». Сб. док. и мат. М.: РОССПЭН, 2007.

под прессингом руководящих органов и лично Сталина, заранее провозгласившего успехи Советской страны в повышении рождаемости, увеличении общей численности населения, росте численности рабочего класса и городского населения, в повышении грамотности и образовательного уровня жителей, всеобщего атеизма. Сталин редактировал анкету, по которой проводилась перепись, вносил такие коррективы, которые затушёвывали острые проблемы социально-экономического развития общества и в значительной степени упрощали и примитивизировали переписной лист. В конечной редакции анкета была утверждена в таком виде, что завышались данные руководителей государства, желавших показать достижения советского периода в повышении культурного уровня населения; упрощались сведения о миграционных процессах, чтобы скрыть депортацию неугодных лиц; вопрос о положении в занятиях был заменён «лобовым» вопросом о самоотнесении респондентов к общественным группам: рабочие, служащие, единоличники, кустари, лица свободных профессий, служители культа и другие нетрудовые элементы. Были и другие упрощения и «исправления» анкеты, которые снижали информационную ценность переписи для характеристики социальной структуры общества, миграционных и демографических процессов, социокультурных изменений.

Большим положительным достижением переписи стала подробная классификация занятий респондентов, которая включала профессии, присутствовавшие в переписи 1926 г. и появившиеся в связи с индустриализацией, коллективизацией и новой системой управления в стране. Были подробно описаны занятия руководящего персонала общероссийского, республиканского и областного масштабов. Особенно подробно даны характеристики руководителей в сельском хозяйстве. При названии занятия впервые отмечался уровень образования.

По окончании переписи её материалы обнародованы не были, но теперь мы знаем, что она учла 162 млн. человек, включая контингенты Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и НКВД. Последние переписывались с учётом заключённых, которые были учтены, как тогда говорилось, в особом порядке¹.

Причинами негативного отношения к переписи стало недовольство руководства страны и лично Сталина результатами предварительного подсчёта общей численности населения. Действительно, численность населения, по переписи, была значительно ниже прогнозируемой, исходя из данных текущего учёта населения, и даже ниже тех оценок, которые публиковались по прошлым годам. Специальным постановлением Совнаркома перепись была признана проведённой с грубейшими нарушениями и назначена повторная перепись на январь 1939 г. [Волков 2014: 122].

¹ При предыдущей переписи 1926 г. в общем порядке было переписано 146413,6 тыс. и в особом порядке всего 614,6 тыс. человек. За десять лет доля переписанных в особом порядке возросла больше чем в 7 раз (с 0,4% населения в 1926 г. до 3,1% в 1937 г.) // Население Советского Союза: 1922–1991 / Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. М.: Наука, 1993. С.27–28.

Обработка сохранившихся материалов переписи показала, что в 1937 г. численность населения без военнослужащих составляла 156,9 млн человек. «В это время военнослужащих числилось около 2 млн человек. Итого 158,9 млн человек. Но ведь перепись дала 162 млн. За счёт чего получается разница? Предполагаемый, но наиболее вероятный ответ: за счёт лиц, находившихся в местах заключения. В конце января 1937 г. по специальным контингентам НКВД числилось 2 млн 653 тыс. 036 человек. Эти данные были сообщены для включения их в перепись населения. С учётом их получаем показатель в 161,5 млн человек (158,9 млн плюс 2,6 млн), что почти совпадает с официальным итогом переписи 1937 г. (162 млн человек)». Эти выводы впервые сделал в своей статье в 1989 г. В. В. Цаплин, в то время директор Центрального государственного архива народного хозяйства СССР. [Цаплин 1989]. Он же объясняет значительные расхождения с численностью населения в 1937 г. по переписи и прогнозируемое число жителей по данным текущего учёта населения. На начало 1937 г. прогнозировали, что численность населения СССР будет не менее 170–172 млн человек, а по переписи было учтено только 162 млн. Разница составляла по меньшей мере 8 млн человек, которая образовывалась из-за того, что текущий учёт населения давал неверные, завышенные цифры за счёт занижения смертности населения и завышения рождаемости. Совершенно неудовлетворительное состояние текущего учёта населения являлось главной причиной разрыва между предположениями и фактической численностью населения, установленной переписью. Кроме того, в 1930-е г. отмечается активный уход за пределы СССР жителей Казахстана и Средней Азии. Основной причиной ухода был голод, вызванный насильственными и непосильными для населения скотозаготовками. Остальные 3,5 млн. человек, по мнению Цаплина, могут быть отнесены за счёт недоучёта смертей за истекшее десятилетие.

Цаплин пишет, опираясь на итоги переписи 1937 г., что примерные потери, понесённые советским народом за 1927–36 гг., следующие: 2 млн. человек покинули пределы СССР; 3,8 млн. умерли от голода; 1,5 млн. погибли в местах заключения. Кроме того, 1,3 млн. человек также могут считаться погибшими от голода и в местах заключения без официальной регистрации этих смертей. Общий итог – 8,6 млн. человек. В лагерях и тюрьмах погибали и уголовники. Но не они в те годы составляли основной контингент заключённых, для которых создавались невыносимые условия, будто специально предназначенные для физического уничтожения людей [Цаплин 1989]. Население страны рассматривалось как неисчерпаемый источник дешёвой рабочей силы в местах заключения, а поводов для арестов было предостаточно.

Не зарегистрированная в загсах смертность в 1927–36 гг. составила, по архивным исследованиям, примерно 3,8 млн. человек. Специалисты сходятся во мнении, что засекречивание материалов переписи населения 1937 г. было связано прежде всего с желанием скрыть размеры массового уничтожения населения в эти годы. Современные

учёные, исследовавшие оставшиеся в сохранности материалы переписи 1937 г., отмечают, что точность переписи относительно общей численности населения не вызывает сомнения. По самым минимальным подсчётам, за десятилетие после переписи 1926 г. потери населения составили около 11 млн человек [Жиromская и др. 1996: 44].

В результате индустриализации произошёл значительный рост рабочего класса и жителей городов, но при этом в партийных установках обозначались конкретные цифры роста, которые должна была подтвердить перепись. Увеличение численности горожан по сравнению с 1926 г. ожидалось вдвое, и организаторам пришлось с разными ухищрениями «наращивать» городское население до нужной величины, приписав около 2 млн человек. Индустриализация и её следствие – урбанизация увеличили долю городского населения, которая по переписи с поправками составляла 43 млн человек при сельском населении в 116,4 млн. Десять лет назад – в 1926 г. в городских поселениях проживало 26,3 млн, а численность сельских жителей составляла 147 млн¹. Развитие промышленного производства и коллективизация вызвали форсированную урбанизацию – рост старых промышленных городов и возникновение новых. В городах с численностью населения более 50 тыс. человек рост населения составил 190,9%, а при учёте жителей всех типов городских поселений и при включении контингента РККА и погранохраны НКВД – 197,1%. (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Население крупных городов СССР (свыше 50 тыс. человек) и всего городского населения по данным Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг.
The population of large Soviet cities (over 50 thousand people) and the entire urban population based on data from the Soviet censuses of 1926 and 1937

Городское население	1926 г. тыс. чел.	1937 г. тыс. чел.	1937 г. в % к 1926 г.
Население крупных городов СССР	15 436	29 469	190,9
Всего городского населения, включая контингенты РККА и погранохраны НКВД	26 314	51 861	197,1

Источник: [Жиromская и др. 1996: 60].

Перепись 1937 г. показала, что сельское население составляло 2/3 всех жителей СССР, или 116,4 млн человек, при тенденции к его сокращению главным образом за счёт районов, сильно пострадавших от голода 1932/33 гг. [Всесоюзная перепись... 2007: 76].

По данным переписи 1937 г. грамотность населения значительно выросла по сравнению с 20-ми годами – подавляющая часть населения была грамотной, дети и молодёжь учились в школах, техникумах и вузах, не было дискриминации женщин при обучении. Но полученные данные всё же не дотягивали до ожиданий накануне переписи. Грамотность не была «сплошной», в каждой возрастной группе был

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. 10 т. – Вып. 3: Население СССР. 1927. С. 3.

свой процент неграмотных¹. Грамотными были 86% мужчин и 66,2% женщин (с 9 лет и старше). Особенно высокие показатели грамотности были у молодёжи: среди 12–14 и 18–19-летних грамотных было свыше 90%, 561 тыс. человек учились в вузах, 913 тыс. – в техникумах и рабфаках. Всего обучением разного уровня было охвачено 28,5 млн человек [Всесоюзная перепись... 2007: 116].

Состояние грамотности и образования населения было ещё одной причиной, из-за которой правительство запретило обнародовать результаты переписи, поскольку она не подтвердила выводы партии о всеобщей грамотности населения страны.

Немало сложностей возникло и с определением религиозности жителей страны. Есть мнение, что вопрос о религии был добавлен в переписной лист Сталиным. Признали себя верующими 55,3 млн человек, или 56,7% лиц старше 16 лет, что опровергало миф о всеобщем атеизме. Это, вероятно, также послужило одним из доводов для признания переписи дефектной [Волков 1990.: 76].

При всех изъянах перепись 1937 г. давала обобщённое представление о социальном составе и занятиях населения (см. таблицу 2). В России, по сравнению с данными десятилетней давности, произошли кардинальные изменения в социальной структуре общества. Рабочие теперь трудились в основном на госпредприятиях, исчезли частные предприятия и хозяева с наёмными рабочими; хозяева, работающие только с членами семьи; безработные. Осталось незначительное число рабочих в промкооперации, на которую всё увереннее наступал государственный сектор. Коллективизация сельского хозяйства обусловила формирование в социальной структуре большой доли колхозников, почти полностью вытеснив из этой сферы экономики самостоятельных хозяев. В других отраслях они были объединены термином «единоличники» и составили только 4,5% населения. Многие другие категории населения, присутствовавшие в переписи 1926 г., были отражены и в 1937 г.: священнослужители, рантье, лица свободных профессий, нетрудящиеся элементы: нищие, бродяги и т. д. Это обстоятельство было поставлено в тяжкую вину организаторам переписи.

Социальная структура общества, сложившаяся в результате индустриализации, насильственной коллективизации и ликвидации «чуждых» элементов, по результатам переписи была сильно упрощена. Но статистики смогли произвести очень подробный учёт занятий рабочих и служащих во всех отраслях хозяйства с выделением квалификационных групп, и это их большое достижение [Всесоюзная перепись... 2007: 128–140]. Были выделены даже такие категории, как домработницы, составлявшие в то время более полумиллиона человек.

Большую ценность представляла информация о занятиях квалифицированных работников умственного труда. Руководящий персонал (председатели колхозов, руководители предприятий, учреждений и их отделов) составлял 1313 тыс. человек; юридический персонал 46,3 тыс.;

¹ Грамотным считался тот, кто мог читать по слогам и написать свою фамилию.

технический персонал, в его числе агрономы – 79,7 тыс.; инженеры, архитекторы – 249,6 тыс.; научный и культурно-просветительский персонал – 1446 тыс., в его составе почти 1 млн учителей; работники искусства – 159 тыс. человек. Были учтены и другие профессии умственного труда высокой и средней квалификации.

Таблица 2 (Table 2)

Состав населения СССР по социальным группам.
 Всесоюзная перепись населения 1937 г.
*The composition of the USSR's population by social group.
 The Soviet census of 1937*

Социальные группы	%
Рабочие	31,2
<i>В том числе:</i>	
рабочие госпредприятий	29,8
рабочие промкооперации	1,4
Служащие	13,6
<i>В том числе:</i>	
служащие госпредприятий	13,2
служащие промкооперации	0,4
Колхозники-земледельцы	37,1
Колхозники прочие	9,5
Единоличники	4,5
Промколхозники	0,6
Кооперированные кустари	0,5
Некооперированные кустари	0,7
Люди свободных профессий	0,02
Служители культа	0,04
Иждивенцы государства (пенсионеры, воспитанники в детских домах, инвалиды в инвалидных домах)	1,9
Живущие на доходы от сдачи домов, комнат и других помещений, продажи имущества	0,007
Нетрудящиеся элементы	0,004
Прочие, неточно обозначенные и неуказанные	0,33
Всего населения	100

Составлено по источнику: [Жиромская и др. 1996: 75].

Отдельное внимание было уделено учёту лиц, состоящих в рядах НКВД, погранохраны и внутренних войск (так называемого контингента «А»). Его численность составляла 270 тыс. человек. Кроме того, специально учитывались штрафной и вольнонаёмный контингент репрессивного аппарата (контингент «Б»), а также осуждённые и подследственные (контингент «В»). Последние два контингента составляли по переписи 1937 г. без малого 2 млн 390 тыс. человек [Всесоюзная перепись...

2007: 250]. При этом нужно учесть, что пик репрессий ещё не наступил – было только начало 1937 г. Эти секретные данные не предполагалось обнародовать, они проходили под грифом «секретно» с пометкой «не публиковать». По занятиям в местах лишения свободы контингенты «Б» и «В» присоединялись к профессиональным группам гражданского населения и в данном случае специально не выделялись. В рядах РККА было учтено 1 млн 683 тыс. человек [Всесоюзная перепись... 2007: 244]. Таким образом, всего почти 4,5 млн человек выполняли в государстве охранительные функции или были в изоляции.

Выводы

Рассмотрение процессов структуризации советского (российского) общества по материалам исследований, проводившихся в 20–30х гг. XX в., и данным переписей населения того периода, позволяет непредвзято взглянуть на особенности модернизационного процесса, осуществлявшегося до Великой Отечественной войны. Это было время ускоренной индустриализации, нанёсшей сокрушительный удар по социальной ткани традиционного общества и изменившей его структуриацию. В это время критическое отношение и осуждение происходящих преобразований жестоко подавлялись, вплоть до физического уничтожения недовольных. Многие исследователи и профессиональные статистики были в это время подвергнуты репрессиям, другие старались завуалировать нелицеприятные материалы и результаты своего анализа. Тем не менее проводимые исследования показывали реальные изменения в обществе, в том числе преобразование социальной структуры, изменения в социальном положении и культурном уровне населения и отдельных социальных слоёв, демонстрировали реальную численность населения, понёсшего большие потери в результате голода 1930-х гг. и репрессий.

Произошедшие изменения в структуриации общества были вызваны проводившейся по сталинским лекалам модернизацией страны. В этот период небывалыми темпами выросла численность рабочих, были ликвидированы частные предприятия, обобществлена земля, крестьяне из индивидуальных хозяйств были превращены в бесправных членов коллективных хозяйств с небольшими земельными наделами, подверглись репрессиям слои старых и новых интеллигентов. Вместе с тем были подготовлены, зачастую ускоренными темпами, многие тысячи новых специалистов, особенно в области техники, что увеличило в стране долю занятых организационным и специализированным умственным трудом. Значительно вырос слой управленцев.

Вслед за возведением и расширением промышленных объектов ускорились процессы урбанизации страны, сократилась численность сельского населения, которое мигрировало в города на предприятия и стройки, погибло от голода 1930-х гг. Значительно выросла грамотность населения, образовательная и профессиональная подготовка, особенно среди молодёжи. Вместе с тем слой неграмотных (не умеющих

читать и написать свою фамилию) сохранился во всех возрастных группах, не удалось достичь намеченной руководством страны сплошной грамотности населения.

Частично сохранившиеся материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., восстановленные по архивным материалам в 1990-е гг., показывают, что произошедшие изменения в структуризации населения свидетельствуют о начальной стадии индустриализации, достигнутой с принесением многочисленных жертв со стороны всех социальных слоёв.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН. 304 с.

Ахиезер А. С. 1998. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф. 804 с.

Бейлин А. Е. 1935. Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост. М.: ЦУНХУ Госплана СССР. 420 с.

Беляева Л. А. 2020. Структуризация российского общества в XIX – начале XX вв. (по материалам отечественных исследований) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 14–36. URL: <https://www.isras.ru/vestnik.html>

Большаков А. М. 1925. Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт. 2-е изд., знач. доп. Л.: Прибой. 263 с.

Волков А. Г. 1990. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы: Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3–5 (часть II). М. С. 6–63 // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html (Дата посещения: 28.05.2020).

Волков А. Г. 2014. Избранные демографические труды [Текст]: сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. А. Г. Вишневский. М.: НИУ ВШЭ. 567 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 320 с.

Гидденс Э. 2005. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 528 с.

Данилов В. П. 2011. История крестьянства России в XX веке: Избранные труды в 2-х ч. М.: РОССПЭН, 863 с.

Дедюхова И. А. Структура жилищного фонда и методы управления им в первые годы советской власти // URL: <http://www.deduhova.ru/srvreform/sovmethod.htm> (Дата посещения: 13.05.2020).

Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне. С портретами, биографиями и факсимиле крестьян. Предисловие Л. С. Сосновского. Примечания к письмам. М.: Изд. Грандова, 1924. 104 с.

Динамика крестьянских хозяйств в 1920–1923 гг. Итоги переписи динамических гнезд 1920–1925. М.: Госплан СССР, 1931.

Железнов Ф. 1926. Воронежская деревня. Вып. 1. Большеверейская волость (экономика и быт деревни). Воронеж.

Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. 1996. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / М.: Наука. 152 с.

Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. 1996. Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В. В. Ильина. М.: Изд-во МГУ. 400 с.

Кабо Е. О. 1928. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М.: Книгоизд-во ВЦСПС. 290 с.

Кондрашин В. В. 2018. Влияние коллективизации на судьбы России в XX веке // Российская история. № 4. С. 3–13.

Ленин В. И. 1971. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 3 М.: Политиздат. С. 501.

Литошенко Л. Н. 2001. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф. 536 с.

Маркус Б. Л. 1930. К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР // История пролетариата СССР. № 2. С. 23–71.

Минц Л. Е. 1926. Командный состав промышленности, транспорта и сельского хозяйства в СССР. С предисл. С. Г. Струмилина. М.: Вопросы труда. 86 с.

Минц Л. Е. 1927. Как живет безработный (бюджеты безработных). С предисл. С. Г. Струмилина. М.: Вопросы труда. 64 с.

Минц Л. Е. 1929. Аграрное перенаселение и рынок труда в России. С предисл. С. Струмилина. М.-Л.: Гос. изд-во. 470 с.

Новикова Л. И., Сиземская И. Н. 2000. Три модели развития России. М.: ИФ РАН. 272 с.

«Первая заповедь»: Хлебозаготовки в СССР. 1931–1932 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2016. 784 с.

Прокопович С. Н. 1924. Крестьянское хозяйство: По данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин: Кооперативная мысль. 244 с.: табл.

Рашин А. Г. 1930. Металлисты СССР / Под ред. Н. Н. Евреинова. М.: ВЦСПС. 233 с.

Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. 743 с.

Сорокин П. А. 1923. Город и деревня (био-социологическая характеристика) // Крестьянская Россия. Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. Прага. IV. С. 3–23.

Сорокин П. А. 1921. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности / Под ред. В. М. Бехтерева. П.: Госиздат. С. 397–419.

Струмилин С. Г. 1925. Бюджет времени рабочих 1923–1924 г. // Плановое хозяйство. № 7. С. 119–150.

Струмилин С. Г. 1964. Избранные произведения в пяти томах. Т. 3. Проблемы экономики труда. М.: Наука. С. 212.

Феноменов М. Я. 1925. Современная деревня. Опыт краеведческого исследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского уезда Новгородской губернии) Ч. II. Старый и новый быт: социальные навыки. Л.–М.: Гос. изд-во. 212 с.

Хрящева А. И. 1926. Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2-ое, исп. и доп. М.: ЦСУ Союза ССР. 172 с. с табл.

Цаплин В. В. 1989. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Письмо в редакцию // Вопросы истории. № 4. С. 175–181.

Чаянов А. В. 1989. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. 492 с.

Шуваев К. М. 1927. От вымирания к возрождению: Повторное исследование бывш. «вымирающих» селений (с. Ново-Животинного и д. Моховатки) Воронежской губернии и уезда / Под ред. И. А. Теодоровича. М.: Новая деревня (Л.: тип. Печатный двор). 382 с.

Шульц Э. Э. 2015. Русская революция и проблема модернизации // Вестник РУДН. Серия: История России. № 3. С. 12–13.

Статья получена 17.07.20

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

Russian society's structuration during the first half of the 20th century (based on material from Russian sociological studies of the time)¹

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy RAS

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Russian society's structuration during the first half of the 20th century (based on material from Russian sociological studies of the time) *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 15–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.676

¹ The first part of *Structuration of Russian Society in XIX – Early XIX Century (adapted from materials of domestic research)* has been published in the Herald of Philosophy Institute, Russian Academy of Sciences, No.2 for 2020. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Abstract. This article is an extension of a series of works dedicated to the shaping of Russian society's structure. The author's reasoning is based on the assumption that, when evaluating changes in the structuration of Russian society over a long period of time – from the mid-1800's and until today, which is the focus of the series of articles we mentioned – one should bear in mind that the most radical and, in many respects, catastrophic shifts occurred as a result of two groundbreaking events – the Bolshevik coup of 1917 and the collapse of the Soviet Union with the consequent transition to a market economy, which took place during the 1990's. Both of these occurrences disrupted the evolutionary development of Russian society, and caused social shifts which cannot be definitively assessed, with them having radically changed society's structuration. Influenced by these events, the country's social composition underwent some fundamental changes, as did the people's life-worlds, relationships between different social groups and layers of the population, and finally interactions with the new elites that sprouted from these social crises. In this article, which deals with processes that took place during the 1920's and 1930's, the author once again relies on the methodology of A. Giddens', who suggested using the theory of structuration to analyze social relationships in space and time. Structuration processes are examined through the lens of studies conducted during that period, in the heat of the moment, so to speak. Even when taking into account the political restrictions of the time, you can still trace how exactly contemporary scientific studies and statistical research reflected those social processes, including the structuration of society. This article utilizes the works of P. Sorokin, A. Rashin, L. Minz, A. Khryasheva and S. Prokopovich, among other researchers, as well as materials from the 1897, 1926 and 1937 population censuses. The article is limited to the period from the beginning of the century and up until the 1920's and 1930's, and consequently the studies that were conducted during that period.

Keywords: sociology, structuration, social and professional structure, 1926 and 1939 censuses, working class, peasantry

References

“The first commandment”: Grain procurement in the USSR. 1931–1932. Ed. by V.V. Kondrashin. Moscow, MFD, 2016: 784 (In Russ.).

Ahiezer A.S. Russia: a criticism of historical experience. Sociocultural dynamics of Russia. Novosibirsk, Sibirsky Khronograf, 1998: 804 (In Russ.).

Aksenova O.V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow: IS RAS publ., 2016: 304 (In Russ.).

All-Union Population Census of 1937: General Results. Collection of documents and materials. Compiled by V.B. Zhiromskaja, Y.A. Poliakov. Moscow, ROSSPEN, 2007: 320 (In Russ.).

Beylin A.E. Personnel of specialists of the USSR. Their formation and growth. Moscow, CUNHU of Gosplan USSR, 1935: 420 (In Russ.).

Bol'shakov A.M. Soviet village (1917–1925): economy and everyday life. Leningrad, Priboy, 1925: 263 (In Russ.).

Caplin V.V. Statistics of victims of Stalinism in the 30th. Letter to the editor. Voprosy Istorii = Issues of History, 1989: 4: 175 – 181 (In Russ.).

Chajanov A.V. Peasant economy. Selected Works. Moscow, Ekonomika, 1989: 492 (In Russ.).

Contemporary peasant studies and agrarian history of Russia in the XX century. Moscow, ROSSPEN, 2015: 743 (In Russ.).

Danilov V.P. History of the Russian peasantry in the XX century. Selected Works in 2 vols. Moscow, ROSSPEN, 2011: 831 (In Russ.).

Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Moscow, Akademicheskyy project, 2005: 528 (In Russ.).

Il'in V.V., Panarin A.S., Ahiezer A.S. Theoretical Political Science: Reforms and Counterreforms in Russia. Cycles of the modernization process. Ed. by V.V. Il'in. Moscow, MSU publ., 1996: 400 (In Russ.).

Kabo E.O. Sketches of the working life: The experience of a monographic study of the domestic working life. Vol. 1. Moscow, VCSPPS publ., 1928: 290 (In Russ.).

Khriaschiova A.I. Groups and classes in the peasantry. Moscow, CSU of USSR, 1926: 172 (In Russ.).

Kondrashin V.V. Impact of collectivization on the fate of Russia in the XX century. Rossiyskaja istorija = Russian History, 2018: 4: 3 – 13 (In Russ.).

Lenin (Ulianov) V.I. Development of capitalism in Russia. Full Coll. of Works. Vol. 3, Moscow, Politizdat, 1971: 501 (In Russ.).

Litoshenko L.N. Socialization of land in Russia. Novosibirsk, Sibirsky Khronograf, 2001: 536 (In Russ.).

Markus B.L. On the question of the methods of studying the social composition of the proletariat in the USSR. *Istorija proletariata SSSR = History of the Proletariat of USSR, 1930: 2: 23–71* (In Russ.).

Mints L.E. Rural overpopulation and the labor market in Russia. Moscow – Leningrad, State publ., 1929: 470 (In Russ.).

Mints L.E. How the unemployed lives (budgets of the unemployed). Moscow, *Voprosy truda, 1927: 64* (In Russ.).

Mints L.E. Command personnel of industry, transport and agriculture in the USSR. Moscow, *Voprosy truda, 1926: 86* (In Russ.).

Novikova L.I., Sizemskaja I.N. Three Models of Russia's Development. Moscow, IPh RAS publ., 2000: 272 (In Russ.).

Phenomenov M.J. Modern village. The experience of local lore research of one village (the village of Gadyshi, Valdai district, Novgorod province). Part II. Old and new life: social skills. Leningrad – Moscow, State publ., 1925: 212 (In Russ.).

Prokopovich S.N. Farming: Based on budgetary surveys and dynamic censuses. Berlin, *Kooperativnaja mysl', 1924: 244* (In Russ.).

Rashin A.G. Metalworkers of the USSR. Moscow, VCSPS publ., 1930: 233 (In Russ.).

Shults E.E. Russian revolution and the problem of modernization. *Vestnik RUDN. Serija Istorija Rossii = RUPF Bulletin. Series History of Russia, 2015: 3: 12–13* (In Russ.).

Shuvaev K.M. Extinction and revival of the village (S. Zhivotinnoe and the village of Mokhovatka of the Voronezh District of the Central Black Earth Region). Moscow, State publ., 1929: 125 (In Russ.).

Sorokin P.A. The influence of the profession on human behavior and the reflexology of professional groups. In: *Issues of studying and educating personality*. Ed. by V.M. Bekhterev. Petrograd, Gosizdat, 1921: 397–419 (In Russ.).

Sorokin P.A. City and village (bio-sociological characteristics). In: *Rural Russia. Vol. IV*. Prague, 1923: 3–23 (In Russ.).

Strumilin S.G. Problems of labor economics. In: *Selected works in 5 vols. Vol. 3*. Moscow, Nauka, 1964: 212 (In Russ.).

Strumilin S.G. Workers' time budget 1923 – 1924. *Planovoe hoziaystvo = Planned Economy, 1925:7: 119–150* (In Russ.).

The dynamics of peasant farms in 1920–1925 Results of the dynamic nest census. 1920–1925. Moscow, Gosplan USSR, 1931 (In Russ.).

Village under the NEP. Someone is considered a fist, someone is a worker. Moscow, Grandov's publ., 1924: 104 (In Russ.).

Volkov A.G. Selected Works on Demography. Moscow, NRU HSE publ., 2014: 567 (In Russ.).

Volkov A.G. Population census of the USSR in 1937. History and materials. In: *Serija "Istorija statistiki" = Series "History of Statistics". Release 3–5. Vol. II*. Moscow, 1990: 6–63 (In Russ.).

Zheleznov F. Voronezh village. Issue 1. Bolshevereiskaya volost (economy and everyday life of the village). Voronezh, 1926 (In Russ.).

Zhiromskaja V.B., Kiselev I.N., Poliakov Y.A. Half a century under the heading "secret": All-Union population census of 1937. Moscow, Nauka, 1996: 152 (In Russ.).

The article was submitted on: July 17.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, the Center for the Study of Social and Cultural Changes, Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.677

Представления современной молодёжи о личностных характеристиках коррупционера

Ссылка для цитирования: Журавлёв А. Л., Китова Д. А. Представления современной молодёжи о личностных характеристиках коррупционера // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 43–62. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.677

For citation: Zhuravlev A. L., Kitova D. A. Young people's ideas on a corrupt official's human qualities. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 43–62. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.677

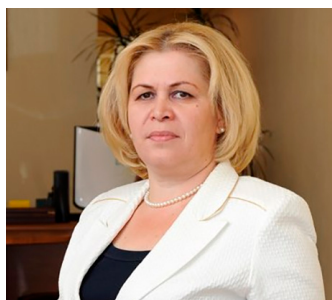

**Журавлёв
Анатолий Лактионович**

Институт психологии РАН,
Москва, Россия

alzburavlev2018@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [104754](#)

**Китова
Джульетта Альбертовна**

Институт психологии РАН,
Москва, Россия

j-kitova@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [665618](#)

Аннотация. В статье утверждается, что коррупция в России выступает системной проблемой общества, продолжает расширять свои границы и представляет угрозу национальной безопасности государства. Это требует пристального внимания современной науки¹. С психологической точки зрения, коррупция угнетает субъективное благополучие человека, деформирует правосознание молодёжи, формирует такие мировоззренческие представления, которые могут оказывать негативное воздействие на поведение молодых людей в будущем. Всё перечисленное весьма важно для социологии, так как во многом детерминирует целый ряд социальных процессов, включая процессы социально-экономического развития

¹ Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 18-013-01143.

страны. В пилотажной части исследования рассматриваются представления молодёжи о коррупции и её социальных проявлениях. Выявлено, что студенты воспринимают коррупцию как крупную социально-экономическую проблему, могут описать многие формы её проявления, причины распространения и способы противодействия ей (экономические, административные и уголовно-правовые), хотя недостаточно осмысливают социальные последствия коррупции. Студенты также разграничивают социальные (внешние) и личностные (внутренние) факторы коррупционного поведения. Установлено, что восприятие коррупционного поведения содержит ряд противоречий, связанных с низким уровнем правовой компетентности респондентов, которая проявляется при идентификации коррупционных правонарушений, что приводит к ошибкам в оценках особенностей коррупционного взаимодействия граждан. Кроме того, представления студентов о коррупции отражают в основном бытовой её уровень, поскольку молодёжь не обладает целостными представлениями об административной и т. н. «верхушечной» коррупции.

Результаты исследования показали, что оценки основных качеств личности коррупционера обычно носят негативный характер, при этом наиболее выраженные показатели связаны с низкой оценкой нравственных качеств коррупционера. Организационные и профессиональные способности коррупционеров рассматриваются респондентами как слабо- или средневыраженные, однако интеллектуальные способности коррупционера получают максимально высокие оценки. Противоречивые оценки вызывает и его коммуникативная компетентность: студенты в равной степени отмечают как позитивные и нейтральные, так и негативные особенности коррупционера. В ходе исследования проявились выраженные региональные различия в представлениях о коррупции у студентов, проживающих в разных городах России. Представления студентов о личностных характеристиках коррупционера в различных регионах требуют специального изучения.

Ключевые слова: социология, коррупция, социальные и психологические последствия, представления студентов, отношение к коррупции, личность коррупционера, интеллектуальные качества, мировоззренческие характеристики, профессиональная компетентность, нравственные качества, коммуникативные способности, региональные различия

За последние десятилетия коррупция в России переросла в системную проблему, представляющую угрозу национальной безопасности. К примеру, в 1999 г. заместитель Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайка отмечал, что Россия входит в десятку наиболее коррумпированных стран мира. В свою очередь, в 2006 г. первый заместитель Генпрокурора РФ А. Буксман заявил, что по некоторым экспертным оценкам объём рынка коррупции в России оценивается более чем в 240 млрд долларов, что говорит об его существенном увеличении. По последним данным, за восемь месяцев 2019 г. общий ущерб от коррупции, только лишь по оценке завершённых уголовных дел, составляет порядка 102 млрд руб., а теневой оборот в экономике страны достигает более 20 трлн руб. в год, что превышает третью часть всех денежных доходов россиян за 2018 г. [Генпрокуратура назвала... 2019].

К дополнительному экономическому ущербу от коррупции относится снижение собираемости налогов и сборов, возрастание бюджетного дефицита, подавление конкуренции, рост теневой экономики, отток

квалифицированных кадров за рубеж [Юревич, Журавлёв 2012]. К *психологическим* последствиям коррупции можно отнести формирование феноменов «корпоративизации коррупции» (С. П. Глинкина) и «принуждения к коррупции» (Я. А. Макеев), превращение коррупционного поведения в «образ жизни» (С. В. Алексеев), падение международного имиджа страны, связанного с причислением России к «системно коррумпированным» государствам (И. С. Ниненко), где количество желающих дать взятку превышает «коррупционный спрос» (С. В. Алексеев). В целом в научной литературе отмечается, что коррупция угнетает субъективное благополучие человека и деформирует правосознание молодёжи [Китова 2016b]. Вместе с тем отношение молодёжи к различным сферам жизнедеятельности общества всегда было и остаётся предметом пристального внимания социологической науки, что не стало исключением и для данной статьи, направленной на анализ социальных представлений молодёжи о коррупции и коррупционных правонарушениях. В частности, в работе рассматриваются представления студентов о личностных характеристиках коррупционера, что свойственно современным исследованиям [Безродная 2010; Lascomes, Tomescu-Hatto 2008; Philip 2006; Rabl 2011]. Важно отметить, что эти представления могут оказывать существенное воздействие на реальное поведение молодых людей в будущем [Узденов, Китова 2009], которые определяют качество воспроизводства социальной структуры российского общества [Горшков, Шереги 2010], что вызывает несомненный интерес в направлении социологического анализа общественных процессов.

Всего в исследовании приняли участие 816 человек, из них в пилотажной его части были задействованы 239 человек (студенты московских вузов), в основной – 577. Участники основной части исследования – представители трёх городов России: Москвы – 207 человек, Иркутска – 172 и Черкесска – 198.

Результаты пилотажного этапа исследования

На первом этапе осуществлён пилотажный анализ представлений молодёжи о коррупции и её социальных проявлениях. Опрос проводился при непосредственном взаимодействии с респондентами. Это позволило получить ответы не только на заранее сформулированные в опросном листе позиции, но и обсудить в устной форме дополнительную информацию и проблемы, которые вызывают затруднения или сомнения. В пилотажной части исследования все вопросы, включённые в опросный лист, носили открытый характер и были сформулированы в виде незавершённых предложений. Для примера можно привести несколько типовых вопросов: «Коррупция – это ...», «Последствиями коррупции являются ...», «Коррупционер – это ...» и т. д. (подробнее см.: [Китова 2016b]). Цель данного этапа заключалась в получении наиболее развёрнутых ответов респондентов для анализа основных особенностей представлений молодёжи о коррупции и её социальных проявлениях. По завершению

опроса студентам предлагалось указать некоторые социально-демографические сведения о себе: пол, возраст (полных лет) и место работы (при наличии).

Проведённый опрос позволил сделать некоторые предварительные выводы, учтённые при разработке основного опросного листа. По результатам пилотажного исследования выявлено, что студенты:

- воспринимают коррупцию как крупную социально-экономическую проблему, представляющую угрозу устойчивому развитию социальных институтов и государства в целом;
- способны описать десятки форм проявления коррупции, но при этом они чаще воспринимают её как взяточничество, отмывание денег, мошенничество, вымогательство, значительно реже ассоциируют с насильственными преступлениями, связанными с причинением вреда жизни и (или) здоровью человека – грабежами, убийствами, посягательствами на свободу граждан;
- среди причин распространения коррупции называют социально-экономические, культурно-исторические и политические факторы, а среди способов противодействия её распространению – более 30 позиций, которые ориентированы на использование (1) экономических, (2) административных и (3) уголовных механизмов противодействия;
- недостаточно осознают социальные (не экономические) последствия коррупции, такие как рост социального неравенства и напряжённости в общественных отношениях или же снижение доверия к государственной власти, на которые указали лишь 2% студентов.

Определяющими при выборе методологических подходов к изучению представлений студентов о личностных характеристиках коррупционера нами были выделены три наиболее значимые позиции, выявленные в ходе пилотажной части исследования.

Во-первых, выяснилось, что респонденты *разграничивают внешние* (социальные, экономические, политические и т. д.) и *внутренние* факторы (индивидуально-психологические характеристики человека), обуславливающие коррупционное поведение личности.

Во-вторых, установлен *эффект противоречивой оценки* коррупционных правонарушений. Так, студенты оправдывают коррупцию как социальное явление, обосновывая её низким уровнем жизни, который присущ и основной массе населения, и должностным лицам. Но при обсуждении *частных* преступлений коррупция рассматривается как проявление личностных характеристик человека, которые оцениваются ими крайне негативно. Таким образом, в целом терпимое отношение к коррупции как к самобытной особенностью общественных отношений обретает резко негативный, осуждающий характер при оценке конкретного человека, совершившего коррупционное правонарушение, т. е. коррупционер, если его вина объявлена, непременно подвергается осуждению.

В-третьих, коррупционные ситуации и правонарушения, которые описываются студентами, *отражают бытовой уровень* коррупции, реализуемый на уровне межличностного взаимодействия. В частности, студенты демонстрируют незначительную осведомлённость о более высоких уровнях проявления коррупции, связанных с административной или т. н. «верхушечной» сферами коррупционных правонарушений, такими как бюджетные преступления, сговор должностных лиц, хищение природных ресурсов, причинение существенного вреда законным интересам государства и т. д. Такая ситуация проявляется тем, что студенты рассматривают коррупцию как межличностное взаимодействие человека, предлагающего взятку, и человека, её (взятку) принимающего, без осознания ущерба, наносимого интересам третьей стороны – бизнесу, обществу и государству.

При таком подходе к оценке коррупции студенты хотя и воспринимают её как негативное социальное явление, но не всегда способны идентифицировать участников коррупционных отношений, если такого рода акция происходит в рамках традиционно одобряемого уважительного взаимодействия, связанного с добровольным оказанием (или принятием) «благодарности» за оказанную помощь или предоставленную услугу.

Иными словами, случаи бытовой коррупции «по договорённости сторон» не всегда квалифицируются (осознаются) студентами как коррупционные правонарушения, если они осуществляются на условиях обоюдного согласия и приносят удовлетворение обеим сторонам (участникам) коррупционной «сделки». В этом случае важно напомнить, что если студенты осознают такое соглашение сторон как коррупционное правонарушение, то они негативно оценивают всякую коррупцию, при этом осуждению подвергаются обе стороны коррупционного взаимодействия (предлагающая взятку и её получающая).

Описанная ситуация переводит предлагаемое нами исследование в русло анализа психологических (не правовых) оценок личности коррупционера. Таким образом, наше исследование направлено на выявление обыденных представлений молодёжи о коррупции и коррупционных правонарушениях [Климовицкий, Каропова 2016], которые не всегда соотносимы с правовой реальностью [Хубиева, Китова... 2009].

Полученные в ходе пилотажного исследования эмпирические результаты были весьма полезны для разработки окончательного варианта программы исследования, которая включала в себя 8 самостоятельных блоков, направленных на выявление различных аспектов проблемы. В целом респонденты ответили на 29 вопросов о коррупции, её причинах, последствиях и предполагаемых способах противодействия. Комплексная программа исследования, её обоснование, структура и содержание, представлены в печати [Китова 2019]. Опрос проводился анонимно. В рамках данной работы нами рассматривается один из блоков программы, ориентированный на изучение *представлений молодёжи о личностных характеристиках коррупционера*. В связи с отражением в представлениях

молодёжи бытового уровня коррупции, программа была ориентирована на анализ прежде всего феномена *взяточничества* и изучение представлений респондентов о психологических аспектах дачи и (или) получения взятки. *Предметом* исследования является *эмоциональный фон* (компонент) отношения к человеку, который, по мнению респондентов, признаётся в совершении коррупционного правонарушения. Полученные результаты помогут лучше понять происходящие в современном обществе социальные процессы и будут полезны при разработке *программ противодействия* коррупции в молодёжной среде [Социально-психологические ... 2017].

Отношение к коррупции и коррупционным правонарушениям

Ответы на вопрос «Как вы относитесь к коррупции?» позволили выявить, что основная часть респондентов относится к ней крайне негативно (64,8%), тем не менее, около трети респондентов не испытывают эмоциональных переживаний по поводу коррупции, воспринимая её как уже традиционно сложившуюся составляющую жизнедеятельности российского общества (29,3%), и лишь незначительная часть респондентов затруднилась дать однозначный ответ (4,9%). Вместе с тем каждый сотый студент осмысленно оценивает коррупцию как позитивное явление (1,0%). Основанием для такой оценки служит убеждение в том, что коррупция выступает удобным способом оперативного решения многих повседневных проблем (см. рис. 1).

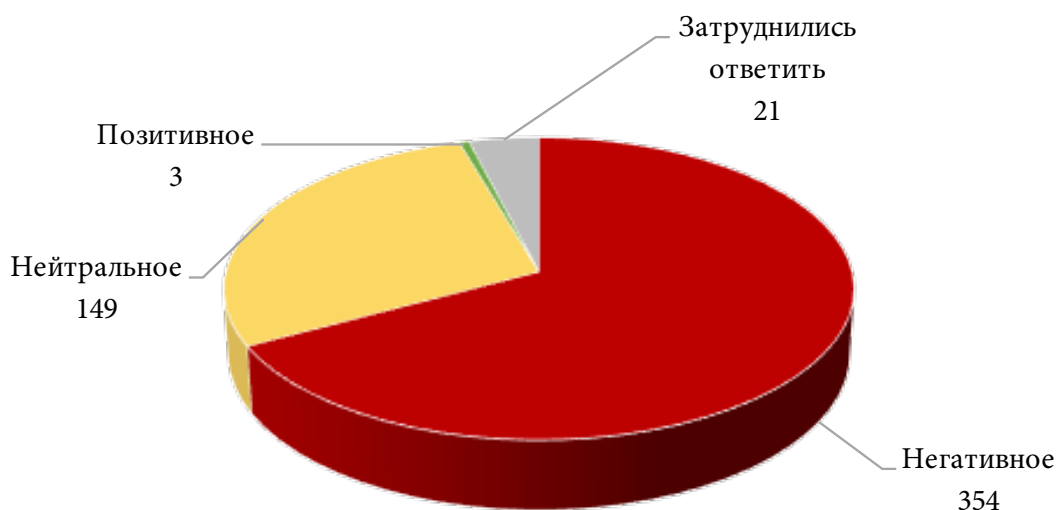

Рис. 1. Распределение модальности отношения студентов к коррупции и коррупционным правонарушениям, %

Figure 1. Distribution of modalities of students' attitudes towards corruption and corruption offences, %

Анализ ответов на вопрос «Приходилось ли Вам давать взятку?» показал, что 63% студентов не считают себя участниками коррупционных взаимоотношений, при этом интересно, что треть студентов (31%),

утверждают, что им приходилось выражать благодарность, но они не стали бы считать это взяткой. Последний факт ещё раз указывает на то, что респонденты не всегда могут достоверно идентифицировать своё участие в коррупционных взаимоотношениях, воспринимая такие отношения как часть традиционных особенностей социального взаимодействия. Остальные опрошенные или не участвовали в коррупционных сделках (3%) или же затруднились определить степень своего участия (3%) в таких отношениях (см. рис. 2).

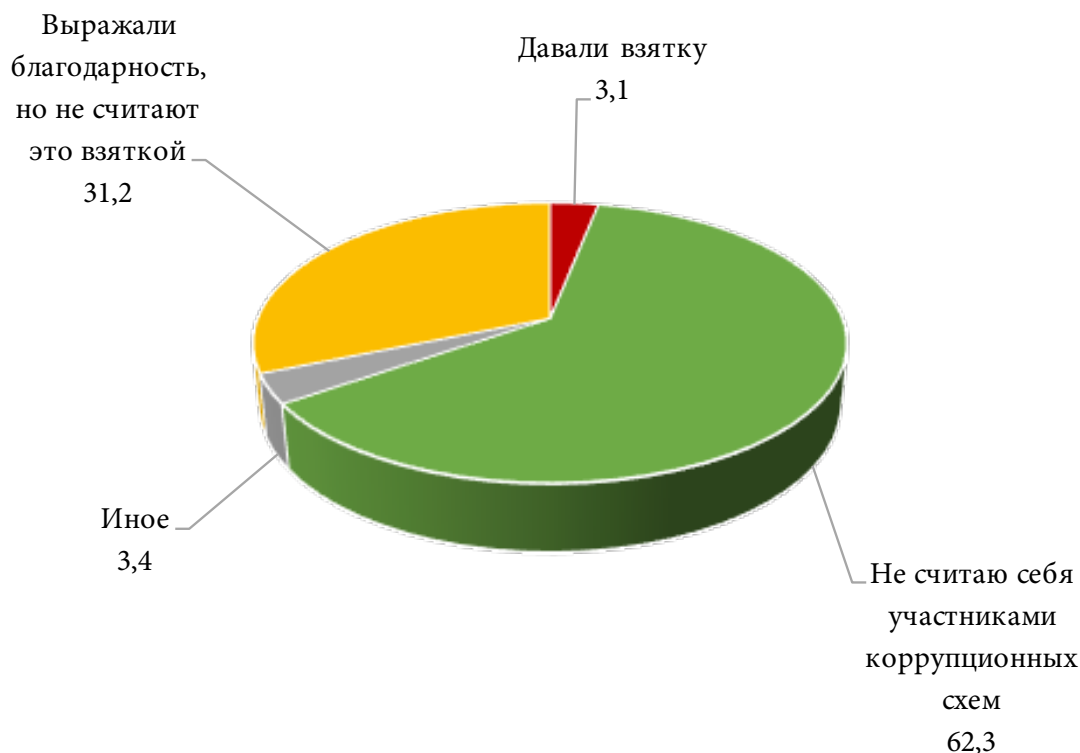

Рис. 2. Распределение ответов студентов об участии в коррупционных отношениях, %

Figure 2. Distribution of students' answers to questions about participating in corrupt dealings, %

Студентам также предлагалось ответить на вопрос о наличии/отсутствии специфических психологических особенностей у коррупционера (см. рис. 3). Как оказалось, 61% студентов склонны полагать, что коррупционер обладает определённым набором личностных характеристик. В случае, когда студенты считали, что специфических свойств (качеств) у коррупционера нет, или утверждали, что каждый коррупционер, как и любой другой человек, имеет свои уникальные, неповторимые особенности, им предлагалось пропустить вопросы, связанные с описанием личностных особенностей коррупционера. Таких студентов оказалось достаточно большое количество – 39%. Приведём типичный ответ одного из студентов: «... вообще отношение коррупционера к жизни, также как и его характеристики, могут быть любыми».

Мировоззренческие позиции коррупционера в представлениях студентов

Студентам, которые считали, что характерные особенности у коррупционера существуют, предлагалось оценить эти особенности по нескольким направлениям, среди которых: отношение к своей профессии, к предлагающему взятку, к самому себе, к стране. Оценки производились по семибалльной шкале. Студентам предлагалось последовательно определить модальность психологических характеристик коррупционера (позитивная, нейтральная, негативная), а затем оценить степень её выраженности (1 – выражено незначительно; 2 – выражено частично; 3 – ярко выражено). Полученные результаты сведены в таблицу 1.

Мировоззрение человека, если отталкиваться от классических (как психологических, так и социологических) концепций, связано прежде всего с отношением человека к окружающей его действительности и к самому себе. В данном исследовании в качестве мировоззренческих маркеров выделены характерные особенности отношения коррупционера к своей профессии, к людям, которые предлагают определённое денежное вознаграждение, а также к самому себе и стране. Такой подход к проблеме позволяет зафиксировать целостный «образ мира» личности, начиная с оценки самого себя, осуществляя переход к оценке своей профессии и людей, с которыми приходится взаимодействовать, и завершая этот процесс оценкой страны в целом.

Таблица 1 (Table 1)

Распределение модальности в оценках студентами мировоззренческих позиций коррупционера, %

Distribution of modality in students' evaluations of a corrupt person's worldview, %

Характер отношения	Шкала оценок						
	Негативное			Нейтральное	Позитивное		
	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
К своей профессии	18,7	25,1	-	37,6	-	-	18,0
К предлагающему взятку	6,2	-	-	53,9	5,4	20,0	13,3
К самому себе	7,2	5,9	-	53,3	-	14,0	19,0
К стране	20,5	-	5,9	60,6	-	7,2	5,8

Как оказалось, наиболее выраженные негативные оценки получает отношение коррупционера к своей профессии («-3» – 18,7%, «-2» – 25,1%) и к стране (например, крайняя негативная позиция «-3» набирает 20,5%), которые представляют его, по мнению студентов, безответственным, безразличным, беспринципным. Важно отметить, что студенты предполагают, что коррупционер испытывает позитивное отношение к людям, предлагающим взятку; так считают 38,7% («+1» – 5,4%; «+2» – 20,0%; «+3» – 13,3%) студентов. Ещё 33% студентов («+2» – 14,0%; «+3» – 19,0%) склонны считать, что коррупционер позитивно относится к самому себе и своей профессии, предоставляющей воз-

возможность получать определённые выгоды, не предусмотренные трудовым договором. По этому же основанию 13% студентов («+2» – 7,2%; «+3» – 5,8%) указывают на удовлетворённость коррупционера государством, его позитивное отношение к стране за возможность получать неучтённые доходы.

Обобщая позитивные оценки отношения коррупционера к миру и себе, можно отметить, что многие студенты полагают, что часть людей, участвующих в получении взятки, вполне удовлетворены и своей профессией, и своими взаимоотношениями с окружающими и государством, которое, в сравнении с некоторыми другими странами¹, проявляет относительную терпимость к данному явлению. Это первая позиция, а вторая связана с тем, что, по мнению студентов, у коррупционера наиболее выражено позитивное отношение к людям, предлагающим взятку, включая и его отношение к самому себе. В этой связи можно привести ряд шуточных высказываний, которые позволяют точнее и ярче оценить позиции студентов: «к предлагающему взятку он относится лучше, даже чем к самому себе», «больше себя он ценит тех, кто приносит взятку», «милее всего дары приносящий» и т. д.

Обобщённые результаты оценок студентами мировоззренческих позиций коррупционера представлены на рисунке 4. В качестве общего вывода по результатам этого этапа исследования можно указать на высокий уровень равнодушия (нейтрального, безоценочного отношения) к проблеме коррупции со стороны коррупционеров. Нейтральные оценки представлены на рисунке 4 серединными позициями. Только единожды обнаруживает себя случай, когда негативное отношение превосходит нейтральные позиции – это касается оценки отношения коррупционера к своей профессии. Такая позиция беспокоит студентов, не позволяет им оставаться равнодушными. Видимо, это связано с тем, что респонденты, находясь в вузе на этапе освоения специальности, серьёзно относятся к своей профессии.

Негативные позиции высказываются студентами и в связи с отношением коррупционера к стране. Позитивные оценки коррупционера, как уже отмечалось выше, связываются с внешними условиями (позиция – страна), с самооценкой, оценкой своей профессии и отношением к взяткодателям. Для разъяснения последней позиции важно указать на результаты предыдущих исследований, которые показали, что 93,7% студентов считают инициаторами коррупционных сделок на бытовом уровне самих граждан, высказывающих свою признательность человеку за «помощь» (лишь 6,3% студентов считают такого рода сделки вынужденными или совершёнными по принуждению [Китова 2019]). Возможно, что именно представление студентов о добровольности такого рода сделок склоняет их к мнению о позитивном отношении коррупционера к лицам, высказывающим им благодарность (по принципу «мог бы и не приносить»).

¹ К примеру, в Китае и Таиланде за взятку в особо крупном размере предусмотрена смертная казнь через расстрел.

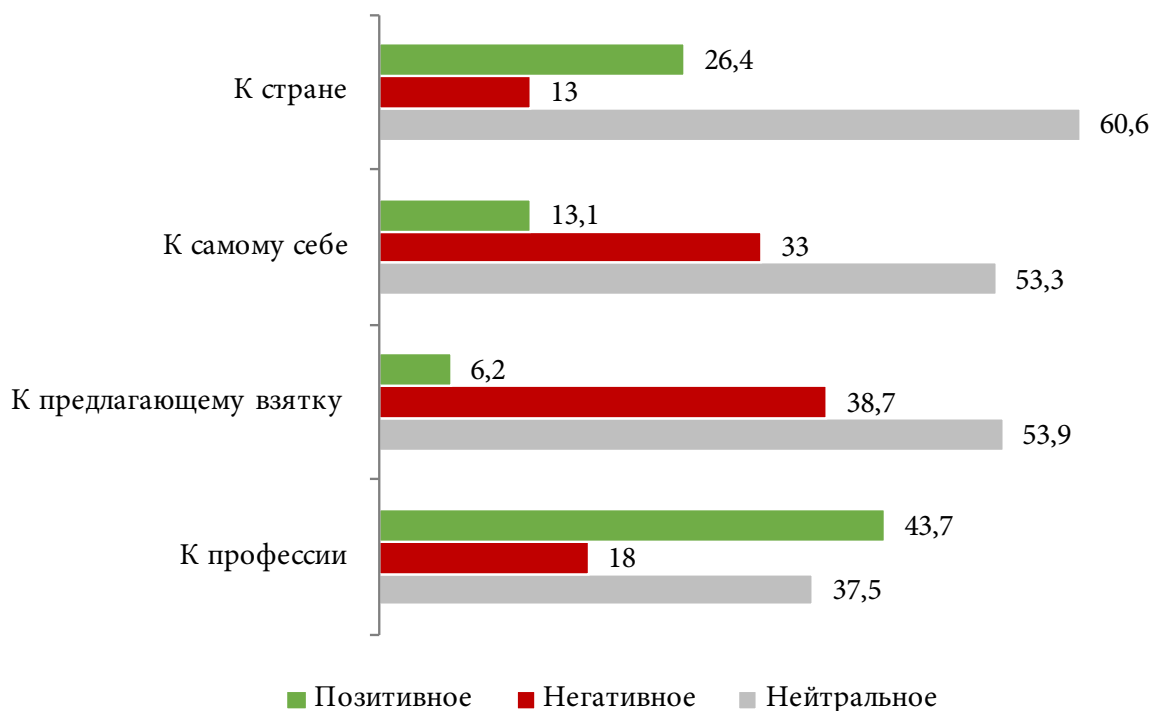

Рис. 4. Отношение коррупционера к себе, другим, профессии и стране, %
 Figure 4. A corrupt person's attitude towards self, others, trade and country, %

Отношения студентов к участникам коррупционного взаимодействия

Следующий вопрос был предложен студентам, которые признали себя участвовавшими в коррупционных следках. Вопрос звучал так: «Если Вам приходилось давать взятку, что Вы при этом чувствовали?». Для ответа на этот вопрос студентам также предлагалось изначально оценить эмоциональный фон отношения (негативный, нейтральный, позитивный), а затем указать интенсивность переживаний (слабая – 1; умеренная – 2; сильная – 3). Полученные ответы сведены в таблицу 2.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение эмоциональных оценок по отношению
к субъектам коррупционных преступлений, %
 Distribution of emotional evaluations in regards
to subjects of corruption offences, %

Выраженность Оценка по отношению	Негативные			Нейтральные	Позитивные		
	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
К себе	3,6	3,2	3,2	82,7	1,3	2,7	3,2
К коррупционеру	14,8	15,4	16,3	53,7	0,7	1,1	15,8
К стране	20,3	6,8	1,3	49,5	0,8	7,4	13,9

На этом этапе важно выделить высокий уровень нейтрального отношения к своим поступкам среди лиц, передавших (по самооценке) взятку (82,7%), и такой же уровень равнодушия они испы-

тывали к человеку, принимавшему взятку (53,7%), и к стране (49,5). Выраженные негативные оценки у них вызывают и сам коррупционер, и государство, которое, по их оценкам, не может достаточно эффективно противостоять коррупции. При ответах на эти вопросы снова проявила себя группа респондентов, которых вполне устраивает возможность коррупционного решения бытовых проблем. На этот раз они проявили себя через позитивную оценку уровня распространения коррупции в стране 17,6% («+1» – 0,7%; «+2» – 1,1%; «+3» – 15,8%), а также позитивное отношение к коррупционерам – людям, с которыми можно оперативно решать текущие вопросы жизнеустройства. Также очевидно, что уровень позитивного отношения к коррупционерам среди студентов несколько выше, чем такое же отношение к стране, и составляет 22,1% («+1» – 0,8%; «+2» – 7,4%; «+3» – 13,9%). Подобное отношение может быть обусловлено и сочувственным отношением к коррупционеру как человеку, вынужденному прибегать к поиску дополнительных источников доходов из-за низкого уровня заработной платы, которая наблюдается у большинства российских служащих – такого рода мнения были выявлены в пилотажной части исследования (Китова 2016а).

Общим итогом этого этапа выступает выявленный у основной части студентов нейтральный фон отношения к коррупционерам, к самой коррупции как социальному явлению и своему участию в такого рода отношениях. Наиболее негативные оценки у студентов вызывает личность коррупционера и социально-экономические условия жизнедеятельности российского общества (осознаются как страна, в целом). Своей *ответственности* за развитие коррупционных правонарушений студенты практически не выражают, даже среди тех, кто являлся участником коррупционных взаимоотношений (по самооценке)¹. Это может быть обусловлено как *непониманием* факта своего участия в коррупционных отношениях, так и признанием того, что это участие, если оно и случилось, имеет *вынужденный* характер. Итогом такого восприятия и оценки ситуации выступает тот факт, что негативизм к коррупции со стороны студентов проявляется (выплёскивается) в отношении коррупционера и государства, что позволяет говорить о *внешнем локусе контроля* при объяснении коррупции и её социальных последствий. Такой эффект, как известно, проявляет себя в поиске виновных в сложившихся обстоятельствах за пределами собственной зоны ответственности.

Оценки личностных качеств коррупционера

На следующем этапе исследования студентам предлагалось оценить степень выраженности личностно-психологических характеристик человека, принявшего взятку, по следующим пяти основаниям: профессиональная компетентность, уровень интеллекта, коммуникабельность, нравственные характеристики и уровень самообладания (волевые характеристики). Оценка выраженности признака происходила по семи-

¹ Количество таких студентов составляет около 40% от общей выборки.

балльной шкале от 1 до 7 (1 – очень низкая выраженность, 2 – низкая, 3 – ниже среднего, 4 – средняя выраженность, 5 – выше среднего, 6 – высокая, 7 – очень высокая выраженность). В таблице 3 представлены как результаты ответов респондентов, так и шкала оценки выраженности психологических характеристик личности.

Таблица 3 (Table 3)

Распределение эмоциональных оценок по отношению
к субъектам коррупционных преступлений, %
*Distribution of emotional evaluations in regards
to subjects of corruption offences, %*

Характеристики	Выраженность признака						
	1	2	3	4	5	6	7
Шкала выраженности							
Профессиональная компетентность	25,8	24,1	18,7	12,5	6,2	6,9	6,0
Уровень интеллекта	-	18,8	20,0	13,3	12,8	13,5	20,1
Коммуникабельность	6,6	-	26,1	32,7	-	13,5	20,4
Нравственные характеристики	27,0	26,3	25,8	13,3	-	-	6,7
Уровень самообладания (волевые характеристики)	27,7	5,7	20,6	25,3	12,4	-	7,4

Для удобства анализа полученных результатов определим (условно) серединную позицию шкалы (цифра «4») как среднее проявление признака, тогда позиции «1–3» можно расценивать как низкую выраженность представленных признаков, а «5–7» – как высокую. При таком подходе становится очевидным, что в целом коррупционер воспринимается как человек со средними или ниже среднего способностями практически по всем направлениям оценок. Так, низкие и средние оценки даны коррупционерам по критериям профессиональной компетентности (81,1%), уровню интеллекта (52,1%), коммуникабельности (65,4%), способности к самообладанию (79,3%) и нравственным характеристикам (92,4%). Очевидна необходимость дополнительного акцентирования внимания на том, что наиболее низкие оценки коррупционера связаны с его нравственными качествами, и это губительно для общественных отношений [Купрейченко, Журавлёв 2010].

В процессе дополнительного анализа полученных результатов важно обратить внимание и на особенности позитивных характеристик коррупционера (хотя и немногочисленных), где нравственные оценки всё же представлены. Так, высоко оценили нравственные характеристики коррупционера 6,7% студентов, профессиональную компетентность – 19,1% и уровень самообладания – 19,7%. Наиболее высоко оцениваются студентами такие характеристики, как коммуникабельность (33,7%) и уровень интеллекта (46,4%). Здесь стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что уровень интеллекта коррупционера не получил низких оценок (т. е. «1»).

Сгруппируем для наглядности личностные характеристики коррупционера по усреднённым баллам, рассчитанным по описанному выше принципу: «1–3» – низкие показатели, «4» – средние, «5–7» – высокие (см. рис. 5).

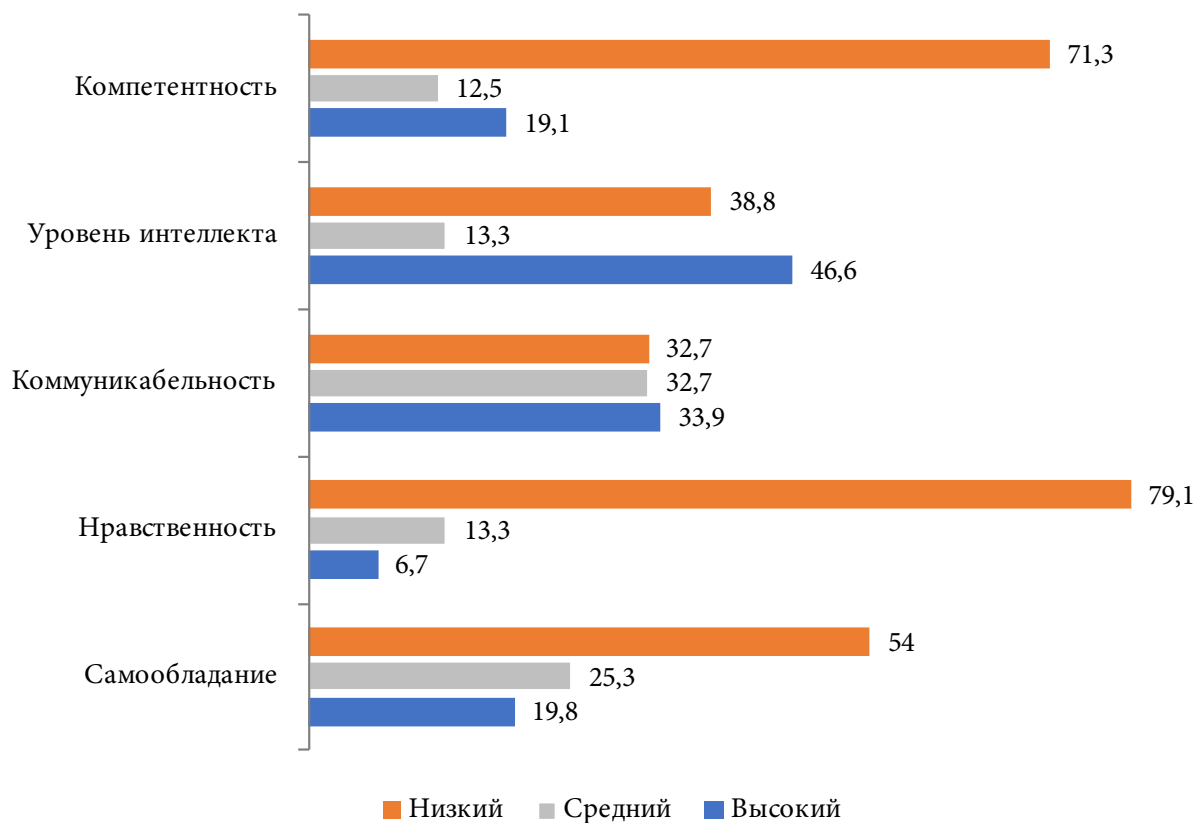

Рис. 5. Распределение выраженности характеристик субъектов коррупционных правонарушений, %

Figure 5. Distribution of how pronounced qualities are of subjects of corrupt offences, %

Коррупционер оценивается студентами как человек со слабо выраженными личностными *достоинствами* (или *преимуществами*) – низкие оценки преобладают над высокими по всем позициям, за исключением уровня интеллекта. Наиболее низкий уровень приписывается его нравственным качествам, наиболее высокий (относительно остальных позиций) – уровню интеллекта. Противоречия возникают при оценке его коммуникабельности – здесь студенты практически разделились на три примерно равнозначные подгруппы, демонстрируя несопоставимые между собой оценки его способности к общению, присваивая коррупционеру как низкие и средние, так и высокие проявления данного признака. Эти результаты требуют отдельного изучения, но в качестве предварительной гипотезы можно предположить, что коррупционер способен к управлению коммуникативными процессами и может осознанно избирать стиль поведения в зависимости от различных обстоятельств или избранных тактик поведения (уговаривать, убеждать, запугивать, игнорировать, очаровывать, демонстрировать нежелание решать проблему и т. д.). В целом, опираясь на результаты анализа оценок студентами личностных характеристик коррупционера, можно описать его как в меру умного (иногда с очень высоким уровнем интеллекта), относительно коммуникабельного, но недостаточно профессионального и нравственного человека, с различными уровнями развития волевых характеристик (самообладания).

Социально-демографические характеристики коррупционера

Ниже приводятся материалы, отражающие представления студентов о социально-демографических особенностях среднестатистического коррупционера (см. рис. 6).

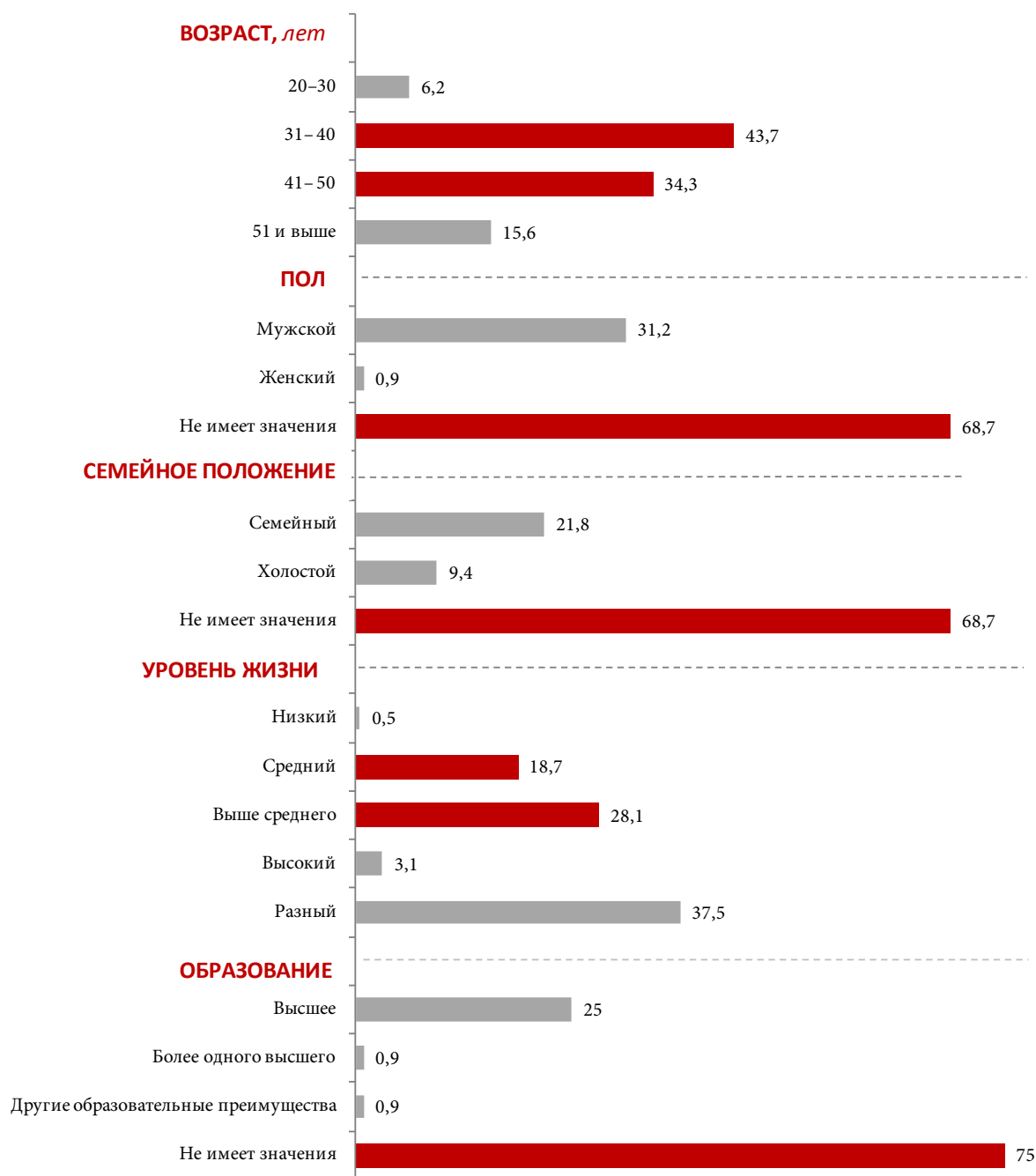

Рис. 6. Распределение социально-демографических характеристик коррупционера, по мнению студентов, %

Figure 6. Distribution of socio-demographic characteristics of corrupt individuals, according to students, %

Судя по ответам студентов, среднестатистического российского коррупционера можно представить как человека в *возрасте* от 30 до 50 лет (на это указывают 78% студентов), *пол* которого не имеет определяющего значения (хотя студенты чаще указывают на мужской – 31,2% и ни разу отдельно на женский); чаще семейный, чем холостой (хотя принципиального значения *семейное положение* также не имеет).

Уровень жизни коррупционера определяется студентами в основном как средний или выше среднего (18,7 и 28,8% соответственно); на низкий уровень жизни коррупционера указали менее 1% студентов, а на высокий – 3,3%. Значительная часть студентов (37,5%) определила данные позиции в обобщающей форме, указав на то, что уровень жизни коррупционеров может быть «разным». Важно особо указать, что, по мнению студентов, лишь небольшая доля коррупционеров имеет высокий уровень жизни (3,3%). Это обстоятельство снова косвенно подтверждает обоснованные выше позиции о том, что студенты говорят о бытовом уровне проявления коррупции.

Весьма сдержанные оценки получает и *уровень образования* коррупционера, который чаще определяется как «не имеет какого-либо значения» (74,8%), либо как «высшее» (24,6%). Менее одного процента студентов склонны выделять коррупционера как человека, имеющего какое-либо преимущество по уровню своего образования, например, как обладателя не одного образования, а нескольких или же как наделённого определёнными образовательными преимуществами (обучение в престижных вузах, наличие учёной степени, частые повышения квалификации и т. д.).

Социальные представления о коррупции

В заключение студентам предлагался вопрос: «Что бы Вы хотели высказать ещё относительно обсуждаемой проблемы?». В сформулированных студентами мнениях (оценках) звучат самые разные *эмоциональные реакции*, начиная от безысходности в оценке ситуации – «почти невозможно ничего исправить», до полной удовлетворённости ситуацией – «всё хорошо». Мнения студентов, терпимо относящихся или проявляющих равнодушие к коррупции, выражается через суждения типа «ничего не стал бы менять». Часть студентов высказывает некоторые *рациональные предложения* – «ужесточить отношение к коррупции, как в Китае», демонстрируя при этом крайне неприязненное отношение к коррупционерам: «ненавижу двуличных людей, такие не должны находиться на должностях». Также звучат высказывания, облачённые в рамки философских рассуждений, – «...это Россия, народ терпеливый». Представленные суждения студентов, как и проанализированная выше совокупность материалов, позволяют заключить, что отношение молодёжи к коррупции носит сложный, размытый, иногда даже запутанный, но в целом негативный характер.

Региональные особенности отношения к коррупции

Представленные ниже результаты отражают психологические особенности отношения студентов из различных городов России. Анализ полученных различий, показывает, что в целом отношение к коррупции в студенческой среде носит негативный характер *независимо от региона* проживания, хотя и имеет некоторые особенности. Так, негативные оценки коррупции наиболее резко выражены в Москве, несколько меньше – в Иркутске, а на юге России, в частности в Черкесске, проявляется наиболее толерантное отношение к ней. Модальность этих отношений различается по уровню выраженности всех трёх оценочных позиций (негативных, нейтральных и позитивных), и наверняка имеет различия в трактовке психологических особенностей личности коррупционера. Необходимость выявить и описать эти различия представляется нам планом дальнейших исследований.

Заключение

Результаты пилотажного этапа исследования позволили отметить, что студенты воспринимают коррупцию как серьёзную социальную проблему, представляющую угрозу устойчивому развитию государства, способны описать её формы проявления и выделить факторы распространения, но вместе с тем недостаточно осознают её неэкономические последствия.

Представления молодёжи о коррупции и коррупционных правонарушениях отражают большей частью бытовой уровень явления и незначительно связаны с описанием т. н. «верхушечной» формы, вследствие чего коррупция воспринимается как межличностное взаимодействие двух людей (взяткодателя и взяткополучателя), без учёта интересов третьей стороны (бизнеса, общества, государства).

При оценке своего отношения к личности коррупционера студенты определяют более 50 характеристик. Организационные и профессиональные способности коррупционеров оцениваются студентами как слабо выраженные или среднего уровня, а максимально высокие оценки получают интеллектуальные способности. Противоречивые оценки респондентов связаны с описанием коммуникативной компетентности коррупционера: среди описаний встречаются как позитивные оценки – студенты отмечают его коммуникабельность, общительность, обаяние, так и негативные, указывающие на его грубость, наглость, циничность, лживость и т. д.

В целом у абсолютного большинства студентов сформирована преимущественно негативная интерпретация личностных характеристик коррупционера (профессиональных, социальных, психологических и т. д.), отмечается его негативное отношение к своей профессии, самому себе, стране, а также к людям, предлагающим взятку. При этом наиболее высоко оценивается уровень интеллекта коррупционера, наиболее низко – его моральные качества. Последняя позиция косвенно проявляется и в том, что, по мнению

студентов, социально-демографические характеристики коррупционера (возраст, пол, образование, семейное положение, уровень жизни) при оценке коррупционера не имеют решающего значения.

Важно выделить наличие студентов, имеющих достаточно выраженное терпимое отношение к коррупции, коррупционерам и своему участию в такого рода взаимодействиях, что позволяет говорить о тревожных тенденциях в обществе, заслуживающих пристального внимания со стороны фундаментальной социологической науки и социальной практики. В перспективе требуют специального изучения представления студентов, в частности о личностных характеристиках коррупционера в различных регионах и др.

Библиографический список

Безродная Н. В. 2010. Особенности личности коррупционера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. № 2 (53). С. 3–10.

Генпрокуратура назвала ущерб от коррупционных преступлений за 2018 год. 2019. DOI: <https://ria.ru/20190409/1552499622.html>

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2010. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ИС РАН. 592 с.

Китова Д. А. 2016а. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 4. С. 145–167.

Китова Д. А. 2016b. Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. № 6. С. 131–140.

Китова Д. А. 2019. Представления молодёжи о социальных проявлениях коррупции // Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы» / Гл. ред. Гриб В. В. М.: Нац. полиграфическая группа. 30 см. Т. 1. С. 209–214.

Климовицкий С. В., Каропова С. Г. 2016. Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Социальная и экономическая психология. М.: Институт психологии РАН. Т. 1. № 4. С. 206–222.

Купрейченко А. Б., Журавлёв А. Л. 2010. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. Т. 31. № 2. С. 5–19.

Социально-психологические исследования коррупции. М.: Институт психологии РАН, 2017. 288 с.

Узденов Т. М., Китова Д. А. 2009. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. № 3. С. 129–133.

Хубиева Р. Т., Китова Д. А. 2009. Психологическая готовность молодёжи к экономическим отношениям в современных условиях // Гуманизация образования. № 1. С. 104–109.

Юревич А. В., Журавлёв А. Л. 2012. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. № 1. С. 8–21.

Lascomes P., Tomescu-Hatto O. 2008. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions // Perspectives on European Politics and Society. V. 9. No 1. P. 24–38.

Philip M. 2006. Corruption Definition and Management // Measuring Corruption / Ed Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galtung. Strasbourg: ASHGATE e-BOOK. P. 52–53.

Rabl T. 2011. The Impact of Situational Influences on Corruption in Organizations // Journal of Business Ethics. № 100. Springer. P. 85–101.

Статья поступила 2.10.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлёв Анатолий Лактионович, академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН, Москва, Россия
Китова Джульетта Альбертовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.677

Young People's Ideas on a Corrupt Official's Human Qualities

Anatoly L. Zhuravlev

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2502-10899 ID

Julietta A. Kitova

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

E-mail: j-kitova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8185-3974

For citation: Zhuravlev A. L., Kitova J. A. Young people's ideas on a corrupt official's human qualities. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 43–62. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.677

Abstract. This article argues that corruption in Russia is a systemic issue, which continues to broaden its boundaries, presenting a threat to national security. The problem requires careful attention from modern scientific circles. From a psychological point of view, corruption suppresses one's subjective wellbeing, twists young people's legal awareness, and breeds such a worldview that might negatively influence the behavior of youth in the future. All of the above is quite important to sociology, for in many ways it determines an entire range of social processes, including processes associated with the country's socio-economic development. The pilot section of the study examines young people's ideas on corruption and its social manifestations. The authors discovered that college students consider corruption to be a serious socio-economic issue, while being able to describe many forms in which it manifests, the reasons for why it's spreading, as well as counteraction methods (economic, administrative, criminal law-based), though their understanding of its social ramifications is somewhat lacking. Students also separate social (exterior) and personal (interior) factors of corrupt behavior. It was determined that their perception of corrupt behavior bears a range of contradictions, associated with the respondents' low level of legal expertise, which becomes evident while identifying crimes of corruption, with it in turn leading to mistaken assessments of the specifics of corrupt interactions between citizens. Also, students' ideas on corruption mostly reflect the everyday aspect, since young people don't usually have a comprehensive understanding of administrative, or "upper echelon" corruption.

The results show that the evaluations of a corrupt individual's main personal qualities tend to bear a negative connotation. Meanwhile the most pronounced values are linked to a low evaluation of a corrupt person's moral qualities. The organizational and professional capabilities of corrupt officials are viewed by respondents as weakly or moderately pronounced, however a corrupt individual's intellectual capacity tends to receive the highest score possible. The scores attributed to their communicative competence also seem to be contradictory: students in equal measure highlight both positive-to-neutral and negative traits of corrupt persons. The study also revealed marked regional discrepancies in ideas on corruption when comparing the responses given by students from various Russian cities. According to the authors, the ideas on the human qualities of corrupt officials expressed by students from different regions require separate examination.

Keywords: sociology, corruption, social and psychological consequences, students' perceptions, attitudes towards corruption, the personality of a corrupt official, intellectual qualities, ideological characteristics, professional competence, moral qualities, communication skills, regional differences

References

Bezrodnaya N. V. Features of the personality of a corrupt official. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010: 2 (53): 3–10 (In Russ.).

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow, IS RAS publ., 2010: 592 (In Russ.).

Hubieva R. T., Kitova D. A. Psychological readiness of young people for economic relations in modern conditions. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2009: 1: 10–109 (In Russ.).

Kitova D. A. Attitude of the population to corruption and corruption offenses: an empirical analysis. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2016: 1(4): 145–167 (In Russ.).

Kitova D.A. Ideas about corruption in the minds of high school students. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2016: 6: 131–140 (In Russ.).

Kitova D.A. Representations of young people about social manifestations of corruption. In: *Nauka. Obrazovanie. Regiony = Science. Education. Regions*. Moscow, 2019: 209–214 (In Russ.).

Klimovitsky S. V., Karepova S. G. Methodology for measuring social and psychological factors of corruption. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2016: 1(4): 206–222 (In Russ.).

Kupreychenko A. B., Zhuravliov A. L. The role of the moral elite in Russian society: problem statement and research opportunities. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological Journal*, 2010: 31 (2): 5–19 (In Russ.).

Lascomes P., Tomescu-Hatto O. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions. *Perspectives on European Politics and Society*, 2008: 9 (1): 24–38

Philip M. Corruption Definition and Management. *Measuring Corruption*. Ed. by Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galtung. Strasbourg: ASHGATE e-BOOK, 2006: 52–53

Rabl T. The Impact of Situational Influences on Corruption in Organizations. *Journal of Business Ethics*, Springer, 2011: 100: 85–101.

Socio-psychological research of corruption. Moscow, IP RAS publ., 2017: 288 (In Russ.).

Uzdenov T. M., Kitova D. A. Students' ideas about the goals and means of achieving economic well-being. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2009: 3: 129–133 (In Russ.).

Yurevich A. V., Zhuravlev A. L. Psychological factors of corruption. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2012: 1: 8–21 (In Russ.).

The article was submitted on: October 2.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhuravlev Anatoly Laktionovich, Academician of the Russian Academy of Sciences, professor, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

Kitova Julietta Albertovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.678

Южные регионы дальневосточного приграничья: социокультурные и инфраструктурные трансформации

Ссылка для цитирования: Калинина И. В., Бийжанова Э. К. Южные регионы дальневосточного приграничья: социокультурные и инфраструктурные трансформации // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 63–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.678

For citation: Kalinina I. V, Biyzhanova E. K. The southern border regions of the Far East: socio-cultural and infrastructural transformation. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 63–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.678

**Калинина
Ирина Владимировна**

Институт комплексного анализа
региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан, Россия

gaevaiv@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [606516](#)

**Бийжанова
Элиза Камчыбековна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

biyzhanova@isras.ru

AuthorID РИНЦ: [892155](#)

Аннотация. В статье представлен анализ социокультурных и инфраструктурных трансформаций южных регионов дальневосточного приграничья: Амурской и Еврейской автономных областей, Приморского и Хабаровского краёв. Эти территории практически не подвергались демаркационным и геополитическим изменениям, перемены в них происходили под влиянием экономических и политических факторов, а также различных глобализационных процессов. На основе данных федеральной и региональной статистики, а также глубинных интервью и фокус-групп в малых приграничных городах обнаружены явные и латентные проблемы в социокультурной сфере. В статье указано на существенные различия между в целом позитивной динамикой перемен, представленной в статистических данных на региональном уровне, и реальным положением на местах в оценках жителей муниципальных образований, расположенных непосредственно у границы. В качестве опорных точек анализа использо-

ваны следующие показатели: изменения численности населения, состояние жилищного фонда, инфраструктурная база в сфере образования, здравоохранения и объектов культурно-досуговой направленности. Исследование вскрыло серьёзные проблемы, связанные с разрушением существующей социальной инфраструктуры, большая часть которой создана ещё в советское время. Развитие приграничных территорий во многом зависит от успешного сдерживания их депопуляции. Рост численности населения необходим для обеспечения воспроизводства социокультурного потенциала дальневосточных регионов, а в итоге и для сохранения целостности страны. Развитие исследуемых районов во многом зависит от активности их жителей. В настоящее время социокультурная сфера сохраняется усилиями энтузиастов несмотря на деградацию социальной и культурной инфраструктуры. Выявленные тенденции свойственны всем российским регионам, однако в приграничных они имеют особое значение, так как приграничье выполняет одновременно функции оборонительного форпоста и моста для налаживания связей с сопредельными государствами. Сделан вывод, что основная часть приграничных территорий российского Дальнего Востока находится в депрессивном состоянии, особенно малые города и прилегающие к ним сельские территории, что актуализирует необходимость поддержки и развития приграничных районов с учётом их географической, исторической и социокультурной специфики в пространственно-территориальном контексте.

Ключевые слова: приграничье, трансформация, южные регионы Дальнего Востока, социокультурное развитие, инфраструктура

Приграничные территории выполняют две важных для развития страны функции: оборонительного форпоста и моста, обеспечивающего двустороннее развитие приграничных регионов сопредельных государств в экономической, гуманитарной и культурной сферах.

В этой связи необходимо учесть, что любая приграничная территория имеет свою социокультурную специфику, которая складывалась под влиянием различных исторических, географических, экономических и культурных условий [Рудковский 2018]. Российское приграничье обладает особой уникальностью, поскольку: а) протяжённость границ самая длинная в мире¹; б) самое большое количество сопредельных стран²; в) его геополитическая и социокультурная трансформация продолжается и в XXI в.

Трансформация социокультурного пространства российского приграничья происходит постоянно. Мы не будем углубляться в историю, а лишь отметим тот промежуток времени, свидетелями которого мы успели стать. Распад СССР привёл не только к геополитическим, экономическим и идеологическим изменениям³, но и к серьёзным социокультурным и инфраструктурным изменениям на определённых территориях, которые раньше были объединены единым пространством. Однако в данной статье нам бы хотелось остановиться на тех регионах, где граница существовала и в советское время – на дальневосточном приграничье РФ, в частности его южных

¹ Протяжённость государственных границ – 62,2 тыс. км.

² Количество сопредельных стран – 16.

³ Государства, бывшие в составе СССР, а ныне имеющие границы с РФ: Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Грузия, Азербайджан, Казахстан.

регионов: Приморский и Хабаровский края, Амурская и Еврейская автономные области (граничат с Китаем, Северной и Южной Кореей, Японией). Эти границы не претерпели существенных демаркационных изменений, они существовали в советское и постсоветское время. Социокультурные и инфраструктурные трансформации в прилегающих к ним районах скорее произошли под влиянием изменений экономического и политического миропорядка, а также различных глобализационных процессов.

Социокультурное пространство – это совокупность социальности и культуры общества, устойчиво связанных между собой на определённой территории, которое, с одной стороны, на неё воздействует, с другой – подвергается её воздействию [Регионы в России... 2009].

Инфраструктура определяется как совокупность расположенных на определённой территории сооружений, зданий, систем и служб, необходимых для функционирования и развития материального производства и обеспечения повседневной жизни населения. Данная категория наиболее информативна для определения степени освоённости территории. Как правило, инфраструктуру подразделяют на социальную и производственную, однако это деление достаточно условно, поскольку в современном мире все составляющие влияют на качество жизни и оценку региона в целом.

В этом смысле необходимость изучения современного российского приграничья в междисциплинарном синтезе (в данном случае социологии и социально-экономической географии), обуславливается их уникальным пространственно-территориальным расположением. Во-первых, в системе центр-периферийных отношений почти все приграничные регионы находятся не только на географической, но и на экономической периферии страны. Во-вторых, их мониторинг ограничен общей (региональной или федеральной) статистикой без учёта геополитической специфики и особенностей социокультурного пространства. При этом социокультурный и инфраструктурный компоненты напрямую связаны с экономической составляющей и прежде всего поддержкой со стороны государства для обеспечения достойного развития как приграничных территорий, так и населения, там проживающего [Атлас модернизации... 2016].

В статье представлен анализ статистических данных регионов дальневосточного приграничья, а также результаты качественного исследования социокультурных изменений, проводимого в 2019 г.¹ в городах Спасск Дальний и Большой Камень Приморского края. Сбор данных осуществлялся посредством фокус-групп и глубинных интервью.

Дальневосточное пригранижье. Общие характеристики

Дальневосточный федеральный округ России граничит с ведущими странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) с протяжённостью границ свыше 23 тыс. км. В составе округа 9 субъектов РФ, а плот-

¹ Исследование проводилось Центром региональной социологии и конфликтологии ФНИСЦ РАН под руководством В. В. Маркина в малых городах РФ численностью населения до 50 тыс. чел.

ность населения и его количество самое низкое в сравнении с остальными – 0,3–0,8 человека на километр. Заселённость приграничных районов в 10–15 раз ниже, чем у сопредельных стран [Сидоров, Сидоров 2012], и продолжает снижаться.

Демографические трансформации

Властные структуры и отечественная наука традиционно уделяют внимание приграничным территориям в связи с геополитической безопасностью, трансграничными процессами, международными отношениями или наличием месторождений полезных ископаемых, в первую очередь нефти и газа (как, например, в Тюменской области). В результате стратегия развития этих территорий не включает особенности жизнедеятельности местных сообществ, что приводит к устойчивым тенденциям обезлюживания этих территорий [Халий 2014]. Как видно из таблицы 1, во всех субъектах отмечается сокращение численности населения.

Таблица 1 (Table 1)

Демографические показатели регионов в 2000–2017 гг.

Regional demographic values in 2000–2017

Регион	2000	2005	2010	2017	2000	2005	2010	2017
	Численность населения, тыс. чел.				Соотношение мужчин и женщин (на 1000 мужчин приходится женщин)			
Амурская обл.	990	851	829	798	1018	1100	1109	1005
ЕАО	196	182	176	162	1059	1088	1101	1110
Приморский кр.	2155	2007	1953	1913	1036	1088	1089	1098
Хабаровский кр.	1496	1375	1343	1328	1044	1103	1101	1113
ДФО	7107	6460	6285	6165	1024	1079	1083	1083
	Удельный вес городского населения в общей численности населения, %				Удельный вес сельского населения в общей численности населения, %			
Амурская обл.	65,7	66,4	66,9	67,4	34,3	33,6	33,1	34,4
ЕАО	67,1	67,2	67,8	68,8	32,9	32,8	32,2	31,2
Приморский кр.	78,1	75,7	76,1	77,2	21,9	24,3	24,9	22,8
Хабаровский кр.	80,8	81,3	81,8	82,1	19,2	18,7	18,2	17,9
ДФО	75,9	74,4	74,8	75,8	24,1	25,6	25,2	24,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Рисунок 1 показывает, что во всех исследуемых регионах снижается численность трудоспособного населения, что связано, в том числе, и с его постарением. Уменьшается и количество детей. Данные тенденции в перспективе могут усугубить существующие демографические проблемы региона.

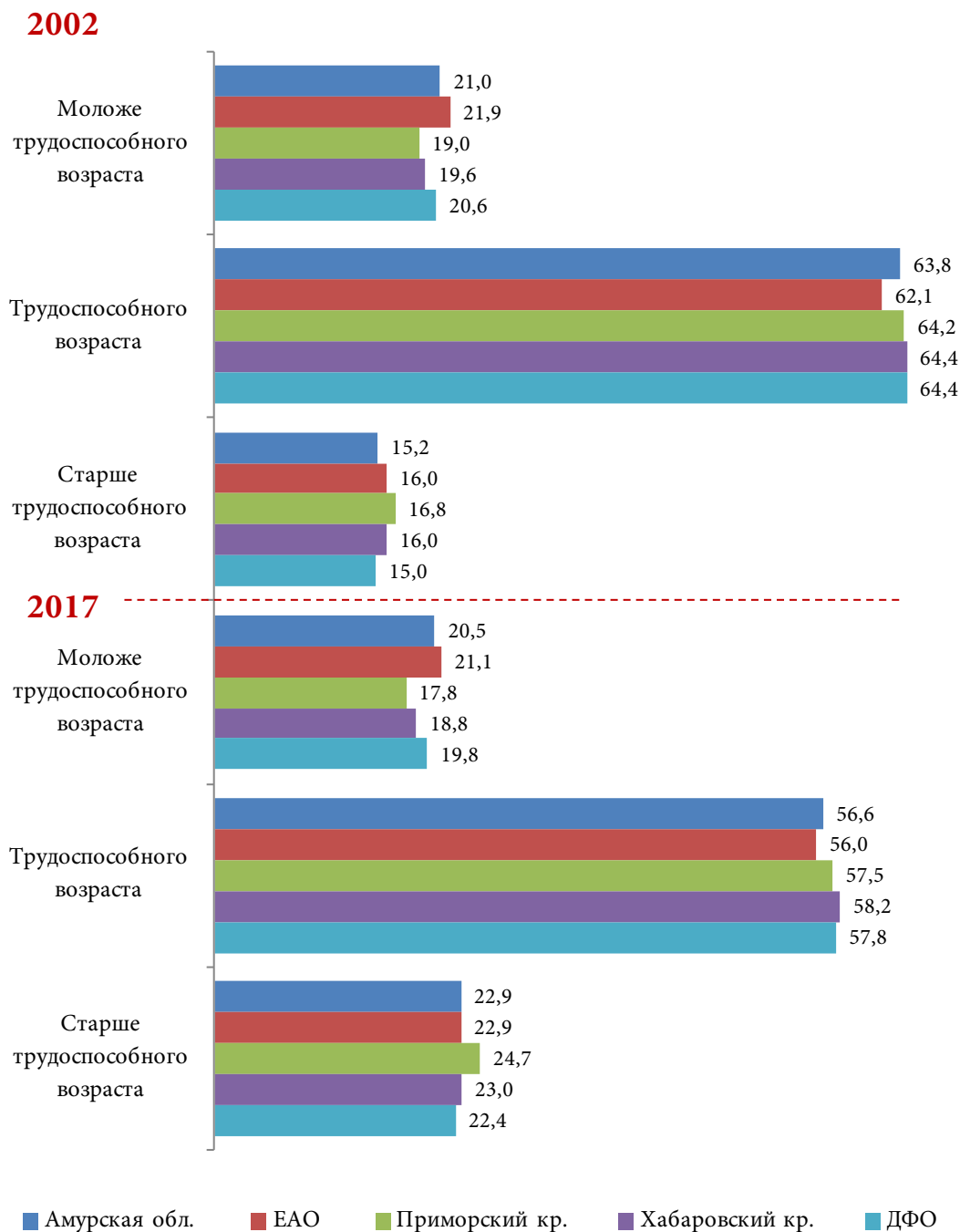

Рис. 1. Возрастной состав населения в 2017 г.

Figure 1. The population's age structure in 2017

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Снижение численности трудоспособного населения, и особенно молодёжи, отмечалось участниками фокус-групп и интервью: «Происходит отток молодёжи, они не возвращаются, не строятся жильё, т. е. <город> не привлекателен для жителей, бесперспективный, так скажем /.../ Самое главное – вымывание ресурса нормальных, здоровых, образованных людей, которые вымываются отсюда /.../ Отток большой, и найти на уровне этой территории достойного, образованного, ну хотя бы мало-мальски знающего человека – невозможно!» (Из высказываний участников фокус-групп).

Отток молодёжи и людей трудоспособного и детородного возраста – проблема не только приграничных территорий, но многих внутренних населённых пунктов. Однако в связи с особым положением приграничных районов эта проблема более актуальна, поскольку люди, проживающие здесь, одновременно выполняют контактные и барьерные функции. Без местного населения взаимодействие с сопредельными странами и возможности объективной оценки угроз становятся затруднительными.

Транспортная доступность

Во всех исследуемых субъектах транспорт и связь занимают ведущее место в валовом региональном продукте (Амурская область – 16,3%, ЕАО – 18,2%, Хабаровский край – 20,2% и Приморский край – 24,1%), при этом транспортная инфраструктура в последние десятилетия претерпела некоторые изменения (см. таблицу 2), обусловленные как модернизацией путей сообщения, так и введением новых веток. Рост показателей плотности железнодорожных путей сообщения в Приморском крае и ЕАО связан с модернизацией транспортных потоков, заключающейся во введении дополнительных путей на узловых станциях, реконструкции тоннелей и др. [География... 2018].

Таблица 2 (Table 2)

Динамика показателей состояния транспорта в 2000–2017 гг.
The value dynamics of the state of transportation in 2000–2017

Регион	2000	2005	2010	2017	2000	2005	2010	2017
	Плотность железнодорожных путей сообщения (км дорог на 10000 кв. км территории)				Плотность автомобильных дорог с твёрдым покрытием (км дорог на 1000 кв. км территории)			
Амурская обл.	83	81	81	81	19	20	22	34
ЕАО	86	141	141	141	45	42	46	67
Приморский кр.	94	94	95	95	43	43	52	90
Хабаровский кр.	29	27	27	27	5,7	6,2	7,4	12
ДФО	13	13	13	14	5,5	5,4	6,1	9,5
	Число автобусов на 100 тыс. человек населения, шт.				Наличие легковых автомобилей в собственности граждан, ед. (на 1000 человек населения, на конец года, шт.)			
Амурская обл.	47	28	113	96	134,7	167,6	201,4	275,2
ЕАО	65	36	149	90	113,2	149,8	142,4	218,6
Приморский кр.	56	24	86	84	202,1	198,6	304,2	417,0
Хабаровский кр.	66	62	103	109	130,0	172,3	183,5	261,5
ДФО	62	39	100	89	154,4	183,6	235,3	323,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

В 2000–2010 гг. отмечался незначительный рост плотности автомобильных дорог на 1000 кв. км., обусловленный вводом в эксплуатацию новых внутрирегиональных дорог. Резкое увеличение плотности

автодорог во всех регионах с 2012 г. связано с изменением учёта их протяжённости, т. е. теперь включается в учёт и протяжённость улиц. Высокая плотность автодорог в ЕАО обусловила ей второе место в общем рейтинге ДФО после Приморского края. Но объясняется этот показатель не развитой дорожной сетью, а малой площадью области по сравнению с соседними регионами [Гаева 2013]. Проблемы с транспортной доступностью менее существенны также и потому, что граница здесь существовала и в советское время, а экономические связи с большинством сопредельных стран устойчиво активны.

Социальная и культурная инфраструктура

Изменения, произошедшие за последние десятилетия на дальневосточном приграничье, затронули и социальную инфраструктуру. И если в случае с транспортной доступностью наблюдается некая положительная динамика, то объекты социальной инфраструктуры переживают, к сожалению, не самые лучшие времена. Это проявилось в снижении количества учреждений образования и культуры, объектов здравоохранения, что, в свою очередь, потребовало оптимизации во всех перечисленных сферах, повлекших сокращение штата сотрудников.

Образование. Одной из важных проблем дальневосточного региона является недостаточная обеспеченность услугами дошкольного образования. Рисунок 2 наглядно показывает нехватку дошкольных учреждений в обследуемых регионах, даже несмотря на низкую рождаемость, а ЕАО и вовсе превышает дальневосточный показатель. Такая в целом негативная ситуация влияет и на занятость женщин в сфере труда.

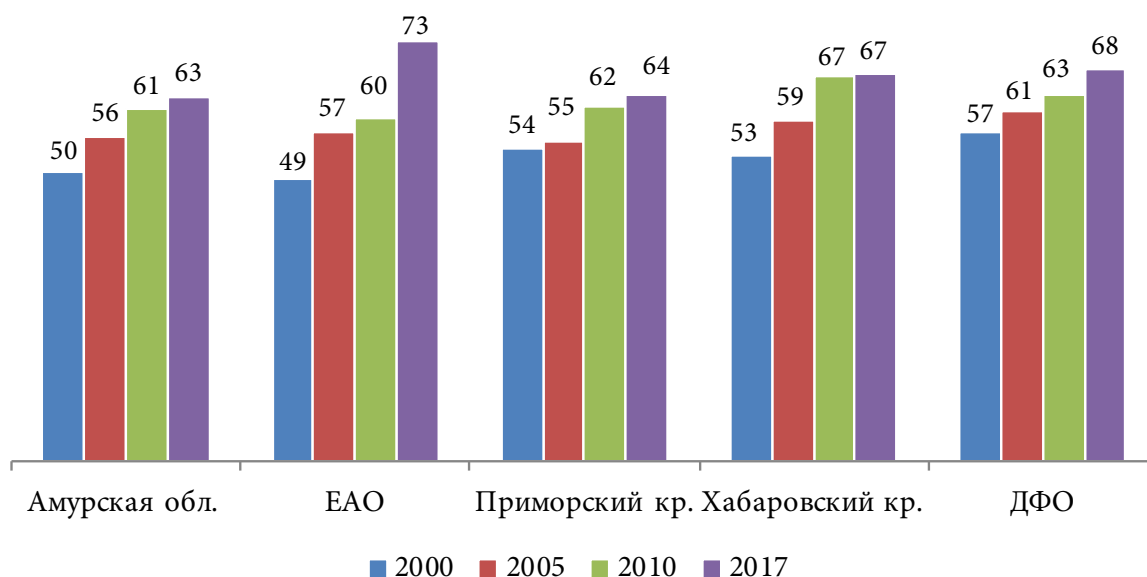

Рис. 2. Охват детей дошкольными учреждениями,
% от численности детей (от 1,5 до 6 лет)

Figure 2. Inclusion of children into pre-school facilities,
% of number of children (ages 1.5 to 6 years)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Однако, если федеральная статистика показывает нехватку учреждений дошкольного образования, то результаты кейса в малых городах показали совершенно обратную картину: «... в детских садах отток детей ощущается очень сильно /.../ У нас садиков много, у нас детей нет /.../ В детских садах столько свободных мест» (Из высказываний участников фокус-групп). Таким образом, ухудшение заполняемости детских садов приводит к уменьшению финансирования, а соответственно и к снижению заработных плат, сокращению штата и даже закрытию детсадов.

Количество общеобразовательных учреждений также тесно связано с численностью обучающихся в них учеников (см. таблицу 3). Во всех исследуемых регионах до 2010 г. происходило снижение по этим показателям, но к 2017 г. сокращение количества школ продолжилось, а численность обучающихся в них увеличилась, что связано с движением возрастной структуры населения. При этом в Амурской области и в ЕАО в 2017 г. по сравнению с 2000 г. увеличилась нагрузка на школу, а в Хабаровском и Приморском краях, как и в целом по дальневосточному региону, несмотря на возросшее количество учеников, снизилась.

Таблица 3 (Table 3)

Структура учреждений общего образования
Structure of general education facilities

Регион	Школы, ед.				Учеников, тыс. чел.				Среднее количество учеников на одну школу			
	2000	2005	2010	2017	2000	2005	2010	2017	2000	2005	2010	2017
Амурская обл.	471	452	394	298	137,4	106,6	92,7	98,6	291,7	235,8	235,3	330,9
ЕАО	106	100	74	67	31,9	22,3	18,6	20,6	300,9	223,0	251,3	307,5
Приморский кр.	757	687	613	558	298,3	221,2	186,3	205,7	394,0	322,0	303,9	368,6
Хабаровский кр.	511	487	414	392	213,4	149,6	126,3	143,3	417,6	314,9	305,0	365,6
ДФО	3040	2853	2538	2339	1039,8	782,1	667,4	729,4	342,0	274,1	263,0	311,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Согласно статистическим данным, на региональном уровне нагрузка на школу увеличилась. Даже при относительной стабильности количества образовательных учреждений, изменяется их структура, что связано как с изменяющимися запросами общества, так и с общим снижением численности населения: «Настолько мы, можно сказать, тонем, что в школах у нас остались учителя запенсионного возраста; с ними сейчас, не дай бог, что-то случится /.../ Школа даёт объявление, нужны учителя английского языка, математики, начальных классов; это бегущей строкой на первое сентября, но учителей нет» (Из высказываний на фокус-группах). Учреждения дошкольного и школьного образования – краеугольный камень для удержания людей молодого трудоспособного возраста, поскольку именно эта категория пока ещё стремится к созданию семьи и заинтересована в наличии этих учреждений по месту проживания. Современные реалии диктуют родителям необходимость обеспечить детей качественным образованием, чтобы они были конкурентоспособны и вос-

требованы в будущем на рынке труда, но возникающие проблемы вынуждают молодых родителей переезжать из малых городов в большие, традиционно более социально-экономически развитые.

Здравоохранение. Рассматривая изменения социальной инфраструктуры, невозможно не затронуть тему здравоохранения, поскольку уровень её развития имеет важное значение в определении здоровья и качества жизни населения. В последние годы в дальневосточном регионе растут заболеваемость и смертность населения от ряда социально значимых заболеваний [Суховеева 2019], что указывает на необходимость комплексного решения данных проблем, включающих профилактику, своевременное выявление, диагностику и лечение патологий современными методами с внедрением новых технологий. Причинами неблагополучного состояния здоровья населения в регионах являются низкая мотивация населения на соблюдение здорового образа жизни и недостаточная двигательная активность; высокая приверженность к вредным привычкам; несбалансированное питание; несвоевременное обращение за медицинской помощью и, соответственно, выявление заболеваний и факторов риска, их обуславливающих; несбалансированность коечного фонда; недостаточная обеспеченность системы здравоохранения высококвалифицированными кадрами.

В целом необходимо отметить, что практически во всех регионах увеличивается мощность амбулаторно-поликлинических учреждений и численность среднего медицинского персонала. Количество врачей всех специальностей незначительно растёт в ЕАО, а в оставшихся трёх регионах снижается (см. таблицу 4). Квалифицированные медработники уезжают на постоянное место жительства в южные регионы России (Краснодарский, Ставропольский край и др.), где они более востребованы.

Таблица 4 (Table 4)

Структура учреждений здравоохранения в регионах в 2000–2017 гг.

Structure of regional healthcare facilities in 2000–2017

Регион	2000	2005	2010	2017	2000	2005	2010	2017
	Число больничных коек (на 10 тыс. чел. населения)				Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений (тыс. посещений в смену)			
Амурская обл.	132,6	144,2	114,7	95,5	23,5	24,3	23,2	23,1
ЕАО	134,7	151,9	141,1	121,6	3,9	3,8	4,2	4,4
Приморский кр.	108,5	96,1	91,7	99,2	42,2	44,2	43,9	49,0
Хабаровский кр.	104,1	110,6	97,3	86	35,8	36,5	36,6	43,6
ДФО	123,1	126,7	108,7	99,6	163,1	168,1	164,1	179,5
	Численность врачей всех специальностей (на 10000 чел. населения)				Численность среднего медицинского персонала (на 10000 чел. населения)			
Амурская обл.	53,0	60,7	62,8	55,7	106,0	124,7	125,5	117,5
ЕАО	35,3	37,0	35,4	37,0	112,6	117,8	122,1	121,8
Приморский кр.	52,3	53,5	52,7	50,3	87,0	86,9	82,5	87,8
Хабаровский кр.	56,4	60,5	61,1	57,5	106,4	104,9	103,8	110,7
ДФО	50,2	54,3	55,8	55,1	105,6	111,4	109,7	113,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Значительные размеры Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв являются причиной территориальной разобщённости населённых пунктов. Большие расстояния до медицинских учреждений в условиях неразвитых транспортных коммуникаций, неудовлетворительного состояния дорог, сокращения автобусных маршрутов и высокой стоимости транспортных услуг снижают возможности получения квалифицированной медицинской помощи и госпитализации больных. Так, в ЕАО, несмотря на компактность территории, удалённость центральных районных больниц от участковых медучреждений, сельских врачебных амбулаторий (СВА) и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) составляет от 4 до 143 км, средний радиус обслуживания ФАП и СВА составляет 9 км. В Приморье в некоторых отдалённых районах удалённость ближайших медицинских учреждений составляет больше шести километров, в результате снижается уровень обращаемости населения в пункты врачебной помощи из отдалённых поселений, что способствует накоплению хронической патологии у населения и способствует преждевременной смертности. Таким образом, низкая обеспеченность населения дальневосточного региона медицинской помощью является одним из негативных факторов, влияющих на ухудшение его здоровья и снижение качества жизни: *«Ну не хватает, вообще врачей не хватает /.../ У нас ещё достаточно <лечебных учреждений>, т. е. на каждый микрорайон есть ... поликлиника, там можно свободно записаться, зайти-прийти, но специалистов-то как таковых нету /.../ Врачей вообще нет, вообще. Все уехали или уходят в частную клинику /.../ Кто это сделал опять же, вот как вы думаете, что по всей стране закрыли ФАПы, что ушли узкие специалисты. Это же не мы сделали, это не мэр сделал. Извините, даже не наш губернатор»* (Из высказываний на фокус-группах).

Жильё. Статистика социальной сферы зачастую демонстрирует общие показатели регионов, без выделения городской (включая малые города) и сельской местностей, что чрезвычайно затрудняет внутри-региональный анализ. При этом очевидно, что обеспеченность объектами социальной инфраструктуры в сельской местности ниже, чем в городской. Отдельные сюжеты по ситуации в малых городах дальневосточного приграничья были высказаны участниками фокус-групп и интервьюируемыми.

Приведём пример показателей жилищного фонда (см. таблицу 5), где представлены данные для городской и сельской местностей. Из таблицы видно, что сельская местность значительно уступает городской в обеспеченности жильём.

Наилучшие показатели обеспеченности жильём отмечаются в Приморье (44 млн кв. м.), наименьшие – в ЕАО, однако, если анализировать данный показатель в расчёте на одного жителя (см. таблицу 6), то Приморье занимает позиции аутсайдера, а лидирует Амурская область, показатель которой превышает в целом дальневосточный (24,9 против 23,7 кв. м.).

Таблица 5 (Table 5)

**Жилищный фонд городской и сельской местностей в регионах
в 2000–2017 гг., млн кв. м.**

*Total housing resources in urban and rural areas in Russian regions
in 2000–2017, mln. sq.m.*

Регион	2000		2005		2010		2017	
	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность
Амурская обл.	12	5	12	6	13	6	14	6
ЕАО	2	1	3	1	3	1	3	1
Приморский кр.	30	8	30	9	31	10	34	10
Хабаровский кр.	23	4	23	5	24	5	26	5
ДФО	100	29	100	32	104	33	111	35

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Таблица 6 (Table 6)

Общая площадь, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м.

Total housing area per resident on average, sq.m.

Регион	2000	2005	2010	2017
Амурская обл.	17,4	20,6	22,2	24,9
ЕАО	19,2	20,8	22,0	23,0
Приморский кр.	17,6	19,4	20,8	22,9
Хабаровский кр.	18,2	20,4	21,8	23,5
ДФО	18,3	20,4	21,8	23,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Для характеристики жилищных условий важен и уровень благоустройства жилых помещений. Наилучшими условиями среди исследуемых регионов обладает Хабаровский край, лидирующий по всем показателям, за исключением обеспеченности напольными электроплитами. Второе место у Приморья, третье у Амурской области. ЕАО занимает позиции аутсайдера среди дальневосточных регионов по всем показателям, кроме обеспеченности газом (второе место в ДФО, несмотря на то, что газоснабжение населения осуществляется привозным сжиженным углеводородным газом производства Тобольска, Перми, Ачинска, Сургута). В 2002–17 гг. в ЕАО более чем в 3,5 раза выросла обеспеченность напольными электроплитами, что связано прежде всего с новостройками, в большей части которых не предусмотрено централизованное газоснабжение: *«Дайте ему квартиру, он будет у нас жить, радо-*

ваться здесь, например, молодой специалист, но нет /.../ Квартир нет, зато вот там понастроили домов, вот этих квадратиков с 10-ю сантиметровыми стенами, ни окон, ни дверей, какой нормальный человек поедет сюда?» (Из высказываний на фокус-группах).

Приведённые выше статистические данные, демонстрирующие пусть и незначительную, но при этом положительную динамику трансформаций в сфере здравоохранения и жилищного фонда, опровергаются реальной оценкой жителей малых приграничных городов, которые говорят о совершенно иной ситуации на местах. Из этого можно заключить, что реальные положительные изменения в этих сферах происходят только в крупных городах и региональных центрах.

Культурная сфера. Следующая неотъемлемая часть жизни человека – культура; она формирует мышление, воображение, систему ценностей и пр. Развитие данной сферы способствует развитию полноценной личности через возрождение культурных традиций, сохранение и использование потенциала культурно-досуговой среды, библиотечных и музейных фондов, самореализации в творческих коллективах и пр.

Структура объектов культуры в регионах представлена в таблице 7. Не приводя динамику данных показателей, можно отметить, что общее состояние культуры в дальневосточном регионе ухудшается – отмечается снижение количества основных объектов, необходимых прежде всего жителям сельской местности (библиотек, клубов, киноустановок). Если в крупных населённых пунктах исследуемых регионов у населения больше возможностей для самореализации в сфере культуры, то сельская местность, особенно удалённых районов, в подобном развитии сильно ограничена.

Сокращение показателей состояния культурной сферы в 2000-х гг. было связано с передачей части функций социального обеспечения населения местным муниципалитетам, у которых зачастую не хватает средств для поддержания достойного уровня объектов культуры, а также в связи с реформой, связанной с объединением их в единые «досуговые центры»¹. Объединение сельских библиотек, клубов и музеев в одну структурную единицу отразилось на сокращении обслуживающего персонала. Впоследствии снижение финансирования досуговых центров, особенно в сельской местности, повлекло за собой введение платных услуг, что в условиях низких доходов населения ограничивает сельских жителей в получении конституционно-гарантированного права на пользование достижениями культуры.

Необходимо отметить, что современные технологии позволяют знакомиться с объектами мировой культуры и искусства, практически не выходя из дома, чему способствуют коммуникационные средства (телевидение, интернет). Однако если телевидением цифрового вещания обеспечено около 100% населения, то интернет пока не имеет подобного покрытия, особенно это касается удалённых территорий.

¹ Программа создания центров культурного развития в малых городах и сельской местности Российской Федерации от 26.12.2014 г. N 2716-р, «О социальном развитии сельских поселений» N 1726-III от 28.06.2001 г.

Таблица 7 (Table 7)

Структура объектов культуры в регионах в 2018 г.

Structure of regional objects of culture in 2018

Объекты культуры, ед.	Амурская обл.	ЕАО	Приморский кр.	Хабаровский кр.
Театры	3	1	8	6
Музеи	18	5	20	20
Библиотеки	345	48	415	308
Культурно-досуговые учреждения	332	78	315	258
Филармонии	1	1	1	1
Учреждения высшего и среднего образования	2	1	4	2
Дополнительное образование	26	3	56	40
Кинозалы и киноустановки	50*	8*	17	10
Дома народного творчества	1	1	2	-
Цирки	0	0	1	1
Парки культуры и отдыха	8	2	15	7

* – кинотеатры и киноустановки.

Источники: [Культура...; Культура Еврейской...; Министерство...].

Существующие проблемы в сфере культуры исследуемых регионов обусловлены в первую очередь недостаточным качеством услуг, предоставляемых учреждениями культуры в связи с ухудшением материально-технической базы, отсутствием современного технологического оборудования и других факторов, связанных с недостатком финансирования: *«Надо подумать, что для <удержания> молодёжи необходимо бросать усилия на культуру, на спорт, на работу, и тогда они будут задерживаться /.../ Ну вот уж сколько лет у нас один дом культуры, больше я не знаю, где ещё им развлекаться /.../ В городе 5 микрорайонов, к каждому должен быть свой досуговый центр для молодёжи, да вообще для жителей микрорайона, а у нас один на весь город /.../ Дворец культуры ещё теплится»* (Высказывание на фокус-группе).

Базовая инфраструктура культурной жизни местных сообществ, по мнению О. В. Аксеновой, мало изменилась с советских времён, все изменения скорее происходят в административной сфере, появляются негосударственные субъекты, однако и они опираются на те же дома культуры, библиотеки и краеведческие музеи [Аксенова 2014].

Помимо ветшания инфраструктурных составляющих сферы культуры в большинстве приграничных локальностей, нужно отметить сокращение профессионалов, работающих в них. На сегодняшний день почти все, кому не безразлична культурная среда их населённого пункта, – люди старшего и/или пенсионного возраста. Они совмещают работу в культурных учреждениях с общественной работой в различных сферах, таких как: «Ветераны Великой Отечественной войны»; «Женсовет» и т. д. Эти люди не только обеспечивают культурно-досуговую повседневность мест-

ного сообщества, но и становятся помощниками в бытовых вопросах: «Всё, что от нас зависит и не зависит, мы пытаемся сделать. Мы помогаем людям, ..., какие-то проблемы частного характера или групповые, ... вот всё, что от нас зависит, мы пытаемся делать /.../ Системно мы проводим много лет благотворительные акции, называются «От сердца к сердцу». Приходится подтягивать спонсоров, кто сколько даст, даже по 500, по 100 рублей, или кто-то 5 тысяч, кто-то 3. И мы на эти деньги большое количество детей полностью обеспечиваем школьными принадлежностями» (Из высказываний на фокус-группах).

Спорт. Схожие проблемы существуют и в сфере физической культуры и спорта (см. таблицу 8). Приходится признать, что некоторое увеличение количества спортивных площадок и полей, а также спортивных залов обусловлено изменением статистического учёта данных показателей в 2000-х гг., когда стали учитывать спортивные объекты, принадлежащие образовательным учреждениям. Строительство новых объектов не всегда покрывает потребности населения, при этом зачастую старые объекты перестают функционировать в связи с выработкой срока действия.

Таблица 8 (Table 8)

Структура объектов физической культуры в регионах в 2000–2017 гг., *ед.*
Structure of regional physical training objects in 2000–2017

Регион	2002	2005	2010	2017	2002	2005	2010	2017
	Число стадионов с трибунами на 1500 мест и более				Число плоскостных спортивных сооружений (спортивные площадки и поля)			
Амурская обл.	21	23	26	26	1151	1092	1245	1218
ЕАО	2	2	4	2	116	149	204	253
Приморский кр.	28	28	31	25	1074	1529	1849	1742
Хабаровский кр.	21	21	15	15	779	876	1314	1642
ДФО	108	107	107	94	4033	4771	5880	6249
	Число спортивных залов				Число плавательных бассейнов			
Амурская обл.	508	544	573	564	10	10	10	13
ЕАО	101	102	108	110	2	1	3	3
Приморский кр.	749	959	1121	1082	33	32	44	55
Хабаровский кр.	469	470	503	552	41	40	46	66
ДФО	3081	3399	3775	3764	136	138	183	227

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. 966 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

В последние годы ведётся активная пропаганда здорового образа жизни и повышается привлекательность занятий спортом. Это благотворно сказывается на увеличении числа спортивных залов и плавательных бассейнов, а также росте количества желающих заниматься различными видами спорта.

Однако цифры, кажущиеся привлекательными в региональном и федеральном разрезе, в реальности оказываются качественно иными в приграничных локальностях: *«Спорт надо развивать. Вот смотрите, у нас есть бассейн и хорошие тренеры, хорошо детей ведут, но он <бассейн> у нас <работает> только в отопительный сезон. ... Отопление закончилось, бассейн закрылся /.../ Ещё и состаривается, спортивная база вся старая, бассейн только 25 метров, соревнования здесь никто не проводит, потому что соревнования проводятся на 50 метрах минимум, и наши ездят туда. То же самое наша волейбольная команда ездит куда-то, потому что у нас нет соответствующих залов /.../. Когда заканчивают детско-юношескую спортивную школу, стараемся всем выдавать разряды, которые при поступлении им помогают. Разряд, допустим, игроков футболистов, которые спокойно играют за свои институты, показывают хорошие результаты и т. д. Это не только на футболе и игровых видах спорта, но и на других видах /.../ Ну, есть Дворец спорта, который остался, спасибо Советскому Союзу и оставшимся советским тренерам, да и они уже увольняются, вот-вот последние уйдут»* (Мнение участника фокус-группы).

В Приморье, как и во всей современной России, ключевую роль в сохранении и развитии сфер культуры и спорта в малых городах и сёлах играют энтузиасты-профессионалы, не скованные рамками строгих правил и предписаний. Это думающие, ответственные люди, считающие необходимым делать что должно, иначе всё может стать гораздо хуже [Аксенова 2016].

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что состояние инфраструктуры приграничных территорий ухудшается, как и в большинстве внутренних регионов России, социокультурная среда сохраняется только силами энтузиастов. Внешние события (политические, экономические и т. д.) диктуют необходимость привлечения к этим территориям особого внимания [Халий 2014]. Опасности, не несущие физических или политических угроз целостности страны, зачастую оказываются вне поле зрения федеральной власти, к тому же социокультурные риски зачастую латентны, порой их недооценивают, а ведь, в отличие от географического пространства, социокультурное – проницаемо [Зимица 2011]. Депопуляция территорий ведёт к исчезновению малых городов и поселений вдоль границы. Возникает порочный круг: власть не стремится к развитию приграничных территорий и удержанию населения на местах; инфраструктура, особенно социального значения, ветшает; люди стремятся уехать, государство не видит смысла вкладывать деньги туда, где нет людей.

Жители крупных городов исследуемых регионов (Благовещенск, Владивосток, Хабаровск и др.) ищут способы использовать их приграничное положение: изучают языки сопредельных стран (Китая, Японии, Кореи); работают гидами для российских туристов, приезжающих в Китай за товарами; организуют доставку китайского товара через

интернет; работают в Китае преподавателями русского языка, актёрами, вокалистами, хореографами или переводчиками для иностранных туристов, посещающих Россию, и т. п.

Малые приграничные населённые пункты превращаются в транзитные коридоры, прибыль от которых уходит в региональный центр, а порой и напрямую в федеральный.

Таким образом, Дальний Восток России обладает значительными природными и рекреационными ресурсами, является стратегически важным макрорегионом для государства, однако в последние десятилетия продолжает терять население. Одним из возможных факторов его сохранения может быть развитая инфраструктура. Наличие разветвлённой сети дорог, соединяющих все населённые пункты, объектов здравоохранения, образования и культуры, функционирующих на современном оборудовании, положительно повлияет на миграционные настроения проживающих здесь людей.

В настоящее время слабая обеспеченность населённых пунктов, особенно удалённых районов, объектами социальной инфраструктуры отрицательно сказывается на здоровье, образовании, культурном развитии и качестве жизни населения. Зачастую образованные жители районов в поисках работы мигрируют в региональные центры или другие регионы России, как правило, в Центральный или Южный федеральный округ. В сельской местности отмечается снижение людности населённых пунктов, что особо негативно сказывается особенно на небольших сёлах, поскольку вызывает дальнейшее сокращение объектов социальной инфраструктуры, которое ведёт к сокращению населения, а отсутствие населения не способствует восстановлению объектов социальной инфраструктуры. В настоящее время социокультурное развитие исследуемых районов зависит от активности их жителей, но эта активность не может остановить процессы депопуляции. Необходима поддержка развития приграничных регионов со стороны государства.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2014. Культурная среда приграничья: структуры и акторы // Вестник Института социологии. № 11. С. 47–58.

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН. 304 с.

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.

Гаева И. В. 2013. Трансформация транспортной инфраструктуры сельской местности Еврейской автономной области // География и природные ресурсы. № 2. С. 139–144.

География Еврейской автономной области: общий обзор / Отв. ред. Е. Я. Фрисман. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2018. 406 с.

Зими́на Н. С. 2011. Особенности трансграничного социокультурного пространства: научное осмысление // Вестник ЧитГУ. № 12 (79). С. 17–23.

Культура Еврейской автономной области // URL: <https://kulturaeao.ru/> [Дата посещения: 05.07.2020].

Культура. Официальный сайт Правительства Хабаровского края // URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Razvitie-kрая/185> [Дата посещения: 05.07.2020].

Министерство культуры и национальной политики Амурской области. Официальный сайт // URL: <https://kult.amurobl.ru/> [Дата посещения: 06.07.2020].

Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009. 808 с.

Рудковский Э. И. 2018. Социокультурные аспекты и принципы регионального сотрудничества // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: ИНИОН РАН. С. 631–634.

Сидоров С. А., Сидоров А. С. 2012. Пограничная политика в пограничном пространстве ДФО: проблемы, угрозы, перспективы // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 3 (60). С. 35–45.

Суховеева А. Б. 2019. Качество среды жизнедеятельности населения дальневосточных регионов России: социально-экологический аспект // Вестник Уральской медицинской академической науки. Т. 16. № 2. С. 230–236.

Халий И. А. 2014. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии. № 11. С. 23–33.

Статья поступила: 9.09.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинина Ирина Владимировна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических систем, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия

Бийжанова Элиза Камчыбековна, научный сотрудник, Отдел анализа социокультурных оснований политических процессов, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.678

The Southern Border Regions of the Far East: Socio-Cultural and Infrastructural Transformation

Irina V. Kalinina

The Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: gaevaiv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8628-8505

Eliza K. Biyghanova,

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: biyghanova@isras.ru

ORCID ID: 0000-0002-0401-8633

For citation: Kalinina I.V., Biyghanova E.K. The southern border regions of the Far East: socio-cultural and infrastructural transformation. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 63–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.678

Abstract. This article presents an analysis of the socio-cultural and infrastructural transformations occurring in the southern borderland regions of the Far East: Amur Oblast, Jewish Autonomous Oblast, Primorsky and Khabarovsk regions. These territories were barely subject to any demarcation and geopolitical changes, with shifts occurring under the influence of economic and political factors, as well as various processes associated with globalization. Based on federal and regional statistical data, together with deep interview and focus group studies conducted in small borderland towns, certain explicit and latent issues in the socio-cultural realm were identified. This article points towards considerable differences between those overall positive changes shown by statistical data on a regional level and the actual situation in any given locale, based on how it is evaluated by residents of municipalities located right next to the border. The following parameters were used as control points for analysis: changes in the population size, the current situation with housing, fundamental infrastructure in the field of education, healthcare and facilities used for cultural-leisure purposes. The study revealed certain serious issues associated with the deterioration of existing public infrastructure, most of which was created during Soviet times. The development of borderland territories is largely dependent on successfully preventing their depopulation. In order to ensure the reproduction of the socio-cultural potential of the country's far eastern regions, and ultimately to preserve the country's unity, the population of said regions needs to increase. The development of those areas which were part of the study is largely dependent on how active their residents are. Currently the socio-cultural sphere is being preserved thanks to the efforts of enthusiasts, despite the deterioration of public and cultural infrastructure. The identified trends are inherent to all regions of Russia, though in borderland territories they bear special significance, since borderlands at the same time serve as both a defense outpost and a bridge for establishing connections with neighboring countries. A conclusion is drawn that the bulk of the borderland territories in Russia's Far East is currently in a depressive state, especially small towns and surrounding rural areas, which makes all the more relevant the need to support and aid in the development of borderland areas while taking into account their geographical, historical and socio-cultural characteristics within the spatial-territorial context.

Keywords: sociology, borderlands, transformation, southern regions of the Far East, social and cultural development, infrastructure

References

Aksenova O.V. Cultural milieu of the border lands: structure and actors. *Vestnik Instituta sotziologii* = Bulletin of the Institute of Sociology, 2014: Vol. 5: 4:47–58 (In Russ.).

Aksenova O.V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow, IS RAS publ., 2016: 304 (In Russ.).

Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problem. Ed. by N.I. Lapin. Moscow, Ves` Mir, 2016: 360 (In Russ.).

Gaeva I.V. Transformation of the transport infrastructure of rural areas of the Jewish Autonomous Region. *Geographiya i prirodnye resursy* = Geography and Natural Resources, 2013: 2: 139–144 (In Russ.).

Geography of Jewish Autonomous Region: A General review. Ed. by A.E. Fersman. Birobidzhan, ICARP of Far Eastern branch of the RAS, 2018: 406 (In Russ.).

Khaliy I.A. Modern Russian Borderland: General Characteristics. *Vestnik instituta sotziologii* = Bulletin of the Institute of Sociology, 2014: Vol. 5: 4: 23 – 33 (In Russ.).

Regions in Russia: Socio-Cultural Portraits of Regions in the All-Russian Context. Ed. By N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow, Academia, 2009: 808 (In Russ.).

Rudkovsky E.I. Socio-cultural Aspects and Principles of Regional Cooperation. In: *Russia: Trends and Development Prospects*. Moscow, ISS RAS publ., 2018: 631–634 (In Russ.).

Sidorov S.A., Sidorov A.S. Border Policy in the Border Area of the Far Eastern Federal District: Problems, Threats, Prospects. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* = Customs policy of Russia in the Far East, 2012: (60): 35–45 (In Russ.).

Sukhoveewa A.V. The Quality of the Living Environment of the Population of the Far Eastern Regions of Russia: Socio-ecological Aspect. Vestnik Uralskoy Meditsinskoy Akademicheskoy Nauki = Journal of Ural Medical Academic Science, 2019: Vol. 16: 2: 230–236. DOI: 10.22138/2500-0918-2019-16-2-230-236 (In Russ.).

Zimina N.S. Features of the transboundary sociocultural space: scientific comprehension. Vestnik ChitGU = Bulletin of the State University of Chita, 2011: 12 (79): 17–23 (In Russ.).

The article was submitted on: September 9.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kalinina Irina Vladimirovna, Candidate of Geographical Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory of Regional Socio-Economic Systems, the Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of RAS, Birobidzhan, Russia
Biyzhanova Eliza Kamchybekovna, Research fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.679

Региональные особенности становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике

Ссылка для цитирования: Атласкиров А. Р. Региональные особенности становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 82–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.679

For citation: Atlaskirov A. R. The regional specifics of the development of a civil society in the Kabardino-Balkarian Republic. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 82–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.679

Атласкиров Альберт Русланович

Кабардино-Балкарский научный центр РАН,
Нальчик, Россия

atlaskirov.albert@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [974428](#)

Аннотация. В статье рассматриваются региональные особенности становления ценностей гражданского общества в одном из субъектов РФ – Кабардино-Балкарской Республике¹. Проблемы и специфика развития гражданского общества являются одними из наиболее актуальных вопросов для социальных наук в современной России. Не утихают споры между сторонниками европейской интеграции, приобщения к западному миру и приверженцами цивилизационной самостоятельности России. Социокультурные особенности нашей страны обуславливают существенные региональные различия в уровне развития гражданского общества. Экспертные доклады, подготовленные различными исследовательскими центрами, отмечают, что в наиболее экономически развитых регионах страны ценности гражданского общества получили большее распространение. Граждане создают и активно участвуют в деятельности общественных организаций, пропагандируют благотворительную деятельность, активно защищают свои права. В менее развитых регионах уровень развития гражданского общества недостаточно высок. В данной статье автор рассматривает указанную проблематику на примере одного из российских регионов, обладающего существенной культурной спецификой. Методологической основой представленного исследования являются системный и междисциплинарный подходы. Метод исследования – анкетный

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых учёных (грант МК-2488.2019.6)

опрос. Объём выборки составил 550 человек. Географически исследованием охвачены все муниципальные образования Кабардино-Балкарии, в том числе и труднодоступные высокогорные районы (Черекский, Зольский, Эльбрусский). В ходе исследования было выявлено, что жители Кабардино-Балкарии для решения своих жизненных проблем чаще используют родственные связи и коррупционные отношения. В то же время к услугам общественных организаций, правоохранительных органов и судебной системы прибегает небольшая доля граждан, что может свидетельствовать об относительно низком уровне правосознания населения региона. Несмотря на то, что молодёжь республики выросла в условиях постсоветской России, строящейся по образцу демократических стран, для этой социально-демографической группы населения характерен высокий уровень социальной апатии и неприятия ценностей гражданского общества, чем в среднем населению региона.

Ключевые слова: социология, Кабардино-Балкарская Республика, гражданское общество, ценности, молодёжь, правовое сознание, коррупция, социальная апатия, гражданская активность

Введение

Гражданское общество представляет собой продукт длительного исторического развития социума. Существует множество подходов к определению сущности гражданского общества. Дж. Локк утверждал, что гражданское общество есть общество политическое, в котором государство выполняет функцию гаранта естественных прав (свобода, равенство, собственность) и законов. Он отмечал, что за государством следует признавать только те полномочия, которые санкционированы общественным договором между гражданами [Локк 1988]. Г. В. Ф. Гегель признавал первенство государства как более высокоорганизованной органической целостности над гражданским обществом. Он подразумевал под гражданским обществом относительно независимую от государства совокупность отдельных индивидов, классов, групп и институтов, взаимосвязь которых регулируется гражданским правом [Гегель 1990]. А. Грамши понимал гражданское общество как сеть частных объединений различных социальных классов и слоёв, не включённых в государственный аппарат (профессиональные, религиозные, благотворительные и т. д.) [Грамши 1959].

Дж. Л. Коэн и Э. Арато отмечают, что понятие гражданского общества стало весьма популярным благодаря борьбе, ведущейся во многих частях света с коммунистическими и военными диктатурами. Под гражданским обществом они понимают «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семью), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации» [Коэн, Арато 2003: 3]. По их мнению, необходимо отличать гражданское общество от политического и экономического. Вместе с тем и политическое, и экономическое общество возникает на основе

гражданского. Авторы подчёркивают, что в условиях либерально-демократического правления было бы ошибочно противопоставлять гражданское общество экономике и государству. Противопоставление возникает тогда, когда экономика и государство перестают справляться с ролью посредников и начинают «изолировать процессы принятия решений и тех, кто эти решения принимает, от воздействия со стороны социальных организаций, инициатив и публичного обсуждения» [Коэн, Арато 2003: 5].

Особенности и проблемы развития гражданского общества являются одними из наиболее актуальных вопросов общественно-политической жизни постсоветской России. Несмотря на то, что элементы гражданского общества (общественные организации, профсоюзные движения, благотворительные фонды и т. д.) присутствуют во всех регионах страны, во многих, в основном периферийных территориях, их значение в общественной жизни минимально. Например, многие граждане являются членами профсоюзных организаций и ежемесячно отчисляют часть своих доходов в профсоюзные фонды, однако мало кто из них принимает реальное деятельное участие в профсоюзном движении. Становление зрелого гражданского общества в нашей стране происходит неравномерно в силу существования различных факторов, влияющих на этот процесс: полиэтничность, многоконфессиональность, различный уровень социально-экономического развития регионов и т. д. В рамках представленного исследования мы подразумеваем под зрелым гражданским обществом наличие таких качеств социального взаимодействия, как общественная активность, правовое сознание, готовность большей части населения брать на себя ответственность за социальное благополучие.

Исследованию различных аспектов развития гражданского общества посвящено множество трудов отечественных исследователей. Особую популярность в начале XXI в. стала приобретать идея евразийства, последователи которой утверждают, что Россия является самостоятельной цивилизацией, а ценности западного общества не применимы к ней. Так, А. Г. Дугин утверждает, что в России, несмотря на усилия государства, не созрели ни демократия, ни индивидуализм, ни правовое сознание, ни другие атрибуты развитого гражданского общества [Россия и Запад... 2009: 33]. Следует отметить, что идея существования самобытной российской цивилизации не нова и имеет давние корни. Ещё в XIX в. славянофилы в спорах с западниками утверждали, что западные ценности не способны в полной мере прижиться на российской почве. Принципам гражданского права славянофилы противопоставили концепцию «органичной общности», православной «соборности». А. С. Хомяков отмечал, что индивиду доступны лишь полуправды, которые оборачиваются неправдой. Только «соборный» разум способен познать истину всецело [Хомяков 1904].

Несмотря на то, что истоками евразийства считаются учения славянофилов, между ними существует разница. Евразийцы отвергают существование славянского культурно-исторического типа. Они считают,

что русский народ не стоит сводить к одному лишь славянскому этносу. По их мнению, культуры туранских народов, связанных с русскими общей исторической судьбой, ближе к русской культуре, чем культуры западных славян. П. Н. Савицкий в своих трудах выделял два полярных способа восприятия окружающей действительности: ощущение моря и ощущение континента. «На пространстве всемирной истории западно-европейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента» [Савицкий 1997: 334]. Он считал, что русские в какой-то степени тоже монголы, так как в «русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоении – тот же дух, то же ощущение континента» [Савицкий 1997: 334]. Последователи евразийства отмечают, что именно от монголов русский народ перенял государственную идеологию, позволившую объединить континент в единое государственное образование.

В конце XX – начале XXI вв. вопрос цивилизационной самоидентификации получил особую актуальность в общественно-политическом пространстве России после распада СССР. С. Ф. Хантингтон отмечал, что «за годы, прошедшие после окончания холодной войны, мы стали свидетелями начала огромных перемен в самоидентификации народов и символах их идентичности. Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных... Всё больше и больше флагов развеваются высоко и гордо, а русские и другие народы сплываются вокруг них и прочих символов своей новой культурной идентичности» [Хантингтон 2011: 11]. Неудачная попытка интеграции с Европой, предпринятая российскими элитами в 1990-е гг. XX в., породила новый виток размышлений относительно значения и роли ценностей западного общества для современной России.

А. Г. Володин уделяет внимание тому, какое влияние оказывает на развитие гражданского общества в России «догоняющий» характер российской модернизации [Володин 2000]. По мнению И. Б. Левина, понятие «гражданское общество» в нашей стране находится на далёкой периферии массового сознания [Левин 1996]. Также можно отметить, что существует большое количество академических трудов, посвящённых различным аспектам становления и развития гражданского общества: местному самоуправлению [Войтович 2005], некоммерческим организациям [Якимова 2013], открытым обществам [Цымбурский 1992], социализации молодёжи [Кузнецов 2015], вызовам информационного общества [Панарин 2001] и т. д.

Общественная палата Российской Федерации в 2008 г. представила доклад «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации», в котором отметила, что в современной России наблюдается неравномерность регионального развития гражданского общества. В докладе, в зависимости от уровня вовлечённости местного населения в благотворительную деятельность, функционирования некоммерческих организаций и гражданских инициатив, российские регионы были

разделены на четыре группы¹. Эксперты пришли к выводу, что в субъектах Российской Федерации, где население характеризовалось более высоким уровнем образования, дохода и продолжительности жизни, оно принимало более активное участие в общественных делах. Следует отметить, что дисбаланс в региональном уровне развития гражданского общества не является уникальным для России. Даже в развитых странах Европы есть регионы с населением, занимающим более активную гражданскую позицию, и регионы с низким уровнем гражданского самосознания населения. Интересным примером неравномерного развития гражданского общества в регионах может служить Италия. Исследователи отмечают наличие существенных различий в социальном укладе жителей центрально-северных и южных регионов [Banfield 1958; Putnam 1993; Лисовский 1979].

Довольно часто Италию сравнивают с Россией, а Южную Италию, в частности, с Северным Кавказом. Периодически в итальянском обществе слышны требования отделения индустриально развитой Северной Италии от бедной южной её части, которую «северяне» устали кормить. Социально-экономическая модель Северной Италии больше похожа на социально-экономическую модель западноевропейских стран и более тесно интегрирована в общий европейский рынок. Южной Италии не даёт развиваться мафия, повсеместно распространившая своё влияние. Несмотря на многомиллиардные субсидии, которые с начала 2000-х гг. получила Южная Италия, сохраняется существенная разница в уровне социально-экономического развития регионов [Овакимян, Легкоступова 2018].

Наше исследование направлено на выявление региональных особенностей становления гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике. В его рамках выдвигаются две *гипотезы*:

1. Жители Кабардино-Балкарии для решения своих насущных жизненных проблем чаще прибегают к неформальным способам (родственные и коррупционные связи, религиозные общины и т. д.), и редко используют государственные и гражданские институты (правоохранительные органы, общественные организации, профессиональные союзы и т. д.).

2. Молодёжь Кабардино-Балкарии, сформировавшаяся в постсоветской России и впитавшая в себя идеи демократии, активнее проявляет свою гражданскую позицию, чем поколения граждан, выросших в СССР.

Эмпирической базой нашего исследования служат данные анкетного опроса, проведённого в 2018 г. в Кабардино-Балкарской Республике и охватившего все районы (Баксанский, Чегемский, Черекский, Зольский, Эльбрусский, Лескенский, Урванский, Терский, Майский, Прохладненский) и крупнейший город, столицу республики – Нальчик. Объём выборки составил 550 человек. Выборка репрезентативна по типу

¹ Ежегодный доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2008 г.» С. 12. // URL: <https://opr.ru/documents/1151/1154/> [Дата посещения: 16.01.2020].

поселения, возрасту, полу и этнической принадлежности. Отбор респондентов осуществлялся на основе маршрутной выборки с соблюдением квот при отборе единиц наблюдения.

Кабардино-Балкария: формы проявления социальной активности

В рамках данного исследования мы посчитали необходимым представление общих социально-экономических характеристик республики, которые позволяют сформировать более полную картину происходящих в обществе процессов. Кабардино-Балкария – многонациональный и многоконфессиональный регион Северного Кавказа, находящийся вдали от центров экономического роста. В республике выделяются три основные этнические группы: кабардинцы – 57%, русские – 22,4%, балкарцы – 12,6%¹. По показателям социально-экономического развития республика входит в число наименее развитых регионов России. В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ она занимает 81 место из 85². В силу низкого уровня социально-экономического развития республики, бедности значительной части населения, распространение и становление ценностей гражданского общества встречает множество трудностей на своём пути.

Различные аспекты развития гражданского общества в Кабардино-Балкарии исследовались в работах Ф. Р. Джантуевой [Джантуева 2010], М. Х. Гуговой [Гугова 2013], А. И. Тетуева [Тетуев 2017; 2018], региональная специфика развития гражданского общества в республике выявляется в работе автора данной статьи [Атласкиров 2018а]. Исследования деятельности некоммерческого сектора региона показывают, что развитие гражданского общества в Кабардино-Балкарии активизируется «сверху». Большинство действующих некоммерческих общественных организаций живёт за счёт государственных грантов и выполняет государственный заказ [Атласкиров 2018b]. Проблемы правового статуса и развития Кабардино-Балкарии раскрываются в коллективном труде «История многовекового содружества» [История...2007]. Исследователи М. Р. Захохова, М. Н. Ханова, Н. А. Чемаев, Ф. З. Шогенов и М. Ю. Локова рассматривают проблемы развития молодёжных общественных объединений региона [Захохова и др. 2017]. Т. Б. Гуппоев и М. З. Шогенов [Гуппоев, Шогенов 2018] исследуют основные проблемы и перспективы участия институтов гражданского общества в обеспечении качества предоставления социальных услуг как неотъемлемого атрибута современного социального государства.

¹ Портал Правительства КБР. Электронный ресурс // URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/kbr/o_kabardino_balkarskoy_respublike/ [Дата посещения: 22.04.2020]

² Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2018. Электронный ресурс URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> [Дата посещения: 12.04.2020]

Показателем наличия зрелого гражданского общества является широкое участие граждан в общественной жизни, в том числе через защиту своих интересов в рамках правового поля. Для выявления социальных и личностных ресурсов населения [Тихонова 2014], лежащих в основе гражданского самосознания, респондентам был задан ряд вопросов. Важным показателем состояния гражданского общества в каком-либо регионе является то, к каким способам защиты своих интересов прибегают люди в случае нарушения их прав или игнорирования их интересов. Результаты проведенного исследования показали, что большинство граждан республики ни к каким способам защиты своих интересов не прибегают (66,6%). Следовательно, можно предположить, что у граждан республики высок уровень апатии. Среди тех, кто в ходе опроса выбирали деятельные формы защиты своих интересов, наиболее популярен ответ: «решал свои проблемы с помощью родственников и знакомых» (12,1%). В судебные инстанции обращались 9,2%, договаривались с людьми, от которых зависело решение их проблем за деньги, 5,8%. Городские жители чаще, чем сельские, обращались в судебные инстанции (12,5% против 4,3). Данный показатель говорит о более высоком уровне распространения правового сознания у городских жителей, чем у жителей сельских поселений. В целом для жителей городов характерен более высокий уровень образования и социального благополучия, что, безусловно, оказывает влияние на гражданское самосознание. Сельские жители чаще, чем городские, решают свои жизненные проблемы с помощью родственников и знакомых, что, к тому же, говорит о низком уровне доверия к судебной системе, правоохранительным органам, общественным организациям. (13,5% против 11,3) (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Вопрос: «К каким способам отстаивания своих интересов Вы лично прибегали за последний год?» (возможно несколько вариантов ответа, %)

Question: "What means of defending your interests have you personally resorted to in the past year?" (multiple answers are permitted, %)

№	Варианты ответов	КБР	Городские жители	Сельские жители
1	Обращался (обращалась) в судебные инстанции	9,2	12,5	4,3
2	Обращался (обращалась) в государственные учреждения и общественные организации	6,9	7,0	6,0
3	Ходил(а) на митинги, демонстрации, забастовки	1,6	1,0	2,6
4	Решал(а) свои проблемы с помощью родственников и знакомых	12,1	11,3	13,5
5	Принимал(а) участие в акциях профсоюзных организаций	3,1	3,6	1,7
6	Принимал(а) участие в акциях политических организаций	1,4	2,0	0,8
7	Договаривался (договаривалась) с людьми, от которых зависело решение моих проблем за деньги	5,8	5,8	5,8
8	Ни к каким способам не прибегал(а)	66,6	64,3	69,6

В странах с развитым гражданским обществом население активно принимает участие в решении наиболее злободневных социальных, экономических и политических проблем общества. Проведённое исследование показало, что жители Кабардино-Балкарии довольно смутно представляют порядок своих действий в случае попадания в сложную жизненную ситуацию. Из предложенных вариантов ответа 62,4% респондентов выбрали «пассивную» форму реагирования или затруднились ответить: буду терпеть, пока всё само не наладится – 1,8%; ещё не знаю, что буду предпринимать – 21,5%; ничего не буду предпринимать – 5,2%; затруднились ответить – 33,9%. Гражданскую форму активности готовы проявить 17,9% респондентов. Под гражданской формой активности, в рамках представленного исследования, мы понимаем совокупность следующих ответов на поставленный вопрос: буду отстаивать свои интересы, участвуя в деятельности политических партий – 6,1%; вступлю в профсоюзную организацию для защиты своих интересов – 8,7%; буду ходить на митинги, забастовки и демонстрации – 3,1%. Городские жители более склонны к проявлениям гражданской активности, чем сельские (22,2% против 11,9) (см. таблицу 2).

Таблица 2 (Table 2)

Вопрос: «В случае значительного ухудшения Вашей жизни (жизни вашей семьи), как Вы лично готовы реагировать на это?», несколько вариантов ответа, %
Question: “How are you prepared to react to your life or the life of your family becoming significantly worse?”, multiple answers are permitted, %

№	Варианты ответов	КБР	Городские жители	Сельские жители
1	Буду отстаивать свои интересы, участвуя в деятельности политических партий	6,1	7,6	4,4
2	Вступлю в профсоюзную организацию для защиты своих интересов	8,7	11,2	4,9
3	Буду ходить на митинги, забастовки и демонстрации	3,1	3,4	2,6
4	С оружием в руках буду защищать свои интересы	1,6	2,4	0,4
5	Перееду в другой регион	3,4	3,6	3,1
6	Перееду в другую страну	3,6	4,3	2,7
7	Буду работать ещё больше	29,8	33,2	24,8
8	Буду терпеть, пока всё само не наладится	1,8	1,2	2,7
9	Ещё не знаю, что буду предпринимать	21,5	18,6	25,3
10	Ничего не буду предпринимать	5,2	5,5	4,8
11	Затрудняюсь ответить	33,9	32,3	36,4

Различия в частоте выборов того или иного варианта ответов наблюдается не только по линии город/село, но и в зависимости от района республики. Так, например, в ряде районов (Урванский, Терский) значительно выше среднереспубликанских значений доля тех, кто решает свои проблемы с помощью родственников и знакомых (23,4 и 25% соответственно). В Лескенском районе значительная часть респондентов (77,7%) решают свои проблемы, договариваясь с людьми, которые могут это сделать за деньги. Жители Баксанского района чаще, чем жители других районов

Кабардино-Балкарии, обращаются в судебные инстанции для защиты своих интересов (20%). В Черекском и Зольском районах выявлены наибольшие доли ответивших, что ни к каким способам защиты своих интересов они не прибегали за последний год (по 81,2% в каждом районе). Жители Эльбрусского района наиболее склонны отстаивать свои интересы в государственных учреждениях и общественных организациях – 13,6%. Вероятно, данный показатель гражданской активности в Эльбрусском районе является следствием развитости региона как одного из крупнейших центров горного туризма в России, где множество мелких и средних предприятий обслуживают сотни тысяч отдыхающих. Местные жители, благополучие которых зависит от доступа к территории и инфраструктуре курортной зоны, с большей охотой самоорганизуются, создают общественные организации и обращаются в государственные учреждения для более эффективной защиты своих интересов (см. таблицу 3).

Таблица 3 (Table 3)

Вопрос: «К каким способам отстаивания своих интересов Вы лично прибегали за последний год?», несколько вариантов ответа, %
Question: “What means of defending your interests have you personally resorted to in the past year?”, multiple answers are permitted, %

	КБР	г. Нальчик	Баксанский район	Чегемский район	Черекский район	Зольский район	Эльбрусский район	Лескенский район	Урванский район	Терский район	Майский район	Прохладненский район
Обращался (обращалась) в судебные инстанции	9,2	6,4	20	7,3	12,5	6,2	4,5	5,5	10,6	3,1	4,2	15,5
Обращался (обращалась) в государственные учреждения и общественные организации	6,9	8,0	5,7	4,8	-	9,4	13,6	-	4,2	3,1	4,2	11,0
Ходил(а) на митинги, демонстрации, забастовки	1,6	0,5	4,3	2,4	-	6,2	-	-	-	-	-	3,1
Решал(а) свои проблемы с помощью родственников и знакомых	12,1	11,7	15,7	17	6,2	3,1	9,0	-	23,4	25,0	4,2	6,3
Принимал(а) участие в акциях профсоюзных организаций	3,1	4,2	2,8	-	-	6,2	9,0	-	-	-	4,2	3,1
Принимал(а) участие в акциях политических организаций	1,4	1,0	1,4	2,4	-	-	9,0	22,2	-	-	-	1,6
Договаривался (договаривалась) с людьми, от которых зависело Решение моих проблем за деньги	5,8	5,8	5,7	2,4	6,2	3,1	4,5	77,7	6,3	9,3	8,4	3,1
Ни к каким способам не прибегал	66,6	68,4	54,2	73,1	81,2	81,2	50,0	5,5	57,4	71,8	75	62,0

Молодёжь по праву считается самой активной и открытой частью населения страны. Самочувствие молодого поколения является одним из ключевых индикаторов состояния, в котором находится общество, так как именно с этой категорией населения связаны перспективы развития в ближайшие годы. В нашем исследовании мы относим к данной социально-демографической группе молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, основываясь на Постановлении Верховного Совета РФ 1993 г. об «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»¹.

В российской академической литературе существует множество работ, посвящённых как определённым сторонам жизнедеятельности молодого поколения (молодёжь и религия, молодёжь и рынок труда, молодёжь и глобализация и т. д.) [Варшавская, Стукен 2017; Галицкий, Старшинов 2010; Гнатюк 2016; Зубок 2020; Подъячев, Халий 2020], так и комплексному исследованию всех сторон их жизнедеятельности [Горшков, Шереги 2010а; 2010b].

Учитывая, что молодёжь Кабардино-Балкарии выросла в постсоветской России, стремившейся к демократии по образцу западных стран, мы имеем основание полагать, что данная социально-демографическая группа населения проявляет больший уровень гражданского самосознания, чем старшие поколения, более привержена ценностям гражданского общества и чаще участвует в общественной жизни своего региона. Однако результаты исследования оказались неоднозначны. Значительная часть молодого поколения отметила, что ни к каким способам отстаивания своих интересов не прибегала (70,7%), причём данный показатель превышает среднереспубликанские значения (66,6%) (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Вопрос: «К каким способам отстаивания своих интересов Вы лично прибегали за последний год?», несколько вариантов ответа, %
Question: "What means of defending your interests have you personally resorted to in the past year?", multiple answers are permitted, %

№	Варианты ответов	КБР	Молодёжь
1	Обращался (обращалась) в судебные инстанции	9,2	6,0
2	Обращался (обращалась) в государственные учреждения и общественные организации	6,9	2,8
3	Ходил(а) на митинги, демонстрации, забастовки	1,6	2,8
4	Решал(а) свои проблемы с помощью родственников и знакомых	12,1	9,4
5	Принимал(а) участие в акциях профсоюзных организаций	3,1	3,0
6	Принимал(а) участие в акциях политических организаций	1,4	1,1
7	Договаривался (договаривалась) с людьми, от которых зависело решение моих проблем за деньги	5,8	7,2
8	Ни к каким способам не прибегал(а)	66,6	70,7

¹ Постановление Верховного Совета РФ об «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1993 г. № 5090-I // URL: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102023954 (Дата посещения: 18.03.2020).

Большая часть молодого поколения (63,3%) довольно смутно представляет свои действия в сложных ситуациях (буду терпеть, пока всё само не наладится – 1,1%; ещё не знаю, что буду предпринимать – 28,1%; ничего не буду предпринимать – 3,8%; затруднились ответить – 30,3%), что немного превышает средние показатели по республике. Вместе с тем в экстренных ситуациях 18,2% молодёжи отметили, что готовы к гражданским формам активности (буду отстаивать свои интересы, участвуя в деятельности политических партий – 6,6%; вступлю в профсоюзную организацию для защиты своих интересов – 8,8%; буду ходить на митинги, забастовки и демонстрации – 2,8%), что немного выше средних значений по республике – 17,9%. Стоит отметить, что 2,8% опрошенной молодёжи выразило готовность взяться за оружие для защиты своих интересов. Данный показатель превышает среднереспубликанские значения и является, на наш взгляд, результатом юношеского максимализма, присущего данной социально-демографической группе (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Вопрос: «В случае значительного ухудшения Вашей жизни (жизни вашей семьи) как Вы лично готовы реагировать на это?», несколько вариантов ответа, %
Question: "How are you prepared to react to your life or the life of your family becoming significantly worse?", multiple answers are permitted, %

№	Варианты ответов	КБР	Молодёжь
1	Буду отстаивать свои интересы, участвуя в деятельности политических партий	6,1	6,6
2	Вступлю в профсоюзную организацию для защиты своих интересов	8,7	8,8
3	Буду ходить на митинги, забастовки и демонстрации	3,1	2,8
4	С оружием в руках буду защищать свои интересы	1,6	2,8
5	Перееду в другой регион	3,4	2,2
6	Перееду в другую страну	3,6	3,8
7	Буду работать ещё больше	29,8	26,0
8	Буду терпеть, пока всё само не наладится	1,8	1,1
9	Ещё не знаю, что буду предпринимать	21,5	28,1
10	Ничего не буду предпринимать	5,2	3,8
11	Затрудняюсь ответить	33,9	30,3

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что особенности и проблемы развития гражданского общества являются одними из наиболее актуальных вопросов общественно-политической жизни современной России. Существуют региональные различия в уровне развития гражданского общества. В наиболее экономически развитых регионах ценности гражданского общества получили широкое распространение. Граждане соз-

дают и активно участвуют в деятельности общественных организаций, пропагандируют благотворительную деятельность, активно защищают свои права. В наименее развитых регионах, находящихся на периферии социально-экономического развития страны, уровень развития гражданского общества находится на низком уровне.

Вместе с тем одним из ключевых факторов становления и развития гражданского общества является высокий уровень самоорганизации в социуме, готовность к объединению граждан для защиты своих интересов. В ходе проведённого исследования первая гипотеза, которая была выдвинута нами, нашла своё подтверждение. Большая часть граждан Кабардино-Балкарии, принимающих какие-либо меры для решения своих насущных жизненных проблем, чаще используют родственные связи и коррупционные отношения. В то же время к услугам общественных организаций, правоохранительных органов и судебной системы прибегает небольшая доля граждан, что свидетельствует о низком уровне их правового сознания. Однако нельзя не отметить, что в целом большинство граждан в ходе исследования отметили, что никаким способом не отстаивали свои интересы (66,6%), что свидетельствует о высоком уровне социальной апатии, распространившейся в обществе.

Результаты проведённого исследования опровергли вторую гипотезу, поставленную нами в рамках исследования. Молодое поколение, несмотря на глобализационные процессы и государственную политику продвижения ценностей гражданского общества (с российской спецификой), в обыденной жизненной ситуации проявляет больший уровень социальной апатии, чем в среднем население республики. Представители данной социально-демографической группы чаще отмечали, что никаким способом не отстаивали свои интересы – 70,7%. В экстренных жизненных ситуациях к проявлениям гражданской формы активности готовы 18,2% опрошенных, что немного превышает средние значения по региону – 17,9%. В целом можно отметить достаточно низкий уровень развития гражданского общества Кабардино-Балкарии. Широкого распространения ценности гражданского общества в регионе не получили. Молодое поколение, в основной массе своей, не проявляет общественной активности и готовности брать на себя ответственность за своё благополучие. В решении возникающих жизненных трудностей молодёжь рассчитывает в основном на помощь родственников и знакомых.

Библиографический список

Атласкиров А. Р. 2018а. Региональная специфика и проблемы развития гражданского общества в современной России (на материалах Кабардино-Балкарской Республики) // Социодинамика. № 3. С. 78–86. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.3.25670. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_25670.html

Атласкиров А. Р. 2018b. Некоммерческие организации в Кабардино-Балкарской Республике: динамика развития и структура // Социодинамика. № 5. С. 36–43. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.5.26196. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_26196.html

Володин А. Г. 2000. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. Политические исследования. № 3. С. 104–116.

Войтович В. Ю. 2005. Местное самоуправление – конституционно-правовая основа становления гражданского общества в России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». № 1. С. 3–21.

Варшавская Е. Я., Стукен Т. Ю. 2017. Российская молодёжь вне сферы занятости и образования: анализ региональной дифференциации // Регион: Экономика и Социология. № 1 (93). С. 121–141.

Гуппоев Т. Б., Шогенов М. З. 2018. Проблемы и перспективы участия институтов гражданского общества в обеспечении качества предоставления государственных социальных услуг // Вестник экспертного совета. № 3 (14). С. 95–102.

Гугова М. Х. 2013. Формирование институтов гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике в конце XX – начале XXI века // Патриотизм и гражданская повседневность в жизни российского общества (XVIII – XXI вв.). Сборник материалов международной научной конференции / Под общ. ред. В. Н. Скворцова. Нальчик, С. 243–247.

Галицкий В. П., Старшинов Я. В. 2010. Религиозный экстремизм в молодёжной среде России // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». № 6 (245). С. 15–25.

Гнатюк М. А. 2016. Российская молодёжь в условиях глобализации: особенности социализации и формирования трудовых ценностей // Гуманитарий Юга России. Т. 17. № 1. С. 219–228.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2010а. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПИМ. 592 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2010b. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (95). С. 5–36.

Гегель Г. 1990. Философия права. М.: Мысль. 524 с.

Грамши А. 1959. Избранные произведения: в 3 т. М.: Изд-во иностр. лит. Т. 3. 561 с.

Джантуева Ф. Р. 2010. Модели развития институтов гражданского общества в условиях многонационального региона (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. № 4. С. 7–10.

Зубок Ю. А. 2020. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 4–12.

Захохова М. Р., Ханова М. Н., Чемаев Н. А., Шогенова Ф. З., Локова М. Ю. 2017. Проблемы и противоречия развития современных молодежных объединений в регионе // Успехи современной науки. Т. 7. № 1. С. 9–14.

История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. 2007 / Под ред. Б. Х. Бгажнокова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 720 с.

Коэн Д. Л., Арато Э. 2003. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир 784 с.

Кузнецов Д. О. 2015. Гражданская социализация современной российской молодежи: факторы и риски // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 1 (46). С. 258–262.

Локк Дж. 1988. Сочинения в 3 т. / Пер. с англ. Т. 3. М.: Мысль. 668 с.

Лисовский Ю. П. 1979. Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. М.: Наука. 368 с.

Левин И. Б. 1996. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. Политические исследования. № 5. С. 107–119.

Овакимян М. С., Легкоступова Д. А. 2018. Особенности развития Севера и Юга Италии // Горизонты экономики. № 6 (46). С. 94–99.

Панарин А. С. 2001. Глобальное информационное общество: вызовы и ответы // Власть. № 1.

Подъячев К. В., Халий И. А. 2020. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 2. С. 263–276.

Россия и Запад: что разделяет? Материалы научного семинара. 2009 / Под ред. В. И. Якунина. Выпуск № 7 (16). М.: Научный эксперт. 160 с.

Савицкий П. Н. 1997. Континент Евразия. М.: Аграф. С. 334.

Тихонова Н. Е. 2014. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН. 408 с.

Тетуев А. И. 2017. Влияние институтов гражданского общества на этнополитические процессы в период системной трансформации российского общества (на материалах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3 (51). С. 140–151.

Тетуев А. И. 2018. Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции // Печатается по решению Учёного совета Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Нальчик.

Хантингтон С. 2011. Столкновение цивилизаций // Самюэль Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ: Астрель. С. 11.

Хомяков А. С. 1904. Полн. собр. соч. Т. 3. М.

Цымбурский В. Л. 1992. Открытое общество или новые цели для Европы // Полис. Политические исследования. № 5–6. С. 114–122.

Якимова Т. Б. 2013. Некоммерческие организации как основной институт гражданского общества в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 12 (140). С. 116–119.

Banfield V. C. 1958. *The Moral Basis of a Backward Society*. Chicago. 204 p.

Putnam R. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. N. Y. 247 p.

Статья поступила 29.04.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Атласкиров Альберт Русланович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.679

The Regional Specifics of the Development of a Civil Society in the Kabardino-Balkarian Republic

Albert R. Atlaskirov

Center of Social and Political Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, Nalchik, Russia

E-mail: atlaskirov.albert@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4032-2106

For citation: Atlaskirov A. R. The regional specifics of the development of a civil society in the Kabardino-Balkarian Republic. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 82–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.679

Abstract. In this article, which was compiled with financial support from a Russian Federation presidential grant for supporting young scientists (grant MK-2488.2019.6), examines the regional specifics of developing civil society values in one of Russia's subjects – the Kabardha-Balkar Republic. The issues and specifics of developing a civil society is one of the most relevant topics for social sciences in modern-day Russia. There are still arguments to this day between those who support European integration and joining the Western world and advocates of Russia being its own civilization. Our country's socio-cultural characteristics imply significant regional diversity in the development of a civil society. Expert reports prepared by various research centers note that civil society values tend to be more prominent in the country's more economically developed regions. Citizens create and actively partake in the activities of public organizations, they propagate charity work, and actively protect their own rights. Meanwhile in the less advanced regions, civil society is not as well developed. In this article, the author examines the issues in question based on the example of one of Russia's regions which possesses its own substantial cultural specificity. The methodological underpinnings for the study are based on a systemic and interdisciplinary approach. The study was conducted by means of questionnaire survey method. The sample size amounted to 550 people. In terms of geography, all municipalities of the Kabardha-Balkarian Republic were covered, including remote and hard to reach highland areas (Chereksky, Zolsky, Elbrusky districts). During the study, it was revealed that residents of Kabardino-Balkaria would more often resort to assistance from their relatives or to corrupt dealings in order to solve their problems. At the same time help from public organizations, law enforcement and the judicial system are sought after by a much smaller proportion of citizens, which might speak to the population bearing a relatively low level of legal awareness. Despite the fact that the republic's youth came of age in post-Soviet Russia, which was being modeled after democratic nations, this socio-demographical population group demonstrates a higher level of social apathy and disapproval for civil society values than the region's population does on average.

Keywords: sociology, *Kabardha-Balkar Republic*, civil society, values, youth, legal awareness, corruption, social apathy, citizen activism

References

Atlaskirov A.R. Non-profit organizations in the Kabardino-Balkarian Republic: development dynamics and structure. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2018: 5: 36–43 (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2018.5.26196

Atlaskirov A.R. Regional specifics and problems of the development of civil society in modern Russia (based on the materials of the Kabardino-Balkarian Republic). *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2018: 3: 78–86 (In Russ.). DOI: 10.25136 / 2409-7144.2018.3.25670.

Banfield B.C. *The Moral Basis of a Backward Society*. Chicago, 1958: 204.

Dzhantueva F.R. Models of the development of civil society institutions in a multinational region (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic). *Vestnik SOGU imeni K.L. Khetagurova = Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, 2010: 4: 7–10 (In Russ.).

Galitsky V.P., Starshinov Y.V. Religious extremism in the youth of Russia. *Obozrevatel = Observer*, 2010: 6 (245), 15–25 (In Russ.).

Gnatiuk M.A. Russian youth in the context of globalization: features of socialization and the formation of labor values. *Humanitarian of the South of Russia*, 2016: Vol. 17: 1: 219–228 (In Russ.).

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Value orientations, moral attitudes and civic engagement of youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsialnyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2010: 1 (95): 5–36 (In Russ.).

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Youth of Russia: a sociological portrait*. Moscow, CSPIM, 2010: 592 (In Russ.).

Gramsci A. *Selected Works: in 3 vols. Vol. 3*. Moscow, Foreign Literature publ., 1959:561 (In Russ.).

Gugova M.H. The Formation of Civil Society Institutions in the Kabardino-Balkarian Republic at the End of the XX – Beginning of the XXI Century. In: *Patriotism and Civil Everyday Life in the Life of Russian Society (XVIII–XXIth cent.)*. Ed. by V.N. Skvortsova. Nalchik, 2013: 243–247 (In Russ.).

Guppoev T.B., Shogenov M.Z. Problems and prospects of participation of civil society institutions in ensuring the quality of the provision of state social services. *Vestnik Expertnogo soveta = Expert Council Bulletin*, 2018: 3 (14): 95–102 (In Russ.).

Hegel G. *Philosophy of Law*. Moscow, Mysl, 1991:524 (In Russ.).

Huntington S. *The Clash of Civilizations*. Moscow, AST, Astrel, 2011 (In Russ.).

Khomiakov A.S. *Complete Works*. Moscow, 1904 (In Russ.).

Kuznetsov D.O. Civil socialization of modern Russian youth: factors and risks. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*, 2015: 1 (46): 258–262 (In Russ.).

Levin I.B. Civil society in the West and in Russia. *Policy. Politicheskie Issledovaniya = Political Studies*, 1996: 5: 107–119 (In Russ.).

Lisovsky Y.P. *Southern Problem and social conflicts in Italy*. Moscow, 1979: 368 (In Russ.).

Locke J. *Compositions in 3 vols*. Moscow, 1988: 668 (In Russ.).

Ovakimian M.S., Legkostupova D.A. [Features of the development of the North and South of Italy. *Gorizonty Ekonomiki = Economic Horizons*, 2018: 6 (46): 94–99 (In Russ.)

Panarin A.S. *Global Information Society: Challenges and Responses*. *Vlast = Power*, 2001: 1 (In Russ.).

Podyachev K.V., Khaliy I.A. The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2020: Vol. 20: 2: 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276 (In Russ.).

Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. New York, 1993: 247
Russia and the West: what separates?. Ed. by I.A. Yakunin. Issue 7 (16). Moscow, Scientific expert, 2009: 160 p. (In Russ.).

Savitsky P.N. *The Continent of Eurasia*. Moscow, Agraf, 1997: 334 (In Russ.).

Tetuev A.I. Ethnopolitical processes in Kabardino-Balkaria during the period of systemic transformation of Russian society: features and main trends. Nalchik, Academic Council of the Institute for Humanitarian Research KBSC RAS, 2018 (In Russ.).

Tetuev A.I. The influence of civil society institutions on ethno-political processes during the period of systemic transformation of Russian society (based on the materials of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia). Vestnik Instituta istorii, arkheologii i ethnographii = Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography, 2017: 3 (51): 140–151 (In Russ.).

The history of a centuries-old community: On the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia. Ed. by B.H. Bgazhnokov. Nalchik, M. & V. Kotliarov publ., 2007: 720 (In Russ.).

Tikhonova N.E. The social structure of Russia: theory and reality. Moscow, Novy Khronograph; IS RAS publ., 2014:408 (In Russ.).

Tsymbursky V.L. An open society or new goals for Europe. Politicheskie Issledovaniya = Political Studies, 1992: 5–6: 114–122 (In Russ.).

Varshavskaya E.J., Stuken T.Y. Russian youth outside the sphere of employment and education: an analysis of regional differentiation. Region: Ekonomika i Sotsiologiya = Region: Economics and Sociology, 2017: 1 (93): 121–141 (In Russ.).

Voytovich V.Y. Local government – the constitutional and legal basis for the formation of civil society in Russia. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Economika i pravo» = Bulletin of the University of Udmurtia. Series Economics and Law, 2005: 1: 3–21 (In Russ.).

Volodin A.G. Civil society and modernization in Russia. Sources and contemporary issues. Politicheskie Issledovaniya = Political Studies, 2000: 3: 104–116 (In Russ.).

Yakimova T.B. Non-profit organizations as the main institute of civil society in Russia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2013: 12 (140): 116–119 (In Russ.).

Zakhokhova M.R., Khanova M.N., Chemaev N.A., Shogenova F.Z., Lokova M.Y. Problems and contradictions in the development of modern youth associations in the region. Uspekhi sovremennoy nauki = Successes of contemporary science, 2017: vol. 7: 1: 9–14 (In Russ.).

Zubok J.A. Youth: life strategies in a new reality. Monitoring obshchestvenno mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2020: 3: 4–12 (In Russ.).

The article was submitted on: April 29.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Atlaskirov Albert Ruslanovich, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Center of Social and Political Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, Nalchik, Russia

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик

Ссылка для цитирования: Мастикова Н. С., Фадеев П. В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 99–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

For citation: Mastikova N. S., Fadeev P. V. Who is set against migrants in Russia? Analyzing certain socio-demographic characteristics. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 99–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

**Мастикова
Наталья Сергеевна,**

Институт социологии ФНИСЦ РАН, ГАУГН,
Москва, Россия

navor@bk.ru

AuthorID РИНЦ: [725230](#)

**Фадеев
Павел Васильевич**

Институт социологии ФНИСЦ РАН, ГАУГН,
Москва, Россия

erving45@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [799093](#)

Аннотация. В статье анализируется связь между социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, уровень образования, тип поселения, семейное положение) и отношением россиян к иммигрантам. Авторы указывают, что в России на протяжении десяти лет (2006–16 гг.) более 60% респондентов негативно оценивают отношение к изменениям, привносимым в нашу страну иммигрантами, что актуализирует потребность в изучении группы носителей наиболее негативного отношения, которая рассматривается в качестве латентной угрозы стабильности общества.

На основе анализа современных научных работ показано, что в большинстве исследований социально-демографические переменные используются в регрессионных моделях, но они вводятся в уравнения без изначальных теоретических предположений, полученные результаты не обсуждаются, а просто констатируются. Таким образом выявлено, что результаты исследований связи социально-демографических характеристик и отношения респондентов к иммигрантам противоречивы и во многом зависят от контекстных факторов (например,

изучаемой страны, её культурных и исторических особенностей).

На данных Европейского социального исследования (2018 г.) с помощью метода деревьев решений (CHAID) проведён анализ связи социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам с целью выявления группы носителей наиболее негативного отношения к иммигрантам в России. Показано, что такой группой являются женщины в возрасте 60–69 лет с общим средним уровнем образования, проживающие в больших городах и их пригородах. Делается предположение о возможном воздействии СМИ, нагнетающих «иммиграционную панику» на данную группу населения.

В целом анализ показал, что связь социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам не является константной закономерностью. Результаты и направление связи меняются в зависимости от года исследования, от контекста, политической обстановки и других факторов. Единственным исключением является направление связи уровня образования и отношения к иммигрантам: во всех рассмотренных в статье исследованиях высокий уровень образования всегда связан с положительным отношением к иммигрантам. В заключение рассмотрен потенциал качественных методов как возможного варианта дальнейшего изучения темы, а также роль СМИ в формировании образа иммигрантов в общественном сознании.

Ключевые слова: иммигранты, Европейское социальное исследование, социально-демографические характеристики, метод деревьев решений CHAID, отношение к иммигрантам, контекстный фактор, СМИ

Введение

В предыдущих работах нами уже было рассмотрено влияние различных факторов на отношение россиян к иммигрантам на данных Европейского социального исследования (далее ЕСС)¹. Было выявлено, что в России с 2006 по 2016 гг. преобладает негативное отношение к иммигрантам, более 60% россиян считают, что переселенцы оказывают пагубное влияние на экономику, культуру и жизнь в России в целом [Мастикова 2019: 164]. Под «отношением» в данной работе понимается «склонность человека реагировать с определённой степенью благоприятности или неблагоприятности на объект, поведение, человека, событие или на любую дискриминацию» [Rokeach 1968: 13].

Изучение отношения к иммигрантам направлено на выявление факторов, влияющих на это отношение, среди которых экономические, культурные, социально-демографические и др. Лишь некоторые авторы рассматривают указанную проблематику на индивидуальном уровне, ставя в качестве основного вопрос: кто настроен против иммигрантов? Например, в работе В. И. Мукомеля [Мукомель 2017] показан социально-демографический портрет носителей наиболее негативно настроенных респондентов по отношению к иммигрантам. Данная группа людей рассматривается как латентная угроза стабильности общества.

¹ Европейское социальное исследование – многолетнее сравнительное исследование установок, взглядов, ценностей и поведения населения стран Европы // URL: <http://www.ess-ru.ru/>

В современной научной литературе редко обсуждаются результаты исследований о связи социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам. Также в рассмотренных ниже исследованиях мы обнаружили отсутствие обсуждений о том, почему социально-демографические характеристики анализируются в связи с темой отношения к иммигрантам. Они как бы считаются само собой разумеющимися. Получая какие-то результаты о связи, авторы зачастую просто констатируют, что связь есть. Определение и мониторинг группы людей, носителей наиболее негативного отношения к иммигрантам, могли бы быть полезны для выработки решений в области иммиграционной политики.

В данной статье мы проанализируем современные научные публикации по интересующей нас проблематике, а также проведём анализ эмпирических данных по России, чтобы ответить на вопрос: кто является носителем наиболее негативного отношения к иммигрантам?

Анализ современных исследований связи социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам

В современной научной литературе существует большое количество исследований (о которых речь пойдёт ниже), проверяющих наличие изучаемой связи. Однако результаты исследований достаточно противоречивы и требуют уточнений. Рассмотрим подробнее основные тенденции в изучении связи пола, возраста, уровня образования, семейного положения, типа поселения и отношения к иммигрантам, которые, возможно, помогут нам сформулировать собственные гипотезы исследования.

Пол

Преыдушие исследования чаще всего использовали переменную «пол» в качестве контрольной в ряду других социально-демографических характеристик. Подразумевалось, что мужчины более негативно относятся к иммигрантам, чем женщины. Например, в исследовании Т. Адорно, мужчины в большей степени склонны иметь авторитарные черты личности [Adorno et al. 1950]. «Пол» редко выступал в качестве главной интересующей характеристики в рамках исследования того, что определяет негативное отношение к иммигрантам. Исключением является, например, работа А. Понсе, в которой показано, что тенденция, описанная Адорно, устарела, нужно учитывать современные реалии Европы, где гендерное равенство является символом либеральных ценностей. По мнению автора, возрастает напряжённость между коренным населением с преобладающими ценностями гендерного равенства и сообществами иммигрантов, которые рассматриваются как нелиберальные, особенно иммигранты-мусульмане [Ponce 2017: 2]. А. Понсе делает предположение, что из-за разницы понимания ценности взаимоотноше-

ния полов в иммигрантских мусульманских культурах, по сравнению с представлениями жителей европейских стран, не исключено, что представители коренного населения женского пола начнут рассматривать определённые группы иммигрантов как угрозу для гендерного равенства. Используя данные ЕСС 2014 г. по всем странам Европы, Понсе выявил, что нет статистически значимой разницы между отношением к иммигрантам среди женщин и мужчин. Нам представляется необоснованной его изначальная гипотеза, так как, во-первых, из текста автора не понятно, почему именно женщины будут иметь более негативное отношение к иммигрантам-мусульманам. Автор не приводит никаких данных о том, что ценности равенства полов распространены в Европе в неравных долях в сторону превалирования среди женщин. Во-вторых, сама идея о том, что иммигранты будут рассматриваться как угроза гендерному равенству в Европе, противоречит распространённым там ценностям мультикультурализма, в соответствии с которыми предполагается, что иммигранты должны приниматься обществом со своими особенностями культуры, а европейцы не должны навязывать им свои представления о взаимоотношении полов.

Что касается исследований, где пол выступал в качестве контрольной переменной, то результаты показывают неоднозначную картину. В некоторых результатах нет статистически значимой разницы между полами в отношении к иммигрантам [Gorodzeisky, Semyonov 2019; Mayda 2006]. Там, где результат значим, в основном подтверждается гипотеза о том, что принадлежность к мужскому полу увеличивает негативное отношение к иммигрантам [Kuran, McCaffery 2008; O'Rourke, Sinnott 2006; Butkus et al. 2018; Fons et al. 2008; Ceobanu, Escandell 2008, Gorodzeisky, Semyonov 2009; Semyonov et al. 2006]. Существуют исследования с противоположным результатом, где выявлено, что женщины более негативно относятся к иммигрантам [Burns, Gimpel 2000; Hainmueller, Hiscox 2007; Berg 2010; Amuedo-Dorantes, Puttitanun 2011].

Во многих исследованиях просто констатируется, что эффект воздействия пола мал [Hjerm 2001], в других, что пол не оказывает значимого влияния на отношение к иммигрантам [Paas, Halapuu 2012a]. Однако в некоторых статьях были приведены объяснения полученных закономерностей, например, в статье канадских исследователей [Côté, Erikson 2009: 1678] показано, что женщины более либеральны по сравнению с мужчинами, но пол никак статистически не влияет на отношение к иммигрантам. Объясняется это тем, что мужчины и женщины могут иметь жизненный опыт, который влияет на отношение к иммигрантам похожим образом. Шведский исследователь М. Хьёрм объясняет воздействие пола на отношение к иммигрантам тем, что женщины меньше подвержены конкуренции на рынке труда, чем мужчины, из-за особенностей разделения труда в Швеции [Hjerm 2009: 53]. Р. Уилкс с соавторами на основании данных своего исследования также связывают это «с более слабой позицией женщин на рынке труда» [Wilkes et al. 2008: 306].

Можно выделить группу исследований, объясняющих отношение к иммигрантам с позиции психологических особенностей личности. Американский исследователь Дж. Берг приводит следующее объяснение более положительного отношения женщин к иммигрантам: «женщины больше ориентированы на других, в то время как мужчины – на себя; женщин поощряют развивать социальные отношения, а мужчин – достигать инструментального успеха» [Berg 2010: 281]. Берг считает, что женщины могут рассматривать иммигрантов как нуждающихся в помощи в новой стране, в то время как мужчины будут видеть в них экономических конкурентов. Х. Бец в исследовании антимигрантских настроений в Европе также приводит аргумент, что женщины, как правило, чаще являются жертвами дискриминации по половому признаку, иммигранты – дискриминируемой группой по национальности, поэтому женщины лучше, чем мужчины, относятся к иммигрантам из солидарности [Betz 1994].

В исследовании Ч. Леонг и К. Уорд более негативное отношение к иммигрантам у мужчин обусловлено стереотипно мужскими чертами: доминированием, конкурентоспособностью, мастерством, достижениями. Напротив, более позитивное отношение к иммигрантам у женщин определяется их способностью заботиться, сострадать и общей межличностной ориентацией [Leong, Ward 2006: 800]. Черты мужчин могут быть объяснены теорией социального доминирования, согласно которой в патриархальных обществах мужчины устанавливают общественную иерархию и более склонны к дискриминации по различным признакам [Sidanius 1993].

С другой стороны, в исследованиях, констатирующих более негативное отношение женщин к иммигрантам, отмечается, что они воспринимают иммигрантов как угрозу устоявшимся ценностям, которые, по их мнению, могут измениться под натиском иной культуры. Так, исследователи П. Бернс и Дж. Гимпел высказывают мысль, что женщины более склонны к негативному отношению к иммигрантам в силу того, что они в большей степени, чем мужчины, разделяют традиционные ценности [Burns, Gimpel 2000].

Результаты исследований по данной тематике в России также неоднозначны. Так, по результатам исследования 24-й волны данных РМЭЗ В. И. Мукомеля, мужчины более негативно относятся к иммигрантам. Он объясняет это тем, что «мужчины, как правило, в социальной жизни активнее, для них менее характерна эмпатия, они склонны к резким суждениям и действиям» [Мукомель 2017: 36]. Е. Эррера и Н. Буткович Краус, используя данные репрезентативного исследования по России, проведённого в 2003–4 гг., выявили, что у мужчин более негативное отношение объясняется существующей гендерной социализацией, при которой негативные чувства у мужчин выражаются по-разному или чаще, чем у женщин, так как их воспитывают более враждебными, в частности, во время службы в армии, в достижении спортивных успехов и пр. [Herrera, Butkovich Kraus 2016: 307]. Сравнительное исследование отношения к иммигрантам в России и Эстонии на данных

пятой волны ЕСС (2010 г.) показало, что пол является незначимым фактором в отношении к иммигрантам в России, в то время как в Эстонии он значим – там принадлежность к мужскому полу увеличивает вероятность негативного отношения к иммигрантам [Paas, Demidova 2014].

Как видим, результаты исследований в отношении связи пола и отношения к иммигрантам очень разные, мы не можем выделить какую-то единую тенденцию ни в России, ни в других рассмотренных странах. Также среди исследований приводятся очень разные объяснения данной связи, если она получалась статистически значима. Возможно, это объясняется тем, что почти никто из исследователей не использовал изначальные теоретические предположения о связи пола и отношения к иммигрантам, не строил конкретных гипотез, а просто вводил переменную «пол» в качестве «контрольной» в уравнения регрессии и даже не всегда интерпретировал полученный результат.

Уровень образования

Большинство предыдущих исследований показывают, что по мере повышения уровня образования респондентов их отношение к иммигрантам становится более позитивным [Herrerros, Criado 2009; Berg 2010; Hainmueller, Hiscox 2007; Мукомель 2017; Bessudnov 2015], однако механизм, лежащий в основе данной тенденции, остаётся дискуссионным. Одни исследователи получили результаты, говорящие о том, что такая связь устойчива в течение длительного времени. Например, израильские исследователи [Semyonov et al. 2006] выявили такую связь в Европе в период с 1988–2000 гг. Другие исследования показывают, что эффект уровня образования не является универсальным. Так, исследование М. Кондерса и П. Шиперса [Coenders, Scheepers 2003] выявило, что результаты зависят от контекста и от того, каким образом, через какие переменные исследуется отношение к иммигрантам; а также они показали, что влияние уровня образования различается в зависимости от изучаемой страны. Эффект образования зависит от либерально-демократических традиций страны: там, где демократия распространена длительное время, эффект того, что высокий уровень образования связан с положительным отношением к иммигрантам, сильнее. Авторы утверждают, что система образования способствует формированию таких ценностей, как свобода, равенство, терпимость [Coenders, Scheepers 2003: 319], а воздействие этих ценностей связано с социальными и политическими взглядами. Кроме того, образование повышает открытость к новому, уменьшает страх перед незнакомыми людьми, уменьшает предубеждённость по различным вопросам, так как люди узнают о различных аспектах мира. Образование приводит к тому, что люди менее склонны выражать безоговорочную веру в авторитеты [Lancee, Sarrasin 2015: 491].

Д. Берг ту же закономерность объясняет немного иначе: по его мнению, высокий уровень образования оказывает либерализирующий эффект таким образом, что более образованные люди с меньшей веро-

ятностью поверят в негативные стереотипы в отношении иммигрантов, а также они могут иметь доступ к более достоверной информации о преимуществах и недостатках иммиграции. Берг высказывает мысль, что респонденты с высоким уровнем образования будут считать нормой выражение отношения толерантности и скрывать свои антииммигрантские чувства, даже если такие имеются [Berg 2010: 280].

Таким образом, в рассмотренных исследованиях прослеживается единая тенденция – чем выше уровень образования, тем лучше отношение к иммигрантам. Однако Дж. Хайнмюллер и Дж. Хопкинс указывают на следующее противоречие: «несмотря на тот факт, что за последние десятилетия средний уровень образования в развитых демократиях существенно вырос, антииммигрантские настроения остаются высокими» [Hainmueller, Hopkins 2014: 241]. Это, во-первых, порождает мысли о качестве полученного образования. Наличие высшего образования не говорит об эквивалентности широты знаний, критического разума в отношении стереотипов у их носителей. Во-вторых, заставляет задуматься о силе семейных ценностей: например, человек первый в семье получил высшее образования, а рос, возможно, в среде с расистскими представлениями, где ему с детства прививали определённые жизненные принципы. В таких случаях требуются дополнительные исследования того, что оказывает больший эффект и насколько связан высокий уровень образования с отношением к иммигрантам, насколько сопоставимы/эквивалентны измеряемые уровни образования в разных странах.

Возраст

В большинстве рассмотренных нами зарубежных исследований прослеживается тенденция: чем старше респондент, тем выше вероятность, что он будет иметь негативное отношение к иммигрантам [Gorodzeisky 2011; Karreth et al. 2015; Wilkes et al. 2008]. Возможное объяснение связано с эффектом жизненного цикла, который заключается в том, что в молодом возрасте человек полон сил и видит всё в ином свете, чем пожилой, который из-за отсутствия сил и здоровья больше склонен к раздражительности и негативному отношению, в частности и к иммигрантам.

В панельном исследовании Б. Ланси, О. Саррасин (1999–2011 гг.) на данных по Швеции показано, что, переходя от образования к работе, люди должны воспринимать иммигрантов в качестве конкурентов за работу, и, следовательно, с большей вероятностью выражать негативное отношение к иммигрантам. Авторами выявлено, что при выходе на рынок труда респонденты с высшим образованием более склонны негативно относиться к иммигрантам, что говорит о том, что эффект образования в данном случае больше связан с теорией этнической конкуренции (согласно которой конкуренция за ограниченные ресурсы между группами выступает катализатором увеличения негативного отношения

к другим этносам), нежели с либерализующим эффектом образования. К сожалению, данное исследование включало в выборку респондентов от 13 до 30 лет, и нет никаких доказательств, что именно в этом возрасте негативное отношение к иммигрантам будет более негативное, нежели, например, в старшей возрастной группе [Lancee, Sarrasin 2015].

Исследование Ф. Пихлер обнаружило, что пожилые люди более негативно оценивают иммиграцию как источник культурных угроз для страны, в то время как они же менее склонны оценивать иммиграцию как экономическую угрозу [Pichler 2010: 454].

Что касается российских реалий, то В. И. Мукомель получил противоположные результаты на данных РМЭЗ: среди позитивно относящихся к иммигрантам выше доля респондентов старшего возраста. Этот вывод он объясняет ностальгией по дружбе народов [Мукомель 2017: 36]. Автор отмечает, что наиболее негативно относятся к иммигрантам респонденты в возрасте 25–29 лет.

Итак, мы видим, что какой-то единой точки зрения о возрасте, который бы наиболее часто был связан с негативным отношением к иммигрантам, у исследователей нет.

Семейное положение

В этом вопросе обнаружилось сходство между тенденциями, выявленными в России и Европе, – респонденты, живущие в зарегистрированном браке, имеют более положительное отношение к иммигрантам, чем разведённые, вдовы, живущие в незарегистрированном браке или те, кто никогда не были женаты. Среди российских исследователей эту тенденцию отмечает В. И. Мукомель. По его мнению, негативно относящиеся к иммигрантам, чаще всего «лица, семейное положение которых неустойчиво – живут в незарегистрированном браке» [Мукомель 2017: 36].

С другой стороны, существуют европейские исследования, которые показывают, что семьи, живущие в зарегистрированном браке, взаимодействуют с культурно-схожими людьми, а людей с иными культурными традициями они могут рассматривать как угрозу культурной самобытности для собственной группы [Huijnk et al. 2010: 394].

Тип поселения

Городские жители, как правило, имеют более положительное отношение к иммигрантам, нежели другие группы по типу поселения [Paas, Nalarii 2012b]. Дж. Берг добавляет к этому суждению, что положительное отношение к иммигрантам особенно свойственно населению крупных городов с большим числом иностранных жителей [Berg 2010].

А. Бессуднов, используя данные ФОМ за 2011 г., выявил, что в Европе городские жители более терпимы к иммигрантам, чем те, кто проживают в сельской местности. «Крупные города, такие как Лондон и Москва, привлекают значительное количество иммигрантов. В то время, как в Лондоне обычно приветствуется этническое разнообразие, Москва

остаётся одним из самых ксенофобных мест» [Bessudnov 2015: 578]. Возможным объяснением данного суждения о Москве может служить высокая концентрация иммигрантов в мегаполисе. В противоречии результатам А. Бессуднова, А. Татарко показал, что жители московского мегаполиса, обладающие высоким уровнем интегральной безопасности, толерантны по отношению к иммигрантам и готовы в большей степени поддерживать мультикультурную идеологию [Татарко 2009]. В тоже время И. М. Кузнецов на данных 24 волны РМЭЗ также приводит результаты о том, что самая высокая доля респондентов с наиболее негативным отношением к иммигрантам фиксируется в крупных городах: Москве – 14% и Санкт-Петербурге – 15%. Автор объясняет полученную закономерность уровнем урбанизации социума, «доминированием безличных форм социального взаимодействия в урбанизированных полях, что повышает значимость и актуальность различного рода социальных категоризаций» [Кузнецов 2017: 64].

Существуют исследования, которые отмечают, что наиболее негативное отношение к иммигрантам наблюдается в малых городах. Нелегальные иммигранты, как правило, приезжают не только в большие города, но и распространяются по всей территории страны. Как отмечает М. Ф. Черныш, «за последние двадцать лет серьёзные конфликты на межэтнической почве происходили именно в малых городах или сёлах (Кондопога, Пугачёв, Сагра)» [Социальные факторы... 2017: 144].

Получается, что результаты современных исследований достаточно противоречивы и требуют уточнений. Едва ли мы можем построить убедительные гипотезы на основании рассмотренных исследований, так как их результаты почти всегда противоречат друг другу и не позволяют выделить единой тенденции.

Обратимся к анализу эмпирических данных, чтобы увидеть, как связано отношение к иммигрантам в России с рассмотренными социально-демографическими характеристиками по данным на 2018 г. А в дальнейшем попробуем объяснить подробнее, с чем связано такое разнообразие зачастую противоречивых данных.

Данные и метод

Эмпирическая часть нашего исследования представляет собой вторичный анализ данных ЕСС¹ за 2018 г. Исследование является международным и проводится каждые два года, начиная с 2002-го. В России его осуществляет Институт сравнительных социальных исследований под руководством А. В. Андреевской с 2006 г. Мы используем данные последней проведённой волны 2018 г. Данные были взвешены на дизайн-вес², выборка составляла 2416 респондентов. Материалы исследования,

¹ См. подробнее: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (Дата посещения: 29.08.2020).

² Подробнее о взвешивании см.: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf. На момент публикации в доступных данных 2018 г. присутствует только дизайн-вес.

а также описание методологии находятся в открытом доступе, в базу входят 6 вопросов на тему иммиграции. Три проективных вопроса включают отношение респондента к приезду в его страну иммигрантов своей или иной национальности, а также иммигрантов из более бедных стран. Варианты ответа измерены по 4-х балльной шкале: «разрешать многим», «разрешать некоторым», «разрешать немногим», «никому не разрешать»¹. Поскольку в русском языке слова «немногим» и «некоторым» являются синонимами, мы будем исходить из того, что респондентам было сложно определить разницу между этими вариантами ответа, поэтому мы объединили их в один. Далее будем использовать 3-х балльную шкалу. Ещё три вопроса посвящены оценке реальных изменений, которые иммигранты уже привнесли в страну респондента. В этот блок из трёх вопросов входят: оценка последствий иммиграции для экономики, культуры и для жизни страны в целом. Для этих переменных шкала измерена по 11 баллам, где 0 означает «плохо», а 10 «хорошо». Эта шкала также была перекодирована в 3-х балльную: от 0 до 4 – негативная оценка, 5 – нейтральная, от 6 до 11 – положительная. Среди социально-демографических характеристик в анализе мы будем использовать пол (м, ж), возраст (до 20; 20–29; 30–39; 40–49; 50–59; 60 и старше), уровень образования (начальное и незаконченное среднее, среднее общее, среднее специальное/профессиональное, высшее²), семейное положение (никогда не состоявшие в браке; состоящие в браке, включая гражданский; вдовы, разведённые), тип поселения (большой город, малый город, пригород большого города, деревня)³.

Для решения поставленной исследовательской задачи мы выбрали метод классификации данных, называемый методом деревьев решений (CHAID). Этот метод подходит нам, потому что он позволяет выявлять связь между переменными, измеренными по любой шкале. Он очень удобен, так как наглядно показывает наиболее связанные переменные, исключая остальные из анализа. Этот метод незаслуженно редко применяется в социологии.

В результате анализа происходит распределение анализируемых независимых переменных на группы, наиболее отличающиеся друг от друга по значениям зависимой переменной. Задачей данного метода является классификация объектов, которые с большей вероятностью являются членами целевой группы.

¹ В качестве ограничения исследования важно отметить, что база данных не позволяет нам дифференцировать отношение к иммигрантам в зависимости от того, откуда приехал иммигрант, и не позволяет узнать, к какому этносу он принадлежит.

² К начальному образованию относятся: закончившие 3–7 классов; к среднему общему – получившие аттестат об основном общем образовании, законченное среднее общее образование; к среднему специальному – начальное профессиональное образование (закончил ПТУ, ФЗУ, ФЗО), среднее профессиональное образование – закончил техникум, училище, колледж (2–4 года обучения); высшее образование – получил диплом бакалавра, магистра, специалиста, научную степень. Группа не учившихся исключена из анализа, так как составляет 2 респондента из всей выборки по России.

³ Мы используем переменные ЕСС, применяя кодировку, описанную в статье [Мукомель 2017]. Все пропущенные данные исключены из анализа.

Несмотря на то, что метод не новый, ещё в 1980 г. он упоминался в работе Г. Касса [Kass 1980], в отечественной литературе он применяется нечасто. Данный метод похож на регрессионный анализ и тоже направлен на изучение взаимосвязи между переменными. Однако, во-первых, он более нагляден, так как взаимосвязь переменных представлена в виде иерархической структуры дерева. Во-вторых, данный метод позволяет включить в качестве независимых большое число переменных, измеренных по любой шкале. В-третьих, деревья выявляют не только линейные, но и нелинейные связи. В-четвёртых, деревья устойчивы к выбросам [Груздев 2016: 9].

Весь набор данных, включённых в анализ, называется корневым узлом. При анализе он разбивается на узлы. Разбиение происходит таким образом, чтоб независимые переменные наиболее сильно отличались друг от друга по зависимой переменной, например, выделение узлов с негативной и позитивной оценкой отношения к иммигрантам. Качество разбиения на узлы оценивается с помощью статистических критериев (хи-квадрат, если переменная категориальная; F-статистика, если переменная интервальная). А в качестве правил разбиения – зависимые переменные, включённые в анализ. Ветвями называют линии, которые соединяют различные узлы, полученные в ходе анализа, на этих ветвях указываются правила разбиения и статистики. В результате анализа для каждого узла будет высчитана вероятность в виде процентных долей зависимой переменной, выносится решение в виде спрогнозированной категории этой переменной. Разбиение на узлы происходит до тех пор, пока независимые переменные не будут исчерпаны. Последний узел, который не разбивается дальше, называется терминальным узлом дерева или листом [Груздев 2016: 10].

В нашем анализе в качестве зависимой переменной будут выступать переменные, отражающие отношение респондентов к иммигрантам. В качестве независимых в анализе фигурируют: пол, возраст, уровень образования, тип поселения, семейное положение. Среднеквадратичная ошибка не превышает 0,003; оценка риска 20%. Поскольку в анализе нас интересуют респонденты, негативно настроенные по отношению к иммигрантам, мы построили деревья классификации для выявления того, какие из независимых переменных наиболее тесно связаны с негативным отношением.

Результаты

На рис. 1 представлено дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов той же национальности». 13,5% россиян негативно настроены по отношению к такому переезду. Наилучшим предиктором для неё выступает тип поселения респондента, данный узел расщепился ещё на два узла (большие города, пригород и малые города). Как видим, наиболее негативно настроенные по отношению к переезду иммигрантов той же национальности проживают в больших городах или пригородах большого города.

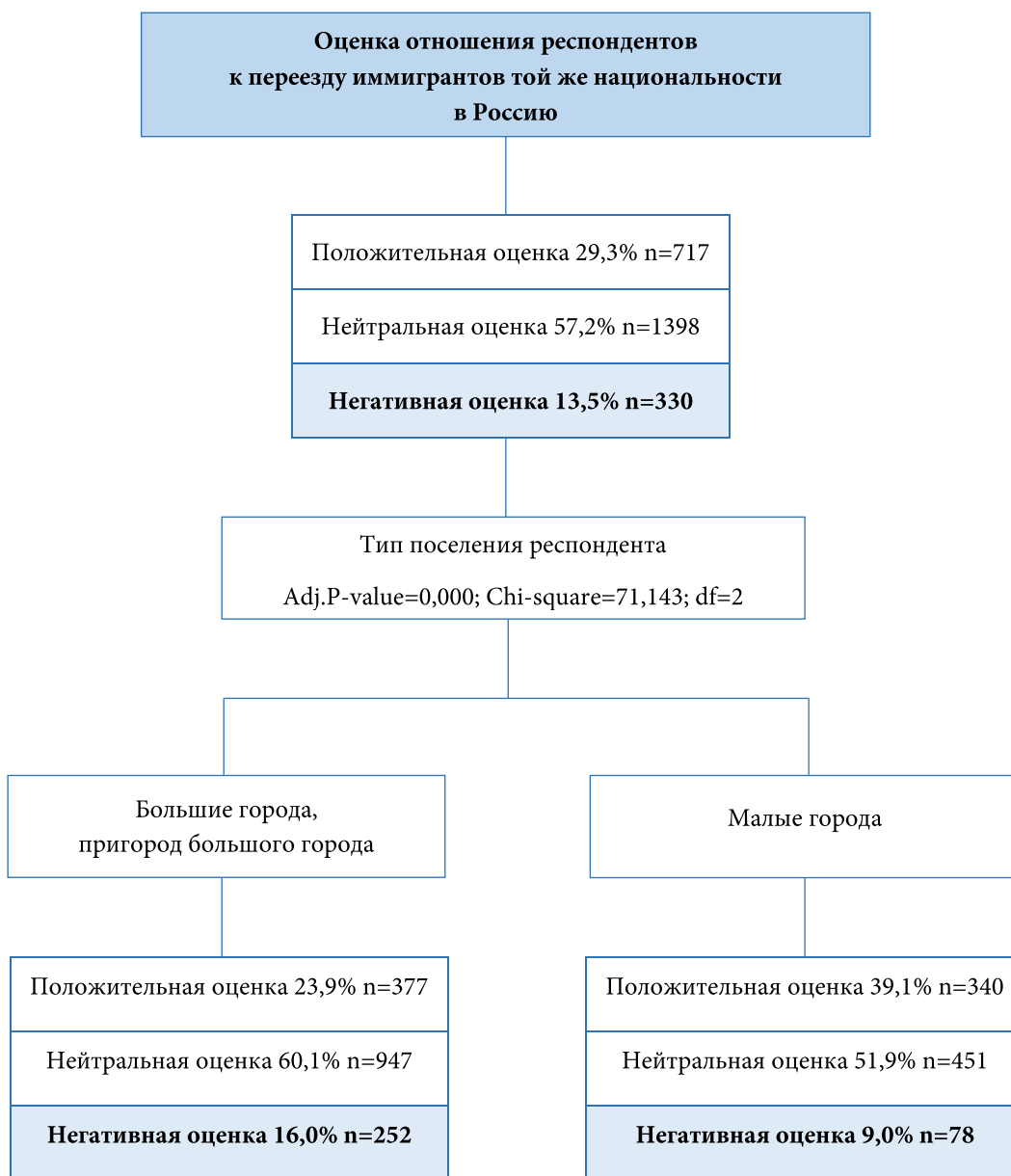

Рис. 1. Дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов той же национальности в Россию»

Figure 1. Classification tree for variable “evaluation of respondents’ attitude towards settlement of immigrants of the same nationality in Russia”

На рис. 2. представлено дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов иной национальности». Негативно оценивают подобный переезд 21,8% россиян. В данном случае наилучшим предиктором выступает переменная «возраст». Наиболее негативно настроенные – респонденты в возрасте 60–69 лет, проживающие в больших городах/пригородах больших городов.

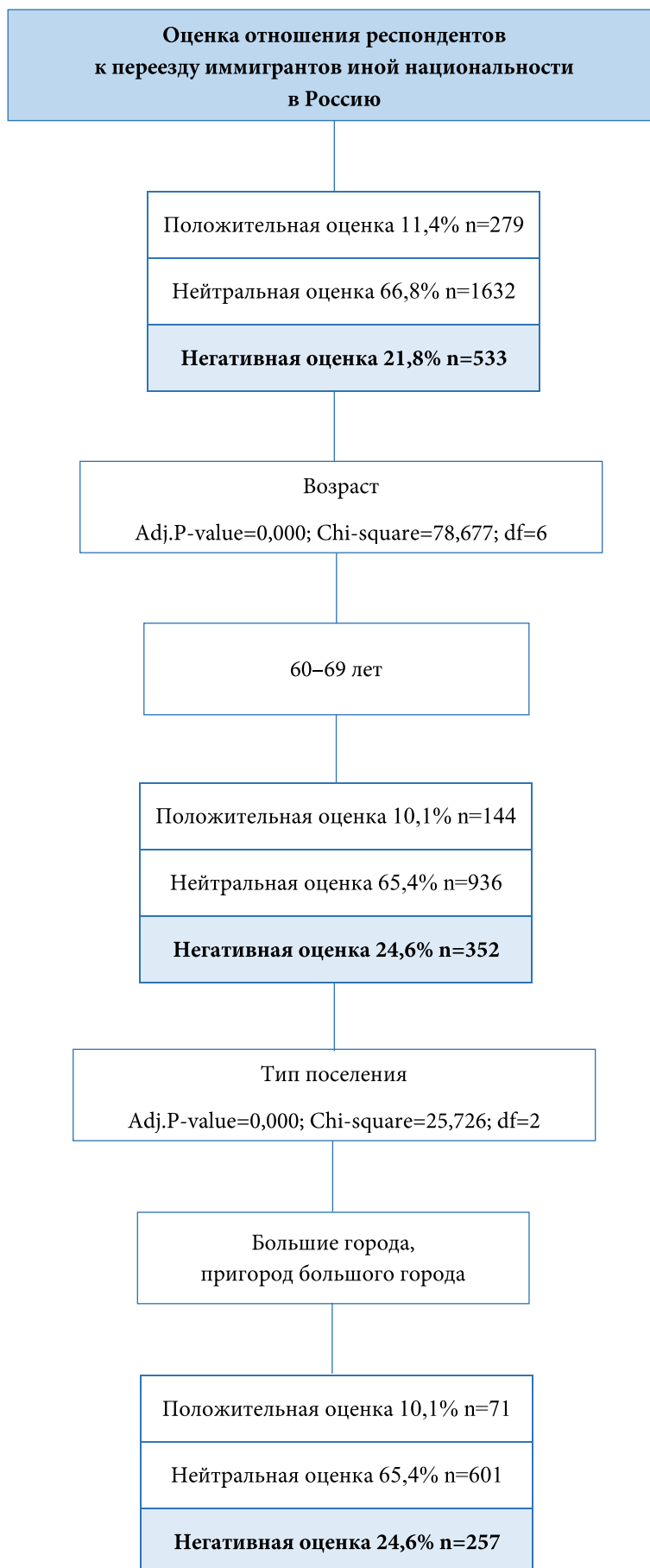

Рис. 2. Дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов иной национальности в Россию»

Figure 2. Classification tree for variable “evaluation of respondents’ attitude towards settlement of immigrants of different nationality in Russia”

На рис. 3 представлено дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов из более бедных стран». 34,9% россиян негативно относятся к перспективе такого переезда. Здесь единственной переменной, связанной с зависимой, является возраст, опять же это 60–69 лет, как и в предыдущем дереве.

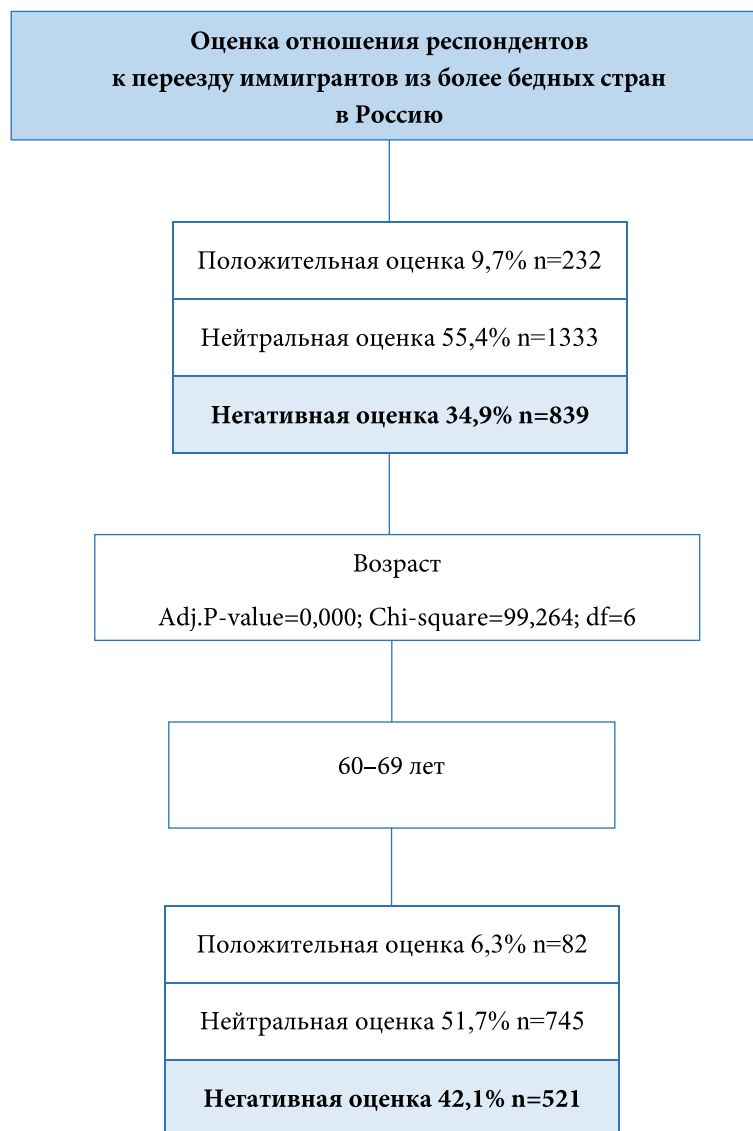

Рис. 3. Дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов из более бедных стран в Россию»

Figure 3. Classification tree for variable “evaluation of respondents’ attitude towards settlement of immigrants from more impoverished nations in Russia”

На рис. 4 представлено дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые приносят иммигранты в экономику России». Первое, на что следует обратить внимание – большая часть россиян негативно оценивает подобные изменения (46,4%). Наилучшим предиктором данной переменной является «пол». Мы видим, что наша гипотеза не подтвердилась, наиболее негативно изменения оценивают женщины, а не мужчины.

Рис. 4. Дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в экономику России»

Figure 4. Classification tree for variable “evaluation of changes introduced to the Russian economy by immigrants”

На рис. 5 представлено дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в культуру России». Большинство респондентов также негативно оценивают эти изменения (51,3%). Наиболее сильная связь у этой переменной с возрастом: негативное настроение сильнее выражено у респондентов в возрасте 60–69 лет. Далее узел расщепился по переменной «уровень образования», наиболее негативная оценка у респондентов со средним общим образованием.

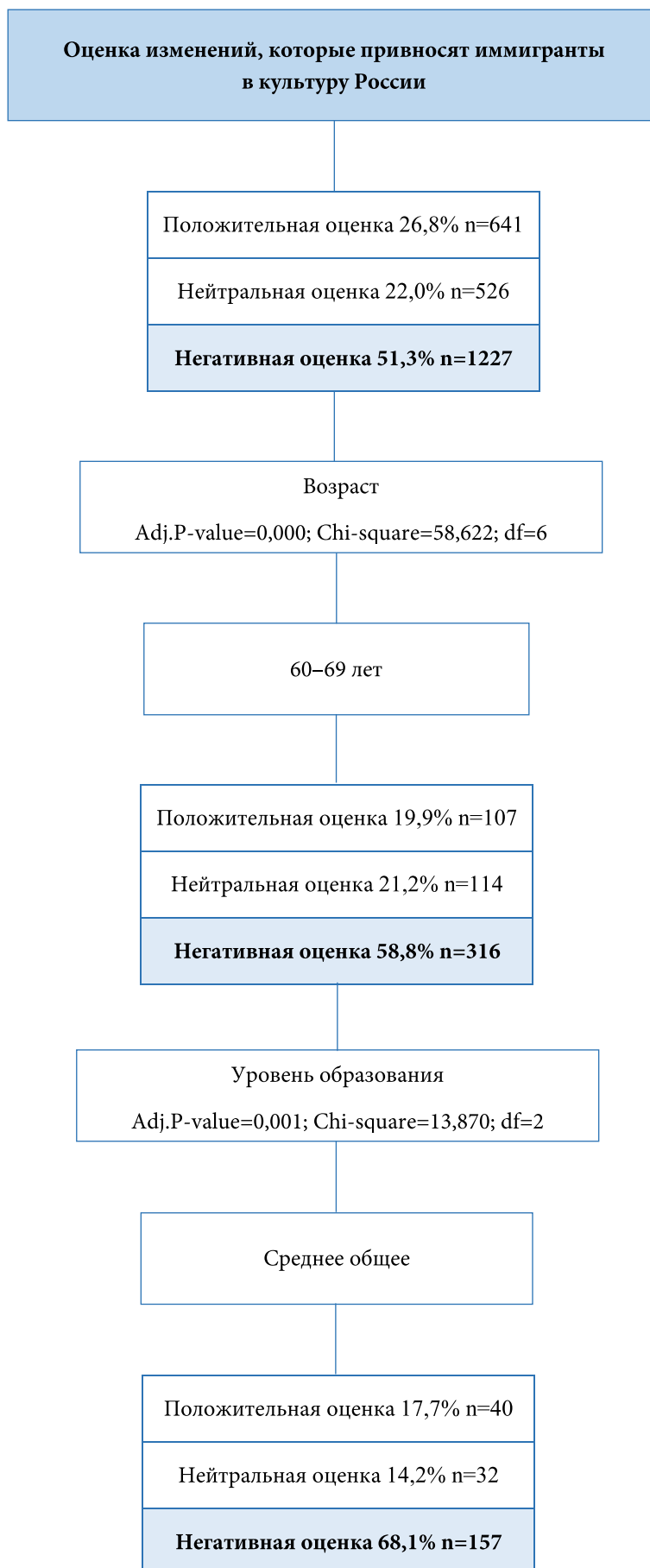

Рис. 5. Дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в культуру России»

Figure 5. Classification tree for variable “evaluation of changes introduced to Russian culture by immigrants”

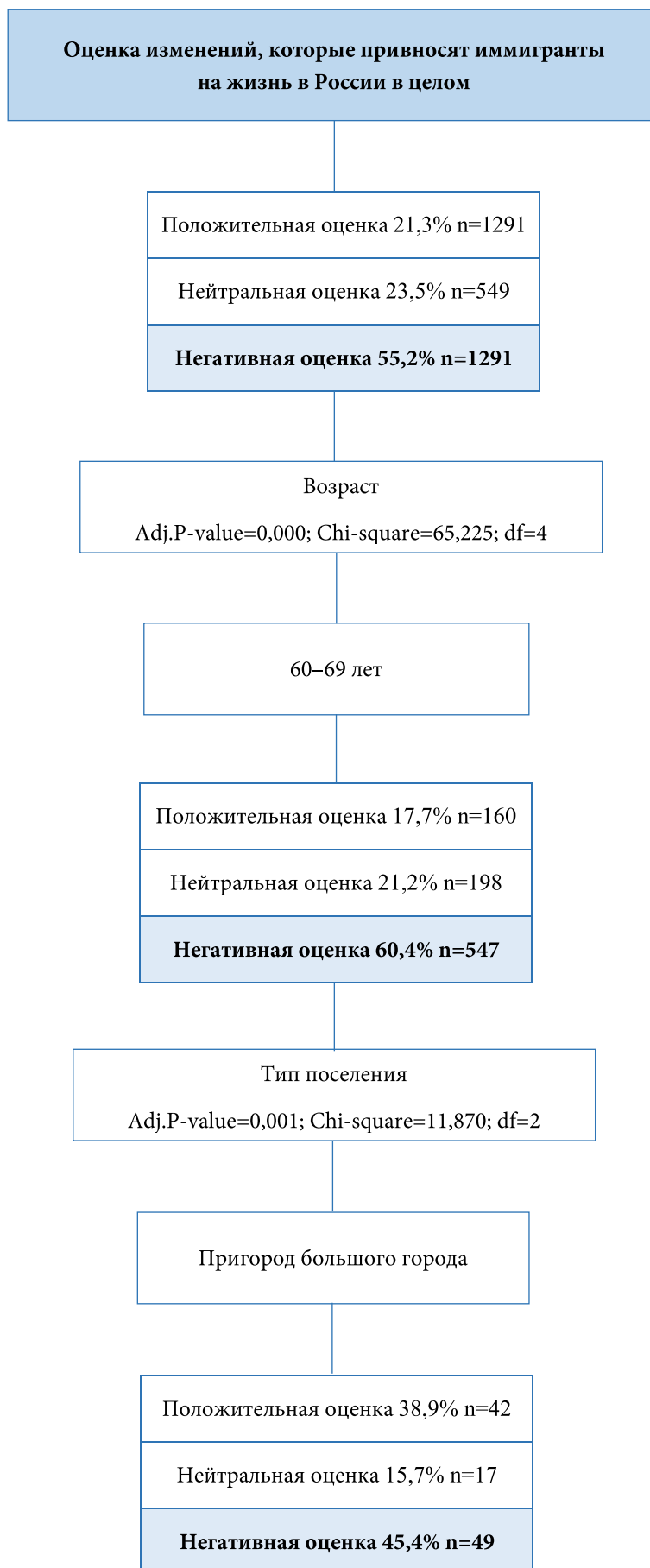

Рис. 6. Дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в жизнь в России в целом»
 Figure 6. Classification tree for variable “evaluation of changes introduced by immigrants to life in Russia overall”

На рис. 6 представлено дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в жизнь в России в целом». 55,2% респондентов оценивают эти изменения негативно. Наилучшим предиктором для данной переменной, как и для предыдущей, оказалась переменная «возраст (60–69 лет)», респонденты – проживающие в пригородах больших городов.

Обсуждение

В результате анализа мы выявили, что пол оказался связан только с переменной оценки изменений, которые оказывают иммигранты на экономику нашей страны, причём более негативно настроены женщины.

Негативная оценка изменений, которые привносят иммигранты в Россию связана у респондентов с общим средним уровнем образования. С остальными переменными уровень образования оказался не связан.

Респонденты из возрастной группы 60–69 лет наиболее негативно настроены к переезду иммигрантов иной национальности и из более бедных стран, а также к изменениям, которые они привносят в культуру и в жизнь в России в целом.

Переменная «семейное положение» оказалась не связана ни с каким вопросом об отношении к иммигрантам.

Переменная «тип поселения» оказалась связана с оценкой изменений, привносимыми иммигрантами в жизнь в России в целом, с переездом иммигрантов той же и иной национальности.

Наиболее негативно относятся к иммигрантам женщины в возрасте 60–69 лет, проживающие в больших городах и их пригородах, имеющие средний общий уровень образования. Возникает вопрос, почему именно эта категория респондентов имеет самое негативное отношение? Можно, конечно, сослаться на объяснения в первой части статьи, которые приводили другие авторы. И вероятно, что многие из них правомерны, но нам представляется, что нужно посмотреть на полученную картину в целом и порассуждать о факторах, которые могут вызывать у данной категории респондентов подобное отношение. Полученная группа негативно настроенных – это наименее мобильная часть населения, вследствие чего более защищённая от уличной преступности, а также не конкурирующая с иммигрантами за рабочие места. При этом выявленная группа домохозяек с негативным отношением не является определяющей для общества. Она важна как электорат, но скорее является «прошлым». Молодые, образованные, работающие люди менее подвержены стереотипизации. Возможно, на них оказывает влияние эффект, описанный в теории контакта. Молодые люди уже учились в школах с детьми иммигрантов, что могло повлиять на их отношение, хотя данная гипотеза требует дополнительного исследования.

Можно предположить, что члены группы негативно настроенных к иммигрантам являются наиболее активными потребителями телевизионных программ, нагнетающих иммиграционную панику. Так, согласно исследованию В. В. Константинова и Р. В. Осина, «СМИ формируют

образы и типажи мигрантов как иноземцев, посягающих на обыденную жизнь и рынок труда коренного населения..., мигранты чаще всего предстают в образе врага» [Константинов, Осин 2014: 54]. В рамках нашего эмпирического исследования мы сохранили переменную с полученными социально-демографическими характеристиками и сравнили с другими группами (положительно и нейтрально настроенных) по вопросу о том, сколько времени они тратят в день на новости о политике, текущих делах, слушают или читают (в минутах). Полученные результаты подтвердили наше предположение (негативно настроенные граждане потребляют медийный продукт в два раза больше), хотя мы должны отметить, что не имели возможности проверить, насколько часто они тратят время на просмотр передач, содержащих пропаганду негативного отношения к иммигрантам. Эта тема требует отдельного исследования.

Важно уточнить, что в исследовании мы не предполагали, что отношение к иммигрантам дискретно и нет промежуточных вариантов. Тем не менее задачей данной работы было определение и описание той группы респондентов, которые выражают наиболее негативные оценки.

Заключение

Проанализированные нами исследования иногда дают противоречивые прогнозы и выводы о взаимосвязях между переменными. Большинство исследователей изучали отношение к иммигрантам в России, а также в других европейских странах, объединяя все вопросы базы данных ЕСС в общий индекс, усредняя и теряя информацию. Затем использовали статистические методы, чтобы выявить факторы, влияющие на отношение к иммигрантам. На наш взгляд, такие исследования, как правило, не в состоянии дать адекватную оценку отношениям к иммигрантам и факторам, влияющим на эти отношения, так как не учитывается специфика отдельных стран с различными объёмами иммиграционного притока, различными культурными и историческими особенностями. А также в предыдущих исследованиях зачастую не приводится теоретического объяснения проверяемых факторов. Так, например, во многих исследованиях переменные «пол», «возраст», «уровень образования» и др. вводятся в уравнения регрессии без предварительных теоретических объяснений. Есть исследования, где не объясняется, почему именно женщины выбраны контрольной группой, а затем не обсуждаются полученные связи. Чтобы расширить существующие интерпретации связи между социально-демографическими характеристиками и отношением к иммигрантам, в дальнейшем мы планируем провести интервью с местным населением, имеющим опыт общения с иммигрантами.

Анализ существующих исследований также показал, что связь социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам не является какой-то константной закономерностью. Результаты и направления связи меняются в зависимости от года исследования, контекста, политической обстановки и других факторов. Единственная

универсальная закономерность – это то, что низкий уровень образования связан с негативным отношением к иммигрантам: мы не встретили ни одной работы, которая бы утверждала обратное. Таким образом, стабильный «портрет» носителя негативного отношения к иммигрантам не наблюдается, «портрет» меняется в зависимости от контекста. На отношение к иммигрантам влияет политика государства, которое через СМИ формирует позитивный или негативный образ иммигрантов, а также представляет определённые этнические группы в образе врага. В дальнейших исследованиях мы предполагаем расширить знания о воздействии контекстного фактора влияния на отношения к иммигрантам с помощью проведения интервью с респондентами из России, определения и классификации тех контекстов, которые могут воздействовать на это отношение, например, факторов СМИ, политики государства, конфессиональной принадлежности и др. Не менее важна классификация факторов контекста с разделением на локальный-страновой, исторический уровень, фактор года исследования (временной) и др. Необходимо выявить, как варьируются контекстные факторы, от чего это зависит.

Невозможно раз и навсегда сделать однозначные выводы о том, какие факторы будут влиять на отношение к иммигрантам. Большое влияние будет оказывать социально-политическая ситуация в обществе, порой переверачивая результаты исследования «с ног на голову». В качестве яркого маркера может служить высокий уровень образования в советские годы, способствовавший толерантности к людям другой национальности, но в последние годы практически утративший свой вес – люди с высшим и средним образованием демонстрируют схожие оценки [Этничность... 2017: 63]. Поэтому важно обращать внимание в первую очередь на ситуационный фактор, способствующий формированию тех самых условий, в которых были даны оценки иммиграционных процессов конкретными респондентами. В нашем исследовании показано, какие социально-демографические факторы связаны с отношением к иммигрантам в России за 2018 г. Обобщённый портрет носителей негативного отношения составили женщины в возрасте 60–69 лет, проживающие в больших городах и их пригородах, имеющие низкий уровень образования. Подобный анализ данных необходимо проводить как можно чаще в рамках мониторинга, чтобы фиксировать, как изменяются маркеры негативного отношения к иммигрантам, а также определять группу носителей наиболее негативных оценок.

Приведённый обзор исследований систематизировал существующие современные результаты исследований по данной теме. Однако, как нам представляется, он имеет не только научный смысл, но и может быть полезен при работе над документами по выработке решений для гармонизации межэтнических отношений в обществе. Давать рекомендации по улучшению ситуации не так просто, потому что аттитюды по своей природе достаточно устойчивы. Тем не менее люди под влиянием повторяющейся, заслуживающей доверия информации, могут менять своё мнение. Необходимо, чтобы в российском обществе культивировались модели поведения, порицающие проявления негативного отношения по отношению к иммигрантам, чтобы оскорбительные высказывания вызывали непри-

ятие во всех кругах общения, поскольку подобные оскорбления могут приводить к росту напряжённости в обществе, конфликтам и другим негативным последствиям. Необходимо также зеркально изучать отношение иммигрантов к коренному населению, принимать меры по усвоению ими русского языка, изучению культурных особенностей и традиций, адаптировать и интегрировать иммигрантов в нашу среду. Улучшению отношения иммигрантов к россиянам, а также россиян к иммигрантам могут поспособствовать в первую очередь СМИ (своими сюжетами) и лидеры общественного мнения (своим поведением и высказываниями).

Библиографический список

Груздев А. В. 2016. Прогнозное моделирование в IBM SPSS Statistic и R: Метод деревьев решений. М.: ДМК Пресс. 276 с.

Константинов В. В., Осин Р. В. 2014. Особенности отношения к мигрантам в условиях медиавоздействия // Известия Саратовского университета. № 1. С. 53–57.

Кузнецов И. М. 2017. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. Т. 26. № 1. С. 58–80.

Мастикова Н. С. 2019. Изменения, привносимые мигрантами, и их оценка россиянами (по данным Европейского социального исследования) // Общественные науки и современность. № 2. С. 160–169. DOI [10.31857/S086904990004341-7](https://doi.org/10.31857/S086904990004341-7)

Мукомель В. И. 2017. Ксенофобы и их антиподы, кто они? // Мир России. № 1. С. 32–57.

Социальные факторы межэтнической напряжённости в России. 2017. / Под ред. Ю. Б. Епихиной, М. Ф. Черныша. М.: ФНИСЦ РАН. 336 с.

Татарко А. Н. 2009. Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам / Под ред. Лебедевой Н. М., Татарко А. Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН. 420 с.

Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте. 2017. / Отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН. 126 с.

Adorno T. W., Frankel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N. R. 1950. The Authoritarian Personality. New York: Harper. 229 p.

Amuedo-Dorantes C., Puttitanun T. 2011. Gender Differences in Native Preferences toward Undocumented and Legal Immigration: Evidence from San Diego // Contemporary Economic Policy, vol. 29 (1), pp. 31–45. DOI: [10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x](https://doi.org/10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x)

Berg J. A. 2010. Race, Class, Gender, and Social Space: Using an Intersectional Approach to Study Immigration Attitudes // Sociological Quarterly, vol. 51 (2), pp. 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2010.01172.x>

Bessudnov A. 2015. Ethic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia // *European Sociological Review*, vol. 32 (5), pp. 567–580. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>

Betz H. G. 1994. *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*. London: Macmillan. 226 p.

Burns P., Gimpel J. G. 2000. Economic Insecurity, Prejudicial Stereotypes, and Public Opinion on Immigration Policy // *Political Science Quarterly*, vol. 115 (2), pp. 201–225 DOI: <https://doi.org/10.2307/2657900>

Butkus M., Davidaviciene V., Maciulyte-Sniukiene A., Matuzeviciute K. 2018. Society's Attitudwes Aoward Immigration: Case of EU Countries // *Marketing and Management of Innovations*, vol. 1, pp. 338–352. DOI: <http://doi.org/10.21272/mmi.2018.1-26>

Ceobanu A. M., Escandell X. 2008. East Is West? National Feelings and Anti-immigrant Sentiment in Europe // *Social Science Research*, vol. 37 (4), pp. 1147–1170. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2008.01.002](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.01.002)

Coenders M., Scheepers P. 2003. The effect of education on nationalism and ethnic exclusionism: An international comparison // *Political Psychology*, vol. 24 (2), pp. 313–343. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0162-895X.00330>

Côté R., Erickson B. H. (2009) Untangling the Roots of Tolerance: How Forms of Social Capital Shape Attitudes Toward Ethnic Minorities and Immigrant // *American behavioural scientist*, vol. 52 (12), pp. 1664–1689. DOI: [10.1177/0002764209331532](https://doi.org/10.1177/0002764209331532)

Fons J. R., Van de Vijver, Breugelmans S. M, Schalk-Soekar S. R. G. 2008. Multiculturalism: construct validity and stability // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 23 (2), pp. 93–104. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.ijintrel.2007.11.001>

Gorodzeisky A. 2011. Who Are the Europeans That Europeans Prefer? Economic Conditions and Exclusionary Views toward European Immigrants // *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 52 (1–2), pp. 100–113. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00024>

Gorodzeisky A., Semyonov M. 2009. Terms of Exclusion: Public Views towards Admission and Allocation of Rights to Immigrants in European Countries // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 32 (3), pp. 401–423. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870802245851>

Gorodzeisky A., Semyonov M. 2019. Unwelcome Immigrants: Sources of Opposition to Different Immigrant Groups Among Europeans // *Frontiers in Sociology*, vol. 4 (24). DOI: [10.3389/fsoc.2019.00024](https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00024)

Hainmueller J., Hiscox M. J. 2007. Educated Preferences: Explaining Attitudes toward Immigration in Europe // *International Organization*, vol. 61, pp. 399–442. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-102512-194818>

Hainmueller J., Hopkins D. J. 2014. Public Attitudes Toward Immigration // *Annual Review of Political Science*, vol. 17, pp. 225–249.

Herrera Y. M., Butkovich Kraus N. M. 2016. Pride Versus Prejudice: Ethnicity, National Identity, and Xenophobia in Russia // *Comparative Politics*, vol. 48 (3), pp. 293–315. DOI:10.5129/001041516818254365

Herreros F., Criado H. 2009. Social Trust, Social Capital and Perceptions of Immigration // *Political Studies*, vol. 57 (2), pp. 337–355. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00738.x>

Hjerm M. 2001. Education, Xenophobia and Nationalism: A Comparative Analysis // *Journal of Ethnic Migration Studies*, vol. 27 (1), pp. 37–60. DOI: 10.1080/13691830124482

Hjerm M. 2009. Anti-immigrant attitudes and cross-municipal variation in the proportion of immigrants // *Acta Sociologica*, vol. 52 (1), pp. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0001699308100633>

Huijnk W., Verkuyten M., Coenders M. 2010. Inter-marriage Attitude among Ethnic Minority and Majority Groups in the Netherlands: The Role of Family Relations and Immigrant Characteristics // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 41 (3), pp. 289–414. DOI: [10.3138/jcfs.41.3.389](https://doi.org/10.3138/jcfs.41.3.389)

Karreth J., Singh S. P., Stojek S. M. 2015. Explaining Attitudes toward Immigration: The Role of Regional Context and Individual Predispositions // *West European Politics*, vol. 2382, pp. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2015.1022039>

Kass G. V. 1980. An exploratory technique for investigation large quantities of categorical data // *Applied Statistics*. Vol. 29, Issue 2. Pp. 119–127.

Kuran T., McCaffery E. J. 2008. Sex Differences in the Acceptability of Discrimination // *Political Research Quarterly*, vol. 61 (2), pp. 228–238. DOI:10.1177/1065912907304500

Lancee B., Sarrasin O. 2015. Educated Preferences or Selection Effects? A Longitudinal Analysis of the Impact of Educational Attainment on Attitudes Towards Immigrants // *European Sociological Review*, vol. 31 (4), pp. 490–501. DOI:10.1093/esr/jcv008

Leong C. H., Ward C. 2006. Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 30 (6), pp. 799–810. DOI:10.1016/j.ijintrel.2006.07.001

Mayda A. M. 2006. Who is against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants // *Review of Economics and Statistics*, vol. 88 (3), pp. 510–530.

O'Rourke K., Sinnott R. 2006. The Determinants of Individual Attitudes Towards Immigration // *European Journal of Political Economy*, vol. 22, pp. 838–861. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2005.10.005

Paas T., Demidova O. 2014. How People Perceive Immigrants' Role in Their Country's Life: a Comparative Study of Estonia and Russia // *Eastern Journal of European Studies*, vol. 5 (2), pp. 117–138.

Paas T., Halapuu V. 2012a. Attitudes Towards Immigrants and the Integration of Ethnically Diverse societies // *Eastern Journal of European Studies*, vol. 3 (2), pp. 161–176.

Paas T., Halapuu V. 2012b. Determinants of people's attitudes towards immigrants in Europe // University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper Series, vol. 88, pp. 3–18.

Pichler F. 2010. Foundations of Anti-Immigrant Sentiment: The Variable Nature of Perceived Group Threat across Changing European Societies, 2002–2006 // International Journal of Comparative Sociology, vol. 51 (6). DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0020715210379456>

Ponce A. 2017. Gender and Anti-immigrant Attitudes in Europe // Socius: Sociological Research for a Dynamics, vol. 3, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2378023117729970>

Rokeach M. 1968. A theory of organization and change within value-attitude systems // Journal of Social Issues, vol. 24 (1), pp. 13–33.

Semyonov M., Raijman R., Gorodzeisky A. 2006. The Rise of Anti-foreigner Sentiment in European Societies, 1988–2000 // American Sociological Review, vol. 71 (3), pp. 426–49. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240607100304>

Sidanius J. 1993. The psychology of group conflict and the dynamics of oppression: A social dominance perspective. Ed. by S. Iyengar, W. J. McGuire. Durham, NC: Duke University Press, pp. 183–219.

Wilkes R., Guppy N., Farris L. 2008. No Thanks, We're Full: Individual Characteristics, National Context, and Changing Attitudes toward Immigration // International Migration Review, vol. 42 (2), pp. 302–329. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2008.00126.x

Статья поступила 27.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мастикова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, доцент ГАУГН, Москва, Россия
 Fadeev Pavel Васильевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, преподаватель ГАУГН, Москва, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

Who is Set Against Migrants in Russia? Analyzing Certain Socio-Demographic Characteristics

Natalia S. Mastikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: navor@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-8859-6803

Pavel V. Fadeev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: erving45@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5767-0329

For citation: Mastikova N. S., Fadeev P. V. Who is set against migrants in Russia? Analyzing certain socio-demographic characteristics. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 99–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

Abstract. This article analyzes the connection between the socio-demographic characteristics (gender, age, education level, type of settlement, marital status) and attitudes towards migrants of the Russian people. The authors point out that, throughout the course of a decade (2006–2016), over 60% of respondents were negatively assessing the changes occurring in our country due to immigrant presence, which actualizes the need to study the group which bears the utmost negative attitude, with it being considered a latent threat to the stability of society.

Based on analyzing contemporary scientific research, we know that in most studies socio-demographic variables are used in regression models, though they are introduced into equations with no initial theoretical assumptions – so any results attained are not discussed, but merely acknowledged. Thus, we have identified that the results of studies of the connection between socio-demographic characteristics and respondents' attitudes towards migrants are controversial and largely dependent on factors of context (such as the country under examination, its cultural and historical specifics).

Based on data from the European social survey (2018), while using a decision tree technique (CHAID), the connection between socio-demographic characteristics and attitudes towards migrants is analyzed with the goal of determining those groups of Russians that hold the most contempt for migrants. As it turns out, such a group is represented by women aged 60–69 with basic secondary education, residing in large cities or their suburbs. An assumption is made about this group of the population possibly being influenced by mass media, which is escalating an “immigration panic”.

Overall the analysis shows that the connection between socio-demographic characteristics and attitudes towards migrants is not a constant pattern. The results and vector of this connection change depending on the year when the study was conducted, on the context, the political situation, as well as other factors. The only exception being the connection between education level and attitude towards immigrants: in all of the examined studies a high level of education was invariably associated with a positive attitude towards migrants. In conclusion, the potential of qualitative methods was assessed – them being a viable option for further studying the topic – as well as the media's role in shaping the image of immigrants in the public mind.

Keywords: sociology, immigrants, European social research, socio-demographic characteristics, decision tree method, CHAID, attitude towards immigrants, context factor, mass media

References

Adorno T.W., Frankel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N.R. The Authoritarian Personality. New York: Harper, 1950: 229.

Amuedo-Dorantes C., Puttitanun T. Gender Differences in Native Preferences toward Undocumented and Legal Immigration: Evidence from San Diego. *Contemporary Economic Policy*, 2011: Vol. 29: 1: 31–45. DOI: [10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x](https://doi.org/10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x)

Berg J.A. Race, Class, Gender, and Social Space: Using an Intersectional Approach to Study Immigration Attitudes. *Sociological Quarterly*, 2010: Vol. 51: 2: 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2010.01172.x>

Bessudnov A. Ethic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*, 2015: Vol. 32: 5: 567–580. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>

Betz H.G. *Radical Right-Wing Popularism in Western Europe*. London: Macmillan, 1994: 226.

Burns P., Gimpel J.G. Economic Insecurity, Prejudicial Stereotypes, and Public Opinion on Immigration Policy. *Political Science Quarterly*, 2000: Vol. 115: 2: 201–225. DOI: <https://doi.org/10.2307/2657900>

Butkus M., Davidaviciene V., Maciulyte-Sniukiene A., Matuzeviciute K. Society's Attitudwes Toward Immigration: Case of EU Countries. *Marketing and Management of Innovations*, 2019: 1: 338–352. DOI: <http://doi.org/10.21272/mmi.2018.1-26>

Ceobanu A.M., Escandell X. East Is West? National Feelings and Anti-immigrant Sentiment in Europe. *Social Science Research*, 2008: Vol. 37: 4: 1147–1170. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2008.01.002](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.01.002)

Coenders M., Scheepers P. The effect of education on nationalism and ethnic exclusionism: An international comparison. *Political Psychology*, 2003: vol. 24: 2: 313–343. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0162-895X.00330>

Côté R., Erickson B.H. Untangling the Roots of Tolerance: How Forms of Social Capital Shape Attitudes Toward Ethnic Minorities and Immigrant. *American behavioral scientist*, 2009: Vol. 52: 12: 1664–1689. DOI: [10.1177/0002764209331532](https://doi.org/10.1177/0002764209331532)

Ethnicity and interethnic relations in a social context. Ed. by L.M. Drobizheva, S.V. Ryzhova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 126 (In Russ.)

Fons J.R., Van de Vijver, Breugelmans S.M, Schalk-Soekar S.R.G. Multiculturalism: construct validity and stability. *International Journal of Intercultural Relations*, 2008: Vol. 23: 2: 93–104. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.ijintrel.2007.11.001>

Gorodzeisky A. Who Are the Europeans That Europeans Prefer? Economic Conditions and Exclusionary Views toward European Immigrants. *International Journal of Comparative Sociology*, 2011: vol. 52: 1–2: 100–113. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00024>

Gorodzeisky A., Semyonov M. Terms of Exclusion: Public Views towards Admission and Allocation of Rights to Immigrants in European Countries. *Ethnic and Racial Studies*, 2009: vol. 32: 3: 401–423. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870802245851>

Gorodzeisky A., Semyonov M. Unwelcome Immigrants: Sources of Opposition to Different Immigrant Groups Among Europeans. *Frontiers in Sociology*, 2019: 4 (24). DOI: 10.3389/fsoc.2019.00024

Gruzdev A.V. Predictive modeling in IBM SPSS Statistic and R: The decision tree method, Moscow, DMK Press, 2016: 276 (In Russ.).

Hainmueller J., Hiscox M.J. Educated Preferences: Explaining Attitudes toward Immigration in Europe. *International Organization*, 2007: 61: 399–442. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-102512-194818>

Hainmueller J., Hopkins D.J. Public Attitudes Toward Immigration. *Annual Review of Political Science*, 2014: 17: 225–249.

Herrera Y.M., Butkovich Kraus N.M. Pride Versus Prejudice: Ethnicity, National Identity, and Xenophobia in Russia. *Comparative Politics*, 2016: 48 (3): 293–315. DOI: 10.5129/001041516818254365

Herreros F., Criado H. Social Trust, Social Capital and Perceptions of Immigration. *Political Studies*, 2009: 57 (2): 337–355. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00738.x>

Hjerm M. Anti-immigrant attitudes and cross-municipal variation in the proportion of immigrants. *Acta Sociologica*, 2009: Vol. 52: 1: 47–62. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0001699308100633>

Hjerm M. Education, Xenophobia and Nationalism: A Comparative Analysis. *Journal of Ethnic Migration Studies*, 2001: Vol. 27: 1: 37–60. DOI: 10.1080/13691830124482

Huijnk W., Verkuyten M., Coenders M. Intermarriage Attitude among Ethnic Minority and Majority Groups in the Netherlands: The Role of Family Relations and Immigrant Characteristics. *Journal of Comparative Family Studies*, 2010: Vol. 41: 3: 289–414. DOI: [10.3138/jcfs.41.3.389](https://doi.org/10.3138/jcfs.41.3.389)

Karreth J., Singh S.P., Stojek S.M. Explaining Attitudes toward Immigration: The Role of Regional Context and Individual Predispositions. *West European Politics*, 2015: 2382: 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2015.1022039>

Kass G.V. An exploratory technique for investigation large quantities of categorical data. *Applied Statistics*. 1980: Vol. 29: 2: 119–127.

Konstantinov V.V., Osin R.V. Peculiarities of attitude towards in conditions of media influence. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Bulletin of the Saratov University*, 2014: 1: 53–57 (In Russ.).

Kuran T., McCaffery E.J. Sex Differences in the Acceptability of Discrimination. *Political Research Quarterly*, 2008: Vol. 61: 2: 228–238. DOI:10.1177/1065912907304500

Kuznecov I.M. The balance of interethnic attitudes as an indicator of the state of interethnic relations. *Mir Rossii = The Universe of Russia*, 2017: vol. 26: 1: 58–80 (In Russ.).

Lancee B., Sarrasin O. Educated Preferences or Selection Effects? A Longitudinal Analysis of the Impact of Educational Attainment on Attitudes Towards Immigrants. *European Sociological Review*, 2015: vol. 31: 4: 490–501. DOI:10.1093/esr/jcv008

Leong C.H., Ward C. Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia. *International Journal of Intercultural Relations*, 2006: vol. 30: 6: 799–810. DOI:10.1016/j.ijintrel.2006.07.001

Mastikova N.S. Changes brought by migrants and their assessment by Russians (according to the European Social Survey). *Obschestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2019: Vol. 2: 160–169 (In Russ.). DOI 10.31857/S086904990004341-7

Mayda A.M. Who is against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants. *Review of Economics and Statistics*, 2006: vol. 88: 3: 510–530

Mukomel V.I. Xenophobes and their antipodes, who are they? *Mir Rossii = The Universe of Russia*, 2017: vol. 1: 32–57 (In Russ.).

O'Rourke K., Sinnott R. The Determinants of Individual Attitudes Towards Immigration. *European Journal of Political Economy*, 2006: vol. 22: 838–861. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2005.10.005

Paas T., Demidova O. How People Perceive Immigrants' Role in Their Country's Life: a Comparative Study of Estonia and Russia. *Eastern Journal of European Studies*, 2014: Vol. 5: 2: 117–138

Paas T., Halapuu V. Attitudes Towards Immigrants and the Integration of Ethnically Diverse societies. *Eastern Journal of European Studies*, 2012: Vol. 3: 2: 161–176

Paas T., Halapuu V. Determinants of people's attitudes towards immigrants in Europe. University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper Series, 2012: 88: 3–18

Pichler F. Foundations of Anti-Immigrant Sentiment: The Variable Nature of Perceived Group Threat across Changing European Societies, 2002–2006. *International Journal of Comparative Sociology*, 2010: Vol. 51: 6: 445–469. DOI: [10.1177%2F0020715210379456](https://doi.org/10.1177%2F0020715210379456)

Ponce A. Gender and Anti-immigrant Attitudes in Europe. *Socius: Sociological Research for a Dynamics*, 2017: 3: 1–17. DOI: [10.1177%2F2378023117729970](https://doi.org/10.1177%2F2378023117729970)

Rokeach M. A theory of organization and change within value-attitude systems. *Journal of Social Issues*, 1968: Vol. 24: 1: 13–33

Semyonov M., Raijman R., Gorodzeisky A. The Rise of Anti-foreigner Sentiment in European Societies, 1988 – 2000. *American Sociological Review*, 2006: Vol. 71: 3: 426–449. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240607100304>

Sidanius J. The psychology of group conflict and the dynamics of oppression: A social dominance perspective. Ed. by S. Iyengar, W.J. McGuire. Durham, NC: Duke University Press, 1993: 183–219

Social factors of interethnic tension in Russia. Ed. by Y.B. Epihina, M.F. Chernysh. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 336 (In Russ.).

Tatarko A.N. The role of the perceived threat in relation to Muscovites to migrants. In: *Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia*. Ed. by N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko Moscow, RUPF publ., 2009: 420 (In Russ.).

Wilkes R., Guppy N., Farris L. No Thanks, We're Full: Individual Characteristics, National Context, and Changing Attitudes toward Immigration. *International Migration Review*, 2008: Vol. 42: 2: 302–329. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00126.x

The article was submitted on: June 27.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mastikova Natalya Sergeevna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Research fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Assistant Professor, SAUH, Moscow, Russia

Fadeev Pavel Vasilievich, Candidate of Sociological Sciences, Research fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Senior Lecturer, SAUH, Moscow, Russia

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.682

К вопросу о готовности будущих специалистов жить и работать в условиях мультикультурализма

Ссылка для цитирования: Емельянова Н. А., Воронина Е. А. К вопросу о готовности будущих специалистов жить и работать в условиях мультикультурализма // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 126–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.682

For citation: Emelyanova N. A., Voronina E. A. In regards to how well-prepared future professionals are to live and work in conditions of multiculturalism. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 126–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.682

Емельянова Наталья Александровна,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия

nemelyanova@hse.ru

AuthorID ПИНЦ: [825895](#)

Воронина Елена Анатольевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия

evoronina@hse.ru

AuthorID ПИНЦ: [820590](#)

Аннотация. Актуальность данной статьи состоит в том, что в условиях современного мультикультурализма процесс коммуникации является основополагающим для многих аспектов и функций деловой среды. Постоянно растущие интеграционные процессы в сфере экономики и бизнеса, активизация миграционной активности населения, академическая мобильность вызывают необходимость овладения навыками межкультурной коммуникации (МКК), которые постепенно приобретают всё большую актуальность и значимость. Появляется осознание, что владение определённым уровнем знаний и навыков в сфере МКК становится необходимым слагаемым профессионального успеха в любой области. Основной целью предлагаемого исследования стало выявление того, насколько современные студенты как будущие специалисты готовы к жизни и деятельности в условиях мультикультурализма. Предпосылкой развития межкультурной компетенции является осознание культурных и национальных различий, основой которого должна быть межкультурная сенситивность. Этот аспект был проанализирован с помощью опросника «Шкала межкуль-

турной сенситивности», разработанного Г. М. Ченом и Дж. Старостой. Опросник состоит из 24 утверждений и охватывает 5 факторов, которые его авторы включают в концепцию межкультурной сенситивности: включённость во взаимодействие, уважение культурных различий, степень уверенности в себе при коммуникации, удовольствие от взаимодействия, аналитический подход к общению. Исследование проведено среди студентов бакалавриата и магистратуры Нижегородского кампуса НИУ ВШЭ в 2017–19 гг. В ходе исследования были подвергнуты анализу следующие аспекты: отношение к культурным особенностям и представителям других народов, самооценка восприятия ценностей своей и иной культуры, прогнозирование поведенческих реакций в условиях нахождения в интернациональной среде. В процессе анализа рассматривалась зависимость уровня межкультурной сенситивности от пола респондентов, успеваемости, наличия у них опыта взаимодействия с представителями других культур. Среди участников выборки выявлены как открытость и готовность к общению, уважение к партнёру по коммуникации, так и настороженность и даже предубеждение к носителям иных культур.

Результаты данного исследования позволят найти более эффективный подход к решению проблемы повышения межкультурной компетенции в рамках образовательного процесса.

Ключевые слова: шкала межкультурной сенситивности; межкультурная компетенция; межкультурная коммуникация; мультикультурализм; культурные ценности; межкультурная сенситивность

Современные тенденции интеграции в сфере экономики и технологий, свобода перемещения рабочей силы, товаров и капитала приводят к более тесным контактам людей самых разных национальностей. В условиях возрастающей миграционной активности населения многообразие культурных особенностей приобретает всё большую актуальность и значимость, а попытки унифицировать мышление, действие и желание преодолеть различия в сфере ценностей, отношений и менталитета создают почву для возникновения межкультурных конфликтов [Zhang, McCornac 2013].

Ввиду того, что процесс общения является основополагающим для многих аспектов и функций бизнеса (например, менеджмент, маркетинг, связи с общественностью), последствия коммуникативной неудачи, несомненно, критичны. Осознание причин, лежащих в основе возникновения различных коммуникативных стилей, является первым шагом к сглаживанию межкультурного непонимания.

Актуальность проблемы межкультурной коммуникации (МКК) обусловлена и постоянным развитием перспектив академической мобильности, возрастанием числа привлекаемых иностранных специалистов и преподавателей. Это делает современную среду более многосторонней и в образовательном, и в культурном отношении.

Возникает много вопросов в отношении культурной идентичности и, одновременно, культурного разнообразия. Важность развития межкультурных компетенций повышается в условиях всё возрастающего количества иностранных студентов, приезжающих для обучения в российских вузах. Незнание и непонимание культурных особенностей страны

может привести к возникновению негативных явлений в процессе обучения. Сложности адаптации вызывают у некоторых иностранных студентов культурный шок, что влечёт за собой необходимость оказания им помощи в адаптации к жизни и учёбе в России [Ишкинеева и др. 2017]. Число иностранных студентов в крупных вузах России постоянно растёт, что делает необходимым умение взаимодействовать с иными культурами. В частности, в 2018–19 учебном году число иностранных студентов в Национальном исследовательском университете Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) составило более 1500 человек, и примерно столько же студентов данного вуза прошло обучение в иностранных университетах по программам академической мобильности [Международное сотрудничество... 2019].

В последние годы в российской академической среде возрастает понимание того, что выпускники вузов должны обладать определённым уровнем знаний и навыков в сфере межкультурного общения, т. к. это становится необходимым слагаемым профессионального успеха в любой области (особенно в сфере управления людьми). В условиях культурного многообразия среды важно стремиться к продуктивности коммуникации, одновременно сохраняя осознание ценности и своей, и иной культуры, что является предпосылкой развития межкультурной компетенции. Всё большую актуальность приобретают теоретические и практические аспекты межкультурного образования [Логашенко 2015].

Межкультурная компетенция не является обязательным результатом обучения или даже проживания в поликультурной среде. А проблемы, возникающие в процессе межкультурного общения, не ограничиваются только языковым барьером или трудностями перевода и не исчезают, даже если участники коммуникации обладают достаточной иноязычной компетенцией. Необходимо уловить не только буквальный смысл транслируемого сообщения, но и культурно-социальный контекст, и тонкости, непонимание которых может привести к тому, что коммуникация не состоится [Merkin et al. 2013]. Необходимо осознавать особенности разных народов, чтобы избежать разногласий на почве межкультурных различий. Кроме того, одним из важнейших аспектов, от которых зависит успех контакта с другой культурой как двустороннего процесса, становится умение «почувствовать» партнёра по коммуникации.

Основной целью исследования, представленного в данной статье, является, таким образом, выявление того, насколько современные студенты готовы к жизни и деятельности в условиях мультикультурализма. Исследование было проведено на примере студентов НИУ ВШЭ. В ходе исследования были подвергнуты анализу следующие аспекты: отношение к представителям других народов и их культурным особенностям; самооценка восприятия ценностей своей и иной культуры; прогнозирование поведенческих реакций в условиях нахождения в международной среде. Результаты данного исследования позволят найти более эффективный подход к решению проблемы повышения межкультурной компетенции в рамках образовательного процесса.

Обзор литературы по проблеме

Существует множество трактовок понятия «межкультурная компетенция» в зарубежной и отечественной традиции [Лебедева и др. 2003; Наролина 2009; Плужник 2003; Почебут 2013; Adler, Bartholomew 1992; Gertsen 1990; Leiba-O'Sullivan 1999; Lenartowicz et al. 2006], однако все определения характеризуют её как сложную и многомерную структуру.

Наличие межкультурной компетенции предполагает умение строить и поддерживать отношения, осуществлять коммуникацию с минимальными издержками или искажением смысла, сотрудничать для достижения определённых целей, соответствующих взаимному интересу или потребности. Некоторые люди от природы обладают интуицией, умением эффективной коммуникации, в то же время это умение можно развивать на протяжении жизни человека. Межкультурная компетенция предполагает не только осознание культурных особенностей и наличие навыков коммуникации, но и выражение личного отношения, а именно: эмпатии и гибкости, осознание себя и понимание ценностей, норм и убеждений других людей [Zhou, Griffiths 2011].

Кроме того, исследователи в основном сходятся во мнении, что не только фактические знания, отработанные навыки и природные способности достаточны для утверждения, что индивид обладает межкультурной компетенцией. Необходимо также наличие специфической психологической составляющей.

Л. Г. Почебут выделяет, помимо культурологических знаний, умения общаться, толерантности, доверия и отсутствия дискриминации, ещё и компонент социально-психологической сенситивности, способность к эмпатии [Почебут 2013].

Согласно мнению Дж. Ньюлип [Neulier 2011], межкультурная компетенция даёт человеку возможность предвидеть отношения, ценности, убеждения и поведение окружающих и, соответственно, более эффективно общаться с людьми из других культур. Ньюлип выделяет 4 параметра межкультурной компетенции: знание (что человек знает о другой культуре), аффективный компонент (мотивация общения с представителями других культур), психомоторный компонент (реальное применение комбинации знания и аффективного компонента) и контекстный компонент (конкретная ситуация, в которой совершается акт МКК).

Классификация межкультурной компетенции в представлении А. Фантини и А. Тирмизи [Fantini, Tirmizi 2006] имеет много общего с описанием структурных элементов межкультурной компетенции, основанном на пяти «умениях» М. Байрам [Byram 2000], определения которым были даны в исследованиях Л. Серку и Э. Бандура [Sercu, Bandura 2005]:

1. **Умение быть** (*savoir être*): любознательность и открытость, готовность доверять другой культуре и осознавать ценность своей культуры.

2. **Знание-умение** (*savoir*): информированность об особенностях и традициях своей и иной культуры, об основных закономерностях и процессах общественного взаимодействия и коммуникации отдельных индивидов.

3. **Умение понимать** (*savoir-comprendre*): способность дешифровать артефакт, порождённый другой культурой, и соотнести его с артефактами собственной культуры.

4. **Умение делать** (*savoir-faire*): способность приобретать знания о другой культуре и применять эти знания, а также коммуникационные навыки, в условиях реального общения.

5. **Умение вовлекаться** (*savoir-s'engager*): способность критического анализа (на основе чётких критериев) практик, концепций и продуктов своей и иной культуры.

По мнению известных исследователей в сфере межкультурного общения Г. М. Чена и У. Старосты, МКК относится к обобщённым концептам и включает в себя когнитивную, аффективную и поведенческую способности участника коммуникативного процесса [Chen, Starosta 2005]. Другими словами, когнитивный аспект компетенции представляет собой концепцию кросс-культурной осведомлённости, «осознания культурных условностей, влияющих на наш образ мыслей и поведение». Аффективный компонент можно представить в виде концепта межкультурной сенситивности или «активной потребности побуждать себя понимать, признавать и принимать культурные различия». В свою очередь поведенческий аспект межкультурной компетенции можно объяснить с помощью понятия межкультурной «функциональности», которая описывается как «способность выполнить поставленную задачу и достичь цели межкультурной коммуникации» [Chen, Starosta 1996].

М. Беннет [Bennett 1984] трактует межкультурную сенситивность как способность участника межкультурного общения не только к аффективной, но к когнитивной и поведенческой эволюции от стадии отрицания к стадии интеграции в рамках коммуникации. Люди, обладающие межкультурной сенситивностью, способны обрести двойную идентичность и с выгодой использовать культурные различия, постепенно избавляясь от проблем, связанных с их неприятием или замалчиванием, и попыток оспаривать мировоззрение, отличное от своего собственного. Г. М. Чен и У. Староста [Chen, Starosta 2000] характеризуют межкультурную сенситивность как образ мышления, помогающий индивидам видеть различия в поведении, суждениях и чувствах собеседника, обусловленные его культурой. При этом индивид позитивно воспринимает, осознаёт и оценивает культурные различия, что помогает ему выработать адекватное и продуктивное поведение в рамках акта межкультурной коммуникации.

Межкультурная сенситивность выделяется исследователями как важный компонент межкультурной компетентности, потому что она позволяет «почувствовать» другого, ощутить его неповторимость и уникальность, признать возможность равноправного контакта с ним. Отсутствие межкультурной сенситивности не просто снижает эффективность МКК, но и может стать причиной неудачи. Работы в области межкультурной компетентности и межкультурной сенситивности показывают, что между ними существует значительная взаимосвязь – чем выше уровень межкультурной сенситивности личности, тем выше в целом и уровень её межкультурной компетентности. По мнению специалистов, успех межкультурной коммуникации требует от партнёров развития осведомлённости о сходствах и различиях целевых культур, которая главным образом зависит от уровня *межкультурной сенситивности* [Логашенко 2015; Goby 2007; Klak, Martin 2003; Olson, Kroeger 2001; Straffon 2003]. Именно этот элемент в структуре межкультурной компетентности был замечен в ходе данного исследования.

Методы исследования

Сбор и анализ эмпирических данных

Сбор и анализ эмпирических данных был проведён в основном с использованием «Шкалы межкультурной сенситивности» (Intercultural Sensitivity Scale), разработанной Г.М. Ченом и Дж. Старостой и апробированной в различных культурных контекстах [Fritz et al. 2002]. Выбор данной шкалы объясняется её достаточно высокой надёжностью и валидностью, доказанной на различных выборках, в том числе и в кросс-культурных исследованиях [Тучина 2018; Altan 2018; Bosuwon 2017; Matsumoto, Hwang 2013; Ruiz-Bernardo et al. 2014; Ruokonena, Kairavuoria 2012]. Кроме того, исследователями Н. Помуран и Е. Кириченко данный инструмент был успешно применён на языке оригинала для русскоязычной выборки [Помуран, Кириченко 2019]. Также факторная структура шкалы, предложенная Г. М. Ченом и Дж. Старостой, позволяет изучить межкультурную сенситивность как совокупность компонентов и оценить степень их выраженности. В перспективе это позволило бы дополнить учебный процесс в вузе программами и мероприятиями, нацеленными на развитие конкретных навыков и умений, входящих в межкультурную сенситивность.

В рамках предлагаемого исследования был осуществлён перевод на русский язык формулировок опросника. В ходе проверки на внутреннюю согласованность русской версии опросника, полученный коэффициент надёжности (α Кронбаха) составил 0,79. Респондентам предлагалось отметить свою степень согласия с каждым утверждением анкеты по 4-позиционной шкале Лайкерта (1 – полное несогласие, 4 – полное согласие). Чем больше суммарное количество баллов, набранных респондентом, тем выше его уровень межкультурной сенситивности.

«Шкала межкультурной сенситивности» состоит из 24 утверждений и охватывает 5 факторов, которые авторы включают в концепцию межкультурной сенситивности:

1. *Включённость во взаимодействие (Interaction Engagement)* – 7 вопросов. Утверждения, отнесённые к данному компоненту, затрагивают чувства, эмоции и ощущения, которые индивид испытывает по отношению к межкультурной коммуникации.

2. *Уважение культурных различий (Respect for Cultural Differences)* – 6 позиций. Этот фактор описывает степень толерантности индивида к культуре и точке зрения партнёров по коммуникации, принадлежащих к иным культурам.

3. *Степень уверенности в себе при коммуникации (Interaction Confidence)* – 5 позиций.

4. *Удовольствие от взаимодействия (Interaction Enjoyment)* – 3 утверждения. Данный компонент позволяет проанализировать, испытывает ли индивид положительные или отрицательные эмоции от межкультурной коммуникации.

5. *Аналитический подход к общению (Interaction Attentiveness)* – 3 вопроса, нацеленные на выявление того, насколько индивид пытается осознать, что происходит во время процесса межкультурной коммуникации.

Помимо шкалы межкультурной сенситивности респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся демографии, академической успеваемости, опыта общения с носителями другой культуры.

Сбор и обработка полученных эмпирических данных

Сбор и обработка полученных эмпирических данных согласно задачам данного исследования проводились следующими методами:

1. Опрашивались студенты бакалавриата и магистратуры Нижегородского кампуса НИУ ВШЭ в 2018–19 гг., выбравшие учебные траектории, связанные с коммуникациями и управлением: «Управление бизнесом», «Маркетинг», «Управление человеческими ресурсами». Участие в опросе было добровольным и анонимным. Форма с вопросами раздавалась студентам в аудиториях.

2. В качестве инструмента обработки данных применялся программный пакет для статистического анализа STATISTICA, версия 10.0.

3. Анализ базовых характеристик выборки был выполнен путём расчёта основных статистик (среднее значение, стандартное отклонение, наименьшее и наибольшее значения, процентные величины).

Описание и анализ результатов

В анкетировании приняли участие 120 человек. Отбор элементов выборки осуществлялся случайным образом. Выборку составили 75% женщин и 25% мужчин. Свою успеваемость как преимущественно отличную охарактеризовали 32,5% респондентов, как хорошую – 62,5%, удовлетворительную – 5%. Согласно данным Нижегородского кампуса НИУ ВШЭ, выборка репрезентативна по соотношению мужчин и женщин в генеральной совокупности, а также по успеваемости. Для формата данного исследования объём выборки вполне адекватен и позволяет выявить основные закономерности и тенденции.

Результаты опроса показали, что 96,6% опрошенных готовы общаться с представителями другой культуры (избегают общаться лишь 3,4%); 89% испытывают положительные эмоции и ощущения, отметив, что им нравится взаимодействовать с людьми иной культуры (отрицательные чувства испытывают 11% опрошенных).

Респонденты продемонстрировали положительное отношение к людям другой культуры, указав, что уважают их ценности и присущее им поведение (97%). Но при этом 51% опрошенных считают, что мнения представителей другой культуры могут быть неприемлемыми для них.

Отношение к культуре своей страны и других стран проявилось следующим образом: у 81% респондентов нет предубеждений по отношению к инокультурным партнёрам по коммуникации. В то же время о наличии предубеждения говорят 19%, при этом 10% считают культуру своей страны лучше культуры других стран.

В ситуации межкультурного общения 88% уверены, что у них получится осуществить взаимодействие (в противовес 12%). Уверенность в себе при общении выразили 69%, в то время как 31% такой уверенности не имеют. Большинство опрошенных отметили желание и заинтересованность находиться в межкультурной среде – на это указали 86,6%, однако 13,4% негативно относятся к такой ситуации; 12% отметили у себя отсутствие желания и способности к общению; 1,6% теряют желание общаться, а 13% чувствуют себя некомфортно. Более половины респондентов проявляют активность в общении с другими людьми (58%) и даже утверждают, что всегда знают, что сказать, общаясь с иностранцами. Другие опрошенные (21,7%) испытывают трудности при необходимости высказываться перед представителями других культур.

В ситуации межкультурного общения респонденты проявляют рациональный и взвешенный подход, полагая, что прежде чем составить мнение о человеке из другой культуры, необходимо выждать и присмотреться (88%), внимательно понаблюдать за ним (84%), а в процессе общения попытаться выяснить как можно больше информации (90%). В плане понимания высказываний других людей самовосприятие респондентов различается: 50% считают, что, контактируя с представителями

другой культуры, хорошо воспринимают намёки, тонкости и нюансы, а также невысказанные значения; другая половина, по их мнению, такими способностями не обладают. Девяносто процентов указали, что они пользуются вербальными и невербальными средствами при общении, чтобы объясниться со своим собеседником и добиться понимания.

Конформизм в общении с представителями других культур проявляют около половины опрошенных (52,5%): в процессе межкультурной коммуникации они готовы часто соглашаться с тем, что говорят другие люди; 47,5% воспринимают информацию критически, утверждая, что не готовы соглашаться с партнёрами по общению и будут отстаивать собственную позицию.

Для расчёта общего уровня межкультурной сенситивности вычислялся интегральный показатель. Затем для определения выраженности каждого из компонентов рассчитывался средний показатель по каждому фактору (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Уровень межкультурной сенситивности
Degree of intercultural sensitivity

Межкультурная сенситивность (факторы)	Среднее значение	Стандартное отклонение	Мин. значение	Макс. значение
Включённость во взаимодействие	3,18	0,29	2,57	3,50
Уважение культурных различий	3,35	0,43	2,54	3,72
Степень уверенности в себе при коммуникации	2,89	0,17	2,63	3,05
Удовольствие от взаимодействия	3,38	0,26	3,00	3,64
Аналитический подход к общению	3,01	0,41	2,54	3,31
Общий показатель сенситивности	3,16	0,35	2,54	3,72

Как следует из приведённых данных, общий уровень межкультурной сенситивности в рамках выборки выше среднего. Однако отдельные компоненты, входящие в это понятие, имеют разный уровень выраженности. Так, наиболее выраженными факторами оказались «уважение культурных различий» и «удовольствие от взаимодействия» – 3,35 и 3,38 соответственно. Наименее сформированным компонентом стала «степень уверенности в себе при коммуникации» – 2,89. Следует отметить, что схожие результаты были получены в исследованиях, проводимых ранее [Помуран, Кириченко 2019; Altan 2018; Bae, Song 2017; Bosuwon 2017; Zhang, Han 2019].

Кроме того, учитывая стандартное отклонение, минимальные и максимальные значения компонентов, можно предположить, что внутри выборки существуют достаточно заметные различия, выявить которые возможно, замерив и проанализировав общие показатели межкультурной сенситивности у разных групп респондентов. Так, в своей работе, обосновывающей структуру и валидность шкалы межкультурной сенси-

тивности, Г. М. Чен и Дж. Староста делают предварительные выводы о возможности влияния на сенситивность таких переменных, как возраст, пол, уровень образования и др.

Анализ уровня межкультурной сенситивности у мужчин и женщин в рамках выборки показал близкий результат: у женщин среднее значение составило 3,12 ($\sigma = 0,36$), а у мужчин – 3,08 ($\sigma = 0,32$). Аналогичные результаты описываются в ряде публикаций, очевидно свидетельствуя о том, что в целом пол не влияет на межкультурную сенситивность личности [Тучина 2018; Altan 2018; Bosuwon 2017; Drandić 2016].

Интерес представляет сравнение уровня межкультурной сенситивности у респондентов, сгруппированных в зависимости от их фактического опыта поездок за границу и/или общения с представителями иных культур в различных ситуациях. Для проведения анализа были выделены следующие три группы студентов: (1) не имеющие опыта посещения других стран, (2) выезжавшие только на отдых и (3) те, кто, помимо отпуска, имели опыт обучения, работы, волонтерства и т. д. за рубежом. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 (Table 2)

Межкультурная сенситивность и опыт межкультурного общения.
Intercultural sensitivity and experience in intercultural communication

Группа респондентов	% от общего числа выборки	Межкультурная сенситивность	Стандартное отклонение
Не выезжавшие за рубеж	20	3,07	0,36
Выезжавшие только в отпуск	46	3,07	0,34
Имеющие опыт работы, волонтерства, обучения и др. за границей	34	3,20	0,37

Большую часть респондентов составили студенты, либо не имеющие опыта зарубежных поездок (20%), либо те, кто выезжали только на отдых (46%). Эти группы имеют одинаковый уровень межкультурной сенситивности (3,07 и 3,07 соответственно). Треть опрошенных (33%), отвечая на вопрос об опыте посещениях других стран и межкультурной коммуникации, указали не только поездки в отпуск, но и иные ситуации, предполагающие общение с другими культурами (опыт волонтерства, обучения и работы за границей). Показательно, что уровень межкультурной сенситивности этой группы оказался выше – 3,20, что также соответствует закономерностям, выявленным в предыдущих работах по теме [Huang 2013; Ruiz-Bernardo et al. 2012].

В рамках исследования также ставился вопрос, зависит ли межкультурная сенситивность от успеваемости респондентов. В ходе опроса им предлагалось оценить свои учебные достижения как «средние», «хорошие» и «отличные», после чего были вычислены показатели уровня сенситивности для этих групп. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3 (Table 3)

Межкультурная сенситивность и академическая успеваемость
Intercultural sensitivity and academic performance

Успеваемость респондентов	% от общего числа выборки	Межкультурная сенситивность	Стандартное отклонение
Средняя	5,0	2,92	0,47
Хорошая	62,5	3,12	0,34
Отличная	32,5	3,12	0,37

Таким образом очевидно, что в рамках выборки студенты с отличной и хорошей успеваемостью показали одинаковый уровень межкультурной сенситивности. Малое количество участников опроса, охарактеризовавших себя как «средних» студентов, не позволяет на данный момент сделать однозначные выводы о разнице между ними и более академически успешными сверстниками. Однако задача выявления наличия/отсутствия такой зависимости представляется целесообразной в рамках дальнейших исследований.

Заключение

Анализ данных опроса показал, что респонденты демонстрируют готовность и открытость к взаимодействию с представителями других культур, проявляя любопытство и интерес к их особенностям, выражают готовность сравнивать и анализировать культурные различия. Большинство опрошенных позитивно реагируют на партнёров по общению, считают необходимым проявлять толерантность и уважение, испытывают положительные эмоции в процессе общения, и даже приветствуют культурные различия другой стороны.

В то же время значительное количество опрошенных проявляют осторожность в общении, стараясь предварительно получить как можно больше информации о собеседнике, прежде чем формировать собственное мнение. У респондентов есть понимание того, что у представителей разных культур будут наблюдаться значительные особенности, что надо сначала увидеть эти отличия, проанализировать их, прежде чем делать выводы и воплощать их в некие формы поведения.

Часть респондентов указали на наличие предубеждения по отношению к представителям других культур, однако это не отразилось негативно на осознании ими необходимости уважительно относиться к особенностям другой культуры.

Значительная часть респондентов подчёркивает важность собственной культуры, выражает желание сохранить национальную идентичность, демонстрирует гордость за свою культуру, желание отстаивать свои позиции, сохраняя при этом готовность к консенсусу и уважение к мнению и культуре партнёра по коммуникации.

Результаты проведённого исследования показывают, что значение общего показателя межкультурной сенситивности в рамках выборки выше среднего, при этом компоненты, входящие в структуру сенситивно-

сти, оказались выраженными в разной степени у выборки в целом. Наиболее выраженными факторами межкультурной сенситивности оказались увлечённость и интерес к общению. Наименее сформированным стал показатель уверенности в себе при коммуникации. Кроме того, удалось выявить наличие связи между предыдущим опытом межкультурного общения и общим уровнем сенситивности.

Показатели, которые не так сильно сформированы, могут быть улучшены в рамках учебного процесса за счёт разработки соответствующих тренингов, программ и мероприятий, направленных на развитие межкультурного взаимодействия.

Библиографический список

Ишкинеева Ф. Ф., Озерова К. А., Кавеева А. Д., Ахметова С. А., Фурсова В. В. 2017. Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе // Вестник Института социологии. № 20. С. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.444>

Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г., Мартынова М. Ю. 2003. Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности. М.: РУДН. 266 с.

Логашенко Ю. А. 2015. Межкультурная сенситивность студентов в полиэтничной среде: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05. СПб.: СПбГУ. 240 с.

Международное сотрудничество НИУ ВШЭ // URL: <https://www.hse.ru/figures/#international> (Дата посещения: 25.11.2019).

Наролина В. И. 2009. Культурологический компонент иноязычного образования специалиста медико-социального профиля // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики. Ч. 1. Курск, М. С. 67–70.

Плужник И. Л. 2003. Формирование межкультурной коммуникативной компетентности студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: автореф. дисс. ... докт. пед. наук. Тюмень // URL: <http://www.tmnlib.ru/jirbis/files/upload/abstract/13.00.01/1605.pdf> (Дата посещения: 16.09.2019).

Помуран Н. Н., Кириченко Е. Н. 2019. Специфика формирования межкультурной сенситивности у студентов-лингвистов // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 21. № 2. С. 414–420. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-414-420>

Почебут Л. Г. 2013. Межкультурная коммуникативная компетентность как выражение человеческих отношений // Психологический журнал. Т. 34. № 4. С. 5–15.

Тучина О. Р. 2018. Исследования толерантности и межкультурной компетенции современных студентов // Научные труды КубГТУ. № 5. С. 182–189.

Adler N. J., Bartholomew S. 1992. Academic and professional communities of discourse: generating knowledge on transnational human resource management // Journal of International Business Studies. Vol. 23. № 3. P. 551–569.

Altan M. 2018. Intercultural Sensitivity. A study of Pre-service English Language Teachers // Journal of Intercultural Communication. № 46. URL: <http://immi.se/intercultural/nr46/altan.html> (Дата посещения: 25.07.2020).

Bae S. Y., Song H. 2017. Intercultural sensitivity and tourism patterns among international students in Korea: using a latent profile analysis // Asia Pacific Journal of Tourism Research. Vol. 22. № 4. P. 436–448. DOI: [10.1080/10941665.2016.1276087](https://doi.org/10.1080/10941665.2016.1276087)

Bennett M. J. 1984. Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity. Paper presented at the Annual Conference of the Council on International Exchange, Minneapolis, Minnesota.

Bosuwon T. 2017. Social Intelligence and Communication Competence: Predictors of Students' Intercultural Sensitivity. English Language Teaching: 10: 2. DOI: [10.5539/elt.v10n2p136](https://doi.org/10.5539/elt.v10n2p136)

Byram M. 2000. Assessing Intercultural Competence in Language Teaching. Sprogforum. Vol. 18. № 6. P. 8–13.

Chen G. M., Starosta W. J. 1996. Intercultural communication competence: A synthesis // Communication Yearbook. Vol. 19. P. 353–384.

Chen G. M., Starosta W. J. 2000. The development and validation of the intercultural sensitivity scale // Human Communication. T. 3. P. 1–15.

Chen G. M., Starosta W. J. 2005. Foundations of intercultural communication // Intercultural communication. Landham, Md. University Press of America. № 12. 340 p.

Drandić D. 2016. Intercultural Sensitivity of Teachers // Croatian Journal Educational – Hrvatski Casopis za Odgoj i Obrazovanje. Vol. 18. № 3. P. 837–857. doi:[10.15516/cje.v18i3.1751](https://doi.org/10.15516/cje.v18i3.1751)

Fantini A., Tirmizi A. 2006. Exploring and Assessing Intercultural Competence // World Learning Publications. URL: http://digitalcollections.sit.edu/worldlearning_publications/1 (Дата посещения: 12.04.2019).

Fritz W., Mollenberg A., Chen G. M. 2002. Measuring Intercultural Sensitivity in Different Cultural Contexts // Intercultural Communication Studies. Vol. 11. № 2. P. 165–176.

Gertsen M. C. 1990. Intercultural competence and expatriates // International Journal of Human Resources Management. Vol. 11. № 3. P. 341–362.

Goby P. V. 2007. Business communication needs a multicultural perspective // Journal of Business and Technical Communication. Vol. 21. № 4. P. 425–437. <https://doi.org/10.1177/1050651907304029>

Huang M. L. 2013. Research into Assessment of the Intercultural Sensitivity Among University Students of Science and Technology // Sino-US English Teaching. Vol. 10. № 2. P. 110–116.

Klak T., Martin P. 2003. Do university-sponsored international cultural events help students to appreciate differences? // International Journal of Intercultural Relations. Vol. 27. P. 445–465. [http://dx.doi.org/10.1016/S0147-1767\(03\)00033-6](http://dx.doi.org/10.1016/S0147-1767(03)00033-6)

Leiba-O'Sullivan S. 1999. The distinction between stable and dynamic cross-cultural competencies: implications for expatriate training // Journal of International Business Studies. Vol. 30. № 4. P. 709–725.

Lenartowicz T., Johnson J. P., Apud S. 2006. Cross-Cultural Competence in International Business: Toward a Definition and a Model // Journal of International Business Studies. Vol. 37. № 4. P. 525–543.

Matsumoto D., Hwang H. C. 2013. Assessing Cross-Cultural Competence: A Review of Available Tests // Journal of Cross-Cultural Psychology. Vol. 44. № 6. P. 849–873. DOI: 10.1177/0022022113492891

Merkin R., Taras V., Steel P. 2013. State of the art themes in cross-cultural communication research: a systematic and meta-analytic review // International Journal of Intercultural Relations. № 38. P. 1–23.

Neuliep J. W. 2011. Intercultural communication: A contextual approach 5th ed. Sage Publications. 488 p.

Olson C. L., Kroeger K. R. 2001. Global competency and intercultural sensitivity // Journal of Studies in International Education. Vol. 5. № 2. P. 116–137. <https://doi.org/10.1177/102831530152003>

Ruiz-Bernardo P., Ferrández-Berruero R., Sales-Ciges M-A. 2012. Application of the CIPP model in the study of factors that promote intercultural sensitivity // RELIEVE. Vol. 18. № 2. DOI: 10.7203/relieve.18.2.1987

Ruiz-Bernardo P., Sanchiz-Ruiza M. L., Gil-Gymeza J. 2014. Study of intercultural sensitivity among young people in the province of Castellón, Spain // Procedia – Social and Behavioral Sciences. № 132. P. 318–323.

Ruokonen I., Kairavuoria S. 2012. Intercultural Sensitivity of the Finnish Ninth Graders // Procedia – Social and Behavioral Sciences. № 45. P. 32–40.

Sercu L., Bandura E. 2005. Foreign Language Teachers and Intercultural Competence: An International Investigation. Clevedon: Multilingual Matters. 232 p.

Straffon D. A. 2003. Assessing the intercultural sensitivity of high school students attending an international school // International Journal of Intercultural Relations. Vol. 27. № 4. P. 487–501. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(03\)00035-X](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(03)00035-X)

Zhang R., McCornac D. 2013. Intercultural Awareness via Improvements in Intercultural Communication. The Need for Change in Japan // Journal of Intercultural Communication. № 32. URL: <http://immi.se/intercultural/nr32/zhang.html> (Дата посещения 17.10.2019).

Zhang Y., Han E-J. 2019. Comparative Study of Intercultural Sensitivity of College Students in Two Distinctive Institutions in the U.S. // Journal of Intercultural Communication Research. Vol. 48. № 5. P. 477–493. DOI: [10.1080/17475759.2019.1662825](https://doi.org/10.1080/17475759.2019.1662825)

Zhou C., Griffiths C. 2011. Intercultural Communicative Competence // English Language and Literature Studies. Vol. 1. № 2. DOI:10.5539/ells.v1n2p113

Статья поступила 16.03.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельянова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, доцент Департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Факультета гуманитарных наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

Воронина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Факультета гуманитарных наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.682

In Regards to How Well-Prepared Future Professionals are to Live and Work in Conditions of Multiculturalism

Natalya A. Emelyanova

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: nemelyanova@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-8036-0721

Elena A. Voronina

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: evoronina@hse.ru

ORCID ID:0000-0002-4323-7409

For citation: Emelyanova N. A., Voronina E. A. In regards to how well-prepared future professionals are to live and work in conditions of multiculturalism. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 126–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.682

Abstract. What makes this article relevant is the fact that, given the current context of multiculturalism, the communication process is fundamental for many aspects and functions of the business environment. Ever accelerating processes of integration in the field of economics and business, the population becoming more active in terms of migration, academic mobility – this calls for mastering intercultural communication (ICC) skills, which are gradually gaining more relevance and importance. People are beginning to realize that possessing a certain level of knowledge and skill in the realm of ICC is becoming a necessary component for success in any professional field. The main goal of the presented study is to determine how well-prepared today's students, who in the future are slated to become experts in their respective fields, are for living and functioning in a context of multiculturalism. A precondition for developing multicultural competencies would be the awareness of cultural and national differences, which needs to be based on intercultural sensitivity. This particular aspect was analyzed by the authors with the help of a questionnaire titled "scale of intercultural sensitivity", developed by G. Chen and J. Starosta. This questionnaire consists of 24 statements and covers 5 factors which its authors attribute to the concept of intercultural sensitivity: involvement in interaction, respect for cultural differences, degree of confidence when communicating, pleasure from interaction, an analytical approach towards conversing. The study was conducted among bachelor and masters degree students at the Nizhny Novgorod campus of the Higher School of Economics in 2017–2019. The following aspects were subject to analysis: attitudes towards cultural traits and people from other nations, self-evaluation of the perception of one's own and foreign cultures, predicting behavioral reactions when finding oneself in an international environment. In the process of analysis, the dependence was considered between the level of intercultural sensitivity and the respondents' gender, grade points, experience of interacting with people from foreign cultures. Openness, willingness to communicate and respect towards one's partner in communication, and conversely suspicion and even prejudice towards people of foreign cultures were all identified within the sample. The results of this study will allow for finding a more efficient approach towards resolving issues associated with enhancing intercultural competencies as part of the education process.

Keywords: sociology, Intercultural Sensitivity Scale; cross-cultural competence; cross-cultural communication; multiculturalism; cultural values; intercultural sensitivity

References

Adler N.J., Bartholomew S. Academic and professional communities of discourse: generating knowledge on transnational human resource management. *Journal of International Business Studies*, 1992: Vol. 23:1: 551–569.

Altan M. Intercultural Sensitivity. A study of Pre-service English Language Teachers. *Journal of Intercultural Communication*, 2018: Vol. 46. Available at: <http://immi.se/intercultural/nr46/altan.html> (accessed 25.07.2020).

Bae S.Y., Song H. Intercultural sensitivity and tourism patterns among international students in Korea: using a latent profile analysis. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 2017: vol. 22:4:436–448. DOI: [10.1080/10941665.2016.1276087](https://doi.org/10.1080/10941665.2016.1276087)

Bennett M. J. Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity. Paper presented at the Annual Conference of the Council on International Exchange, Minneapolis, 1984.

Bosuwon T. Social Intelligence and Communication Competence: Predictors of Students' Intercultural Sensitivity. *English Language Teaching*, 2017: vol. 10: 2. DOI: [10.5539/elt.v10n2p136](https://doi.org/10.5539/elt.v10n2p136)

Byram M. Assessing Intercultural Competence in Language Teaching. *Sprog forum*, 2000:Vol.18:6:8–13.

Chen G.M., Starosta W.J. Foundations of intercultural communication. Intercultural communication. Vol.12 Landnham, Md. University Press of America, 2005: 340.

Chen G.M., Starosta W.J. Intercultural communication competence: A synthesis. *Communication Yearbook*, 1996: Vol. 19:353–384.

Chen G.M., Starosta W.J. The development and validation of the intercultural sensitivity scale. *Human Communication*, 2000: 3: 1–15.

Drandić D. Intercultural Sensitivity of Teachers. *Hrvatski Casopis za Odgoj I Obrazovanje = Croatian Journal Educational*, 2016: vol. 18:3: 837–857. DOI:[10.15516/cje.v18i3.1751](https://doi.org/10.15516/cje.v18i3.1751)

Fantini A., Tirmizi A. Exploring and Assessing Intercultural. World Learning Publications. 2006. Available at: http://digitalcollections.sit.edu/worldlearning_publications/1(accessed: 12.04.2019).

Fritz W., Mollenberg A., Chen G. M. Measuring Intercultural Sensitivity in Different Cultural Contexts. *Intercultural Communication Studies*, 2002:Vol. 11:2:165–176.

Gertsen M.C. Intercultural competence and expatriates. *International Journal of Human Resources Management*, 1990: vol. 11: 3: 341–362.

Goby P.V. Business communication needs a multicultural perspective. *Journal of Business and Technical Communication*, 2007: vol. 21:4: 425–437. DOI: [10.1177/1050651907304029](https://doi.org/10.1177/1050651907304029)

Huang M.L. Research into Assessment of the Intercultural Sensitivity Among University Students of Science and Technology. *Sino-US English Teaching*, 2013:Vol.10:2:110–116.

Ishkineeva F., Ozerova K., Kaveeva A., Akhmetova S., Fursova V. The international nature of modern education: foreign students' adaptation to Russian universities. *Vestnik instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017:Vol. 8:1:35–54 (In Russ.). DOI: [10.19181/vis.2017.20.1.444](https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.444)

Klak T., Martin P. Do university-sponsored international cultural events help students to appreciate differences? *International Journal of Intercultural Relations*, 2003: 27: 445–465. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0147-1767\(03\)00033-6](http://dx.doi.org/10.1016/S0147-1767(03)00033-6)

Lebedeva N.M., Luneva O.V., Stefanenko T.G., Martynova M.Y. Training the ethnocultural competence. Moscow, RUPF publ., 2003: 266 (In Russ.)

Leiba-O'Sullivan S. The distinction between stable and dynamic cross-cultural competencies: implications for expatriate training. *Journal of International Business Studies*, 1999: vol. 30:4:709–725.

Lenartowicz T., Johnson J. P., Apud S. Cross-Cultural Competence in International Business: Toward a Definition and a Model. *Journal of International Business Studies*, 2006:Vol. 37:4:525–543.

Logashenko Y.A. Intercultural sensitivity of students in a poly-ethnic environment: dissertation for the degree of Candidate of Psychological Sciences. Saint-Petersburg, SPSU publ., 2015: 240.

Matsumoto D., Hwang H. C. Assessing Cross-Cultural Competence: A Review of Available Tests. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013: Vol. 44: 6: 849–873. DOI: [10.1177/0022022113492891](https://doi.org/10.1177/0022022113492891)

Merkin R., Taras V., Steel P. State of the art themes in cross-cultural communication research: a systematic and meta-analytic review. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013: Vol. 38: 1–23

Narolina V. I. Foreign language learning by socio-medical specialists: the culturological component. In: *Cross-cultural communication: theory and practice. Part one*. Kursk, Moscow, 2009: 67–70 (In Russ.)

Neuliep J. W. *Intercultural communication: A contextual approach*. 5th ed. London, Sage, 2011: 488

Olson C. L., Kroeger K. R. Global competency and intercultural sensitivity. *Journal of Studies in International Education*, 2001: Vol. 5: 2: 116–137. DOI: [10.1177/102831530152003](https://doi.org/10.1177/102831530152003)

Pluzhnik I. L. Developing cross-cultural competence of students majoring in Humanities during professional training: Synopsis of a doctoral thesis (Pedagogical Sciences). Tiumen, 2003 (In Russ.).

Pochebut L. G. Cross-cultural competence as an expression of human relations. *Psikhologicheskii zhurnal = Journal of Psychology*, 2013: Vol. 34: 4: 5–15 (In Russ.).

Pomuran N. N., Kirichenko E. N. Developing Intercultural Sensitivity in Students of Linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2019: Vol. 21: 2: 414–420 (In Russ.). DOI: [10.21603/2078-8975-2019-21-2-414-420](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-414-420)

Ruiz-Bernardo P., Ferrández-Berruero R., Sales-Ciges M.-A. Application of the CIPP model in the study of factors that promote intercultural sensitivity. *RELIEVE*, 2012: Vol. 18: 2. DOI: [10.7203/relieve.18.2.1987](https://doi.org/10.7203/relieve.18.2.1987)

Ruiz-Bernardo P., Sanchiz-Ruiza M. L., Gil-Gymez J. Study of intercultural sensitivity among young people in the province of Castellón, Spain. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014: Vol. 132: 318–323.

Ruokonena I., Kairavuoria S. Intercultural Sensitivity of the Finnish Ninth Graders. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012: vol. 45: 32–40.

Sercu L., Bandura E. *Foreign Language Teachers and Intercultural Competence: An International Investigation*. Clevedon, Multilingual Matters, 2005.

Straffon D. A. Assessing the intercultural sensitivity of high school students attending an international school. *International Journal of Intercultural Relations*: 2003: Vol. 27: 4: 487–501. DOI: [10.1016/S0147-1767\(03\)00035-X](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(03)00035-X)

Tuchina O. R. The study of tolerance and multicultural competence of modern students. *Nauchnye trudy KubGTU = Transactions of Kuban State University of Technologies*, 2018: 5: 182–189 (In Russ.).

Zhang R., McCornac D. Intercultural Awareness via Improvements in Intercultural Communication. The Need for Change in Japan. *Journal of Intercultural Communication*, 2013: 32.

Zhang Y., Han E.-J. Comparative Study of Intercultural Sensitivity of College Students in Two Distinctive Institutions in the U.S. *Journal of Intercultural Communication Research*, 2019: vol. 48: 5: 477–493. DOI: [10.1080/17475759.2019.1662825](https://doi.org/10.1080/17475759.2019.1662825)

Zhou C., Griffiths C. Intercultural Communicative Competence. *English Language and Literature Studies*, 2011: 1(2). DOI: [10.5539/ells.v1n2p113](https://doi.org/10.5539/ells.v1n2p113)

The article was submitted on: March 16.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Emelyanova Natalya Alexandrovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

Voronina Elena Anatolyevna, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.683

Потенциал субъектности населения в отношении национальных проектов

Ссылка для цитирования: Мерзляков А. А. Потенциал субъектности населения в отношении национальных проектов // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 143–166. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.683

For citation: Merzlyakov A. A. The population's potential for subjectness in regards to national projects. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 143–166. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.683

Мерзляков Андрей Александрович

Институт социологи ФНИСЦ РАН,
Россия, Москва

merzliakov@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [607540](#)

Аннотация. Статья посвящена оценке потенциала субъектности населения в отношении реализации национальных проектов, т. е. готовности населения своими действиями, активностью способствовать их реализации: не просто соглашаться с намеченными целями и задачами, но и активно участвовать в их достижении¹. Эмпирическим материалом исследования послужили результаты первого (пилотного) этапа исследовательского проекта РНФ «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

Представлено научное понимание субъектности населения с позиции социологии управления. Предметом исследования субъектности было выявление и изучение способов конструирования отношений между субъектами с целью совместного решения значимых для этих субъектов проблем. Субъектность населения характеризуется взаимодействием между обществом и властью, где для общества значимым является способность к самоорганизации в качестве полноценного социального субъекта, а для власти – создание условий для конструктивного диалога.

Полученные результаты позволяют говорить о наличии в обществе потенциала субъектности населения, готовности к активной поддержке национальных проектов. Выявлены группообразующие признаки формирования субъектности населения: социоментальные, социально-структурные и поведенческие. Дана оценка её ресурсной базы, которая характеризуется высоким уровнем самоорганизации, активной гражданской позицией, большим управленческим опытом и достаточным административным ресурсом.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ №19-18-00345.

Проанализированы сформировавшиеся общественные установки на взаимодействие с органами власти в обсуждении национальных проектов. Отмечено, что установки социально активных групп населения в большинстве своём носят функциональный (конструктивный), а не дисфункциональный (деструктивный) характер, они ориентированы на сотрудничество с властью для успешной реализации запланированных национальных проектов, что позволит оперативно и эффективно решать возникающие вопросы, не доводя их до открытых конфликтов.

Ключевые слова: социология, управление, субъектность населения, национальные проекты, общественные установки, группообразующие признаки субъектности, властно-управленческая вертикаль

Введение

В мае 2018 г. были анонсированы 12 национальных проектов, ориентированных на устойчивое стратегическое развитие и улучшение социально-экономической ситуации в нашей стране¹. Само слово «национальный» говорит о том, что данные проекты направлены на существенное улучшение благосостояния и социального самочувствия наших граждан в различных сферах жизнедеятельности. С принятием данного решения можно говорить о том, что началась новая глава в сохранении существующей модели управления и соблюдении условий действующего общественного договора между властью и населением [Тихонов 2017].

Реализация национальных проектов осуществляется в условиях усиления роли России на международной арене, однако внутренние проблемы в большинстве своём сохранились. Предыдущие попытки общероссийских реформ, проведённых в прошлом десятилетии (можно, например, вспомнить государственную программу модернизации), не увенчались должным успехом, что поставило под сомнение устойчивость сложившегося общественного договора, характеризующего особенности взаимодействия между властно-управленческой вертикалью и населением [Карачаровский 2017].

Опыт прошлых лет показывает, что любые изменения, носящие социально значимый характер, без должного учёта общественного мнения оказываются бессмысленными, а в особо критических ситуациях приводят к росту недовольства и протестной активности [Тоценко 2019]. Рассматривая национальные проекты как масштабное, социально значимое управленческое решение, важно понимать, что успешность их реализации, с одной стороны, требует концентрации и конкретизации лиц (субъектов), которые будут выполнять эти проекты (с обязательным

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Веб-сайт «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата посещения: 03.05.2020).

определением круга ответственности исполняющих), а с другой стороны, нуждается в поддержке и одобрении данного решения населением [Лепский 2015].

Все это приводит нас к необходимости определения круга субъектов, способных успешно выполнять национальные проекты. Ни у кого не вызывает сомнения, что в ходе реализации национальных проектов в качестве субъектов будут выступать органы власти различных уровней, ведомственные организации (профильные министерства и т. п.), а также крупный бизнес (корпорации), который получит контракты на выполнение данных проектов. Возможно, будут привлечены научные учреждения и общественные организации, а по некоторым направлениям не исключено и участие представителей среднего и малого бизнеса. В этой связи возникает вопрос, как и какими образом будет привлечён главный субъект, он же конечный потребитель национальных проектов – население регионов. И что не менее важно – хочет ли данный субъект участвовать; если да, то какие группы населения готовы включаться в реализацию национальных проектов, какие формы взаимодействия для него наиболее приемлемы. Другими словами, проявляет ли население свою субъектность.

Концептуальные основания исследования субъектности населения

Категориальный аппарат для изучения феномена субъектности в социологии ещё формируется. Исходным является понятие «субъект», который рассматривается как источник активной деятельности, обоснованной его сознанием и волей [Радченко 2012: 74]. Субъектность трактуют как системное качество субъекта, наличие которого и делает субъект тем, чем он является.

Особенности социологического подхода к пониманию субъектности заключаются прежде всего в значительном внимании к изучению личности как социального субъекта. Данная трактовка восходит к трудам М. Вебера и его рационального поведения человека. Субъектность связана с пониманием личности как деятеля (творца, автора) [Социология 2001: 235]. Признаком подлинного социального субъекта становится способность не только делать осознанный выбор, но и реализовывать его. В этой связи субъектность рассматривается как способность субъекта быть творцом социальной реальности [Дарган 2019: 82; Гиллер 2006].

Социология сфокусирована не столько на самом социальном субъекте, сколько на его взаимодействии с другими индивидами и соотношении себя с определённой группой. К. Маркс и Т. Парсонс отмечали зависимость проявления субъектности не только от внутренних потребностей личности (мотивационной структуры, рационального поведения и т. п.), но и от идентификации и соотношения личности с определённой социальной группой или общностью [Старикова 2009: 125–126].

Начиная с середины XX века в социологии произошла трансформация научного осмысления категории субъектности. Вместо отдельных индивидов в качестве основных субъектов общественной деятельности начинают рассматривать классы, социальные группы. В это время в социологии термин «субъектность» обозначает свойство не отдельного человека, а общностей и групп, и даже социальных институтов, являющихся коллективными субъектами.

В настоящее время под субъектностью в социологии понимается системное свойство индивида или группы (общности), характеризующееся способностью делать осознанный, самостоятельный выбор, и реализовывать его в поле социальных отношений с другими субъектами социального действия и взаимодействия.

Социология управления строит свою работу на признании особой роли формирования механизмов субъектности всех участников совместной деятельности (как явных, так и латентных, внешних и внутренних, управляющих и управляемых) и исследовании факторов, определяющих её место и роль в процессе поиска и реализации конструктивных решений.

В социологии управления субъектность исследуется с позиций конструирования отношений между субъектами с целью решения значимых для них проблем.

Особую актуальность субъектность имеет для анализа социальных отношений между властно-управленческой вертикалью и населением. Необходимо выяснить, какие социальные группы/общности формируют современную повестку дня, т. е. являются реальным (а не номинальным) субъектом управления, и насколько интересы этих групп совпадают с интересами населения, пользуются ли они общественной поддержкой. Другой важный аспект данной проблематики – оценка способности населения быть субъектом и через своих представителей оказывать реальное влияние на существующую систему управления. Как отмечает А. В. Тихонов, «субъектность населения подразумевает новый качественный аспект отношений между субъектами социального действия и взаимодействия (в данном случае между властью и населением. – Прим. авт.) в условиях повышения роли спонтанных нелинейных связей в процессах организации и самоорганизации» [Россия: реформирование... 2017: 130].

По нашему мнению, субъектность населения определяется через систему взаимодействий между обществом и властью, где для общества значимым является способность к самоорганизации в качестве полноценного социального субъекта, а для власти – создание условий для конструктивного диалога. Проверка данной гипотезы и стала ключевой задачей нашего исследования.

Само исследование носит проективный, прогнозный характер и направлено на выявление намерений и готовности населения объединяться с целью дальнейшего взаимодействия с другими социальными субъектами по реализации национальных проектов.

Следует отметить, что в данном случае респонденты выступают в позиции экспертов. Выставленные ими оценки не только дают возможность получить срез общественного мнения по различным социально значимым проблемам, существующим в регионе (в нашем исследовании фиксация мнений проводилась по 33 показателям, характеризующим состояния положения дел в регионе), но и зафиксировать уровень общественной поддержки деятельности региональных и местных властей в отношении их способности решать существующие проблемы, в том числе и в рамках реализации национальных проектов.

Такой исследовательский подход обусловлен тем, что любое социально значимое событие (к которым, безусловно, можно отнести национальные проекты) оценивается индивидом и обществом. Человек становится сопричастным событию, а возникающая «индивидуальная множественность» предполагает появление веера отличающихся друг от друга оценок. Применительно к нашему исследованию это означает, что рядовой гражданин, несмотря на то, что непосредственно не включён в реализацию национальных проектов, формирует в своём сознании собственное отношение к тому, как эти проекты реализуются (от полного одобрения до тотального недоверия). Он делает собственный выбор в отношении их возможной поддержки и готовности к участию и взаимодействию с другими субъектами в рамках их осуществления, тем самым проявляя свою субъектность.

В ходе исследования важно было ответить на вопрос, готово ли население непосредственно включаться в процессы выполнения национальных проектов, влиять на механизмы их реализации или оно согласно остаться пассивным наблюдателем того, как будут происходить запланированные действия. Необходимо различать отношение населения к национальным проектам и его готовность к участию в их реализации. Мало кто поставит под сомнение, что проблемы, на решение которых ориентированы национальные проекты, будут положительно восприняты населением, поскольку они нацелены на решение актуальных, социально значимых проблем. Другое дело – готовность своими действиями, знаниями, активностью способствовать их реализации, т. е. не просто соглашаться с намеченными целями и задачами, но и активно участвовать в их воплощении. По нашему мнению, это и есть потенциал проявления субъектности населения.

Именно для определения такого потенциала в ходе исследования был задан вопрос о готовности населения принимать участие в мероприятиях по поддержке реализации национальных проектов. Результаты исследования позволяют констатировать, что в регионах, попавших в выборку, зафиксирован определённый потенциал субъектности населения в отношении национальных проектов, но он оказался неоднозначным. Как показано в таблице 1, в зависимости от конкретного национального проекта потенциал субъектности населения меняется.

Таблица 1 (Table 1)

Уровень готовности населения к участию в поддержке национальных проектов
Degree of the population's willingness to actively support national projects

Наименование национального проекта	%
Здравоохранение	53
Жильё и городская среда	50
Образование	50
Экология	48
Автомобильные дороги	46
Культура	42
Производительность труда и поддержка занятости	41
Демография	38
Малое и среднее предпринимательство	35
Наука	35
Цифровая экономика	29
Международная кооперация и экспорт	28

Закономерно возникает вопрос, кто эти люди, готовые участвовать в мероприятиях по реализации национальных проектов, какими общими, схожими признаками они обладают, какие установки в отношении взаимодействия и возможной совместной работы с органами власти преобладают в их сознании. В этой связи основная задача данной статьи заключается в оценке содержания сформировавшегося потенциала субъектности населения по отношению к реализации национальных проектов. Для выполнения данной задачи необходимо, во-первых, определить, какие именно социальные группы готовы активизировать свою деятельность и принимать участие в обсуждении национальных проектов, а также оценить их ресурсную базу; во-вторых, зафиксировать характер их субъектности (функциональный или дисфункциональный), какие установки в ходе планируемого взаимодействия с властью преобладают в общественном сознании. В конечном итоге это позволит говорить о степени управляемости системы «власть – население» в рамках реализации национальных проектов.

Основные характеристики эмпирического исследования

Социологическое исследование было проведено в рамках первого (пилотного) этапа по исследовательскому проекту РНФ «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года» (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Тихонов А. В.). Метод исследования – анкетный опрос.

Анкета состояла из 56 вопросов, охватывающих широкий круг исследовательских проблем. Для данного исследования особую важность представляли следующие тематические блоки:

- оценка существующих проблем в регионах, а также оценка работы органов власти по их решению, в том числе и по проблемам, являющимся предметом реализации национальных проектов;
- выявление уровня готовности к участию в реализации 12 национальных проектов и формы такого участия;
- анализ общественных оценок относительно деятельности отдельных участников национальных проектов (органов власти всех уровней, общественных организаций, политических партий, научных и образовательных учреждений, активистов социальных сетей и т. д.);
- выявление каналов коммуникации и способов взаимодействия, определение уровня общественной самоорганизации;
- расширенный социально-демографический блок, включающий в себя, помимо стандартных данных (пол, возраст, образование, материальное положение, место работы, вид трудовой деятельности), такие показатели, как национальность, вероисповедание, жилищные условия, семейное положение, политические ориентации и электоральная активность, специфические характеристики организации (предприятия, учреждения), где работает респондент, участие в деятельности общественных организаций и т. д.

Анкетный опрос населения был проведен в 4 субъектах Российской Федерации: Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Белгородская область, Московская область. Период проведения опроса во всех четырёх регионах был одинаковым и проходил с 15 июля по 15 сентября 2019 г. Выборочная совокупность в каждом из опрошенных регионов составила 500 респондентов. Общее количество – 2002 респондента. Выборка строилась методом квот, каждая из которых соответствовала весу группы в генеральной совокупности в расчёте на 1000 человек с избирательным цензом. В качестве квот выступали пол, возраст и образование. Основанием для выборочной совокупности стали данные переписи населения 2010 г. в отобранных регионах по выделенным квотам.

Была проведена оценка валидности полученных данных. Корреляция между их удельными весами в генеральной совокупности и в полученном массиве оказалась весьма высокой: 0,982 по Пирсону; 0,980 по Спирмену и 0,902 по Кендаллу при $Q=99\%$. Для анализа полученных оценок применялся анализ линейных и парных распределений, анализ множественных данных и определение средних значений.

Группообразующие признаки субъектности населения

В научной литературе, в том числе и социологической, существует множество подходов к разделению общества на отдельные группы по разным основаниям. Известно, что люди могут отличаться друг от друга по многим социальным показателям – по полу, возрасту, образованию, социальному положению и т. д. Значимым для социологии управления становится выявление степени влияния решений, принимаемых органами власти и управления, на процессы группообразования. Важно зафиксировать, существует ли такая зависимость и какой характер она носит. Другими словами, являются ли новые социальные группы реакцией на действия властей и принимаемых ими управленческих решений.

Как показали результаты ряда социологических исследований, проведённых в том числе и в центре социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, при возникновении в обществе новой, социально значимой проблемы, как реакция на неё формируются социальные группы, объединяющие людей с общей или схожей позицией по отношению к этой проблеме [Россия: реформирование... 2017]. В нашем случае базовыми группами выступают граждане, готовые включаться в реализацию национальных проектов, тем самым проявив свою субъектность, и граждане, которые не намерены этого делать. Нас особо интересует первая группа. Подчеркнём, – выделенные нами группы условны, не являются реальными объединениями граждан.

По результатам исследования удалось выделить следующие ключевые признаки, оказывающие влияние на формирование социально активных групп населения. К таким признакам можно отнести социоментальные, т. е. объединённые определёнными социально-психологическими установками, единым отношением к рассматриваемому управленческому решению. Вторым признаком группообразования субъектности выступают социально-структурные признаки, выделяющие социальные группы по некоторым объективным факторам, в том числе социально-демографическим. Третий группообразующий признак – поведенческий, объединение групп происходит по схожей модели поведения в определённых условиях.

Социоментальные признаки

Одним из ключевых социоментальных признаков является оценка жителями сложившейся социально-экономической ситуации в регионе и действий органов власти по решению существующих проблем. Были проанализированы возможные связи готовности к участию населения в национальных проектах, во-первых, с оценкой населением степени проблемности и актуальности сложившейся в регионе ситуации, на которую направлен национальный проект, и во-вторых, – с оценкой способности власти самостоятельно решить существующие данные проблемы. Например, анализ оценки респондентом состояния окружающей

среды в регионе и оценки способности региональных и местных властей решать экологические проблемы сравнялся с оценкой его готовности участвовать в поддержке национального проекта «Экология».

Результаты исследования, представленные в таблице 2, показали, что та часть населения, которая низко оценивает проблемную ситуацию, на решение которой направлен национальный проект, чаще готова включиться и участвовать в его реализации. Это в полной мере относится к 8 из 12 национальных проектов: «Здравоохранение», «Автомобильные дороги», «Жильё и городская среда», «Экология», «Малое и среднее предпринимательство», «Цифровая экономика», «Международная кооперация и экспорт», «Производительность труда и поддержка занятости». Также субъектность характерна для той части населения, которая плохо оценивает деятельность региональных и местных властей по решению социально значимых проблем, выполняемых в рамках национального проекта. Данная тенденция присуща шести национальным проектам – «Автомобильные дороги», «Экология», «Малое и среднее предпринимательство», «Цифровая экономика», «Международная кооперация и экспорт», «Производительность труда и поддержка занятости».

Таблица 2 (Table 2)

Зависимость готовности к участию в национальных проектах от оценки положения дел в регионе и действий региональных и местных властей по решению проблем, %

Dependence of willingness to participate in national projects on the evaluation of the situation in any given region and action taken by regional and local authorities to solve the problem, %

Уровень готовности к участию в реализации национального проекта	Оценка положения дел в регионе в рамках национального проекта			Оценка действий региональных и местных властей по решению проблем в рамках национального проекта		
	Плохо	Удовл.	Хорошо	Плохо	Удовл.	Хорошо
Здравоохранение						
Готов участвовать в поддержке	53,5	55,6	49,1	52,2	53,7	52,6
Не готов участвовать в поддержке	32,2	26,9	32,9	32,5	29,8	29,5
Затрудняюсь ответить	14,3	17,5	18,0	15,3	16,5	17,9
Образование						
Готов участвовать в поддержке	51,3	53,5	51,2	51,5	52,4	51,5
Не готов участвовать в поддержке	34,2	27,7	31,5	34,0	28,9	30,9
Затрудняюсь ответить	14,5	18,8	17,3	14,5	18,7	17,6
Демография						
Готов участвовать в поддержке	37,8	42,0	38,9	38,9	40,5	39,1
Не готов участвовать в поддержке	46,4	37,0	41,8	43,6	38,8	41,9
Затрудняюсь ответить	15,8	21,0	19,3	17,5	20,7	19,0

Продолжение таблицы 2

Уровень готовности к участию в реализации национального проекта	Оценка положения дел в регионе в рамках национального проекта			Оценка действий региональных и местных властей по решению проблем в рамках национального проекта		
	Плохо	Удовл.	Хорошо	Плохо	Удовл.	Хорошо
Культура						
Готов участвовать в поддержке	44,3	42,6	42,7	38,6	45,2	43,0
Не готов участвовать в поддержке	39,5	36,4	37,7	42,1	35,5	37,1
Затрудняюсь ответить	16,2	21,0	19,6	19,3	19,3	19,9
Автомобильные дороги						
Готов участвовать в поддержке	54,2	42,9	43,7	52,5	46,3	42,7
Не готов участвовать в поддержке	31,1	33,0	39,3	31,6	32,9	38,1
Затрудняюсь ответить	14,7	24,1	17,0	15,9	20,8	19,2
Жильё и городская среда						
Готов участвовать в поддержке	51,3	49,3	48,2	49,9	50,2	50,8
Не готов участвовать в поддержке	32,3	31,7	31,4	32,9	31,7	30,6
Затрудняюсь ответить	16,4	19,0	20,4	17,2	18,1	18,6
Экология						
Готов участвовать в поддержке	54,5	49,3	44,4	53,9	48,2	46,0
Не готов участвовать в поддержке	28,6	32,7	36,2	26,8	34,8	34,7
Затрудняюсь ответить	16,9	18,0	19,4	19,3	17,0	19,3
Наука						
Готов участвовать в поддержке	40,2	36,0	41,0	40,0	38,8	41,4
Не готов участвовать в поддержке	41,1	41,8	41,6	40,6	41,8	39,3
Затрудняюсь ответить	18,7	22,2	17,4	19,4	19,4	19,3
Малое и среднее предпринимательство						
Готов участвовать в поддержке	43,7	32,8	36,4	44,4	33,4	36,8
Не готов участвовать в поддержке	39,6	42,7	45,3	38,3	45,4	43,4
Затрудняюсь ответить	16,7	24,5	18,3	17,3	21,2	19,8
Цифровая экономика						
Готов участвовать в поддержке	33,2	31,4	29,9	34,3	30,4	31,8
Не готов участвовать в поддержке	47,8	39,7	47,8	42,9	43,9	47,8
Затрудняюсь ответить	19,0	28,9	22,3	22,8	25,7	20,4
Производительность труда и поддержка занятости						
Готов участвовать в поддержке	42,4	39,7	38,3	44,0	37,0	39,8
Не готов участвовать в поддержке	37,8	36,8	41,7	36,6	40,3	39,3
Затрудняюсь ответить	19,8	23,5	20,0	19,4	22,7	20,9
Международная кооперация и экспорт						
Готов участвовать в поддержке	36,4	30,0	32,5	37,4	29,8	33,9
Не готов участвовать в поддержке	42,2	47,1	44,7	43,3	45,7	43,1
Затрудняюсь ответить	21,4	22,9	22,8	19,3	24,5	23,0

Однако нужно признать, что выделенные выше признаки носят неустойчивый характер и требуют более детального анализа, что и будет осуществлено по окончании основного этапа исследования, после сбора и анализа дополнительного материала, включающего в себя эмпирические данные ещё по 8-ми регионам Российской Федерации. Пока можно предположить, что более чётко указанные группообразующие признаки субъектности населения выражены в регионах с низким уровнем социокультурной модернизации.

Социоментальным признаком субъектности населения оказались политические предпочтения респондентов. Исходя из данных, представленных в таблице 3, можно говорить, что чаще готовы к взаимодействию по реализации национальных проектов жители регионов, поддерживающие «Единую Россию», т. е. партию власти (28,7%). Среди жителей, отдавших свои электоральные предпочтения другим крупным политическим партиям (КПРФ, ЛДПР, Родина, Справедливая Россия и т. п.), значимых тенденций по признаку проявления субъектности выявлено не было. Респонденты, не планирующие участвовать в национальных проектах, часто либо не интересуются деятельностью политических партий, их политическая активность находится на низком уровне (19,5%), либо они уверены, что ни одна из представленных на политическом небосклоне партий не отражает их интересов (18,9%). Таким образом, общая идеологическая платформа и солидарность с партией власти способствуют активизации деятельности населения, её готовности к участию в совместной работе по реализации национальных проектов.

Другим важным социоментальным признаком выступает уровень доверия к власти. Жители регионов, проявившие субъектность, чаще уверены, что деятельность властей сконцентрирована на решении значимых социально-экономических задач и повышении благосостояния людей: укрепление единства страны; обеспечение закона и порядка; предотвращение войн, эпидемий и экологических катастроф; укрепление обороноспособности страны; обеспечение справедливости в обществе; обеспечение благосостояния народа. Как можно увидеть из таблицы 3, все вышеуказанные показатели сильнее (хоть и незначительно) выражены внутри социально активной группы населения. С другой стороны, не готовые к участию в реализации национальных проектов в большей степени уверены, что действия властей сконцентрированы исключительно на удержании власти в своих руках (21,1%). Таким образом, настроенность активных граждан на взаимодействие обусловлена более высоким уровнем доверия к власти и к тем целям и задачам, которая она выполняет. Они в большей степени уверены, что власть позаботится о непрерывности реализации национальных проектов и будет сфокусирована на их выполнении.

И, наконец, в качестве социоментального признака выступает наличие уверенности в том, что национальные проекты оправдывают своё название – «национальные», т. е. осуществляются ради повышения социального благополучия населения. В целом опрошенные респонденты не питают иллюзий и считают, что больше всего выиграют от реализации национальных проектов сами органы власти и крупные корпорации (см. таблицу 3). Однако для респондентов, проявивших субъектность, в большей степени характерна уверенность в том, что реализация национальных проектов позволит существенно улучшить качество жизни

местного населения (16,2%). Среди остальных групп этот показатель ниже (10%). Кроме того, они чаще других прогнозируют, что значительного положительного эффекта от национальных проектов добьются такие субъекты регионального развития, как научные и образовательные организации (8,3%), а также представители малого и среднего бизнеса (10,8%).

Таблица 3 (Table 3)

Социоментальные признаки проявления субъектности населения, %
Socio-mental signs of the population displaying subjectness, %

	В целом	Готовность участвовать в национальных проектах		
		Готов	Не готов	3/0
Политические предпочтения респондентов				
Единая Россия	23,4	28,7	20,0	19,1
Справедливая Россия	6,2	6,1	5,7	7,4
ЛДПР	7,6	7,7	7,6	7,9
КПРФ	11,3	11,9	10,8	11,3
Родина	2,8	2,9	2,9	2,5
Гражданская платформа	2,9	3,2	2,9	2,9
Другая политическая партия	0,5	0,4	0,5	0,7
Меня это не интересует	16,4	12,9	19,5	17,3
Нет такой партии	17,0	16,8	18,9	13,6
Затрудняюсь ответить	11,9	9,5	11,4	17,4
Направленность усилий органов власти в оценках респондентов				
Укрепление единства страны	13,0	14,5	11,8	12,2
Обеспечение закона и порядка в стране	9,4	10,9	8,0	8,5
Предотвращение войн, эпидемий, катастроф	9,7	10,5	9,8	7,6
Возрождение России как великой державы	9,0	9,6	8,2	9,3
Укрепление обороноспособности страны	17,1	17,3	16,9	16,7
Обеспечение справедливости в обществе	4,3	4,5	4,0	4,1
Обеспечение благосостояния народа	6,0	6,7	5,6	5,0
Удержание собственной власти	19,5	18,8	21,1	18,3
Затрудняюсь ответить	12,0	7,5	14,8	18,3
Субъекты, которые выиграют от реализации национальных проектов				
Органы власти	24,7	23,8	26,9	22,4
Крупные корпорации	15,6	15,3	16,5	14,7
Малый и средний бизнес	8,8	10,8	7,8	5,6
Научные и образовательные организации	6,4	8,3	4,8	4,6
Общественные организации	5,4	5,9	5,8	3,5
Инициативные группы, активисты	5,1	5,8	5,1	3,3
Население	13,0	16,2	10,0	10,9
Затрудняюсь ответить	21,0	13,9	23,0	35,1

Социально-структурные признаки

Результаты исследования, представленные в таблице 4, показали, что чаще субъектность по отношению к реализации национальных проектов сформировалась среди молодёжи, жителей регионов в возрастной группе 18–29 лет (26,6%). Представители молодого поколения в большей степени проявили свою готовность включаться в деятельность по реализации национальных проектов. В целом в этом нет ничего удивительного, в настоящее время это общемировая тенденция. Как отмечает О. Н. Яницкий, «молодёжь – самая социально активная часть общества, и это надо учитывать» [Яницкий 2020: 135].

Таблица 4 (Table 4)

Социально-структурные признаки субъектности населения, %
Social-structural signs of the population's subjectness, %

	В целом	Готовность участвовать в национальных проектах		
		Готов	Не готов	3/0
Возраст, лет				
18–29	24,0	26,6	22,3	22,7
30–49	35,2	35,1	35,0	36,2
50 и старше	40,8	38,3	42,7	41,1
Уровень материального положения				
Низкий	31,4	29,8	32,2	32,9
Средний	50,5	51,7	50,3	47,0
Высокий	9,1	11,9	7,3	7,9
Затрудняюсь ответить	9,0	6,5	10,2	12,2
Уровень образования				
Ниже среднего	14,2	12,3	15,9	15,3
Среднее	18,2	18,6	18,1	18,1
Среднее профессиональное	38,4	37,9	37,8	39,8
Высшее	29,2	31,2	28,2	26,9

Ещё одним социально-структурным признаком, влияющим на проявление субъектности, оказалось образование. Данные таблицы 4 показывают следующие результаты: в группе с низким уровнем образования (ниже среднего) преобладают респонденты, отказавшиеся от участия в реализации национальных проектов. В группах со средним и средним специальным образованием доля готовых и неготовых включаться в национальные проекты оказалась примерно равнозначной. Только в группе респондентов, имеющих высшее образование, наблюдается незначительное превалирование людей, демонстрирующих субъектность. Таким образом, была зафиксирована следующая тенденция – чем выше уровень образования, тем выше готовность к участию в реализации национальных

проектов. Схожая динамика прослеживается и в отношении материального положения. Эмпирические данные, приведённые в таблице 4, показывают, что наблюдается прямая взаимосвязь дохода и готовности в поддержке национальных проектов. Так, среди респондентов с низким доходом превалирует группа не желающих участвовать в национальных проектах, либо затрудняющихся с ответом. В группе со средним уровнем дохода серьёзных различий выявлено не было. Среди респондентов с высоким материальным положением доля готовых к такому участию выражена сильнее. Данные социально-структурные признаки проявления субъектности подтверждают выводы, сделанные в более ранних работах отечественных социологов. Так, например, А.Н. Касьянова на основе проведённых социологических измерений выдвинула гипотезу о том, что на проявление субъектности большое влияние оказывают такие факторы, как материальное положение и образование [Касьянова 2007].

Поведенческие признаки

Объективизирующим фактором проявления субъектности выступает активная жизненная позиция индивида, подразумевающая под собой деятельность, обусловленную соблюдением автономии, автономных прав и гражданских свобод личности. Социальная активность представляет собой способ существования и развития личности как субъекта общественной жизни [Резник 2002]. Поэтому анализ деятельности респондентов, особенности их поведения как субъекта общественной жизни, позволяет более чётко понять причины появления субъектности (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Поведенческие признаки субъектности населения, %
Behavioral indications of the population's subjectness, %

	В целом	Готовность участвовать в национальных проектах		
		Готов	Не готов	3/0
Субъекты общественных обращений				
Ни к кому не обращался	51,9	49,2	53,4	54,4
В органы власти	16,2	18,1	15,7	12,5
К местным активистам	4,9	6,8	3,5	3,7
В редакции СМИ	4,9	5,7	4,5	4,2
К активистам в социальных сетях	4,8	5,0	5,2	3,8
В общественные организации	4,7	4,7	5,0	4,4
В политические партии	2,8	2,6	3,2	2,6
В бизнес-структуры	3,0	3,1	2,9	3,5
Затрудняюсь ответить	6,8	4,9	6,5	11,1

Продолжение таблицы 5

	В целом	Готовность участвовать в национальных проектах		
		Готов	Не готов	3/0
Электоральная активность респондентов				
Выборы Президента РФ				
Участвовал	67,4	70,1	64,3	66,4
Не участвовал	32,6	29,9	35,7	33,6
Выборы депутатов в Государственную Думу РФ				
Участвовал	48,5	51,6	45,0	48,2
Не участвовал	51,5	48,4	55,0	51,8
Выборы депутатов в городское (областное) законодательное собрание				
Участвовал	40,8	43,9	38,4	39,1
Не участвовал	59,2	56,1	61,6	60,9
Выборы депутатов в органы местного самоуправления				
Участвовал	44,2	48,8	40,9	40,6
Не участвовал	55,8	51,2	59,1	59,4
Опыт участия в общественной деятельности				
Имеет опыт	48,1	56,4	41,7	43,8
Не имеет опыта	38,7	32,4	46,7	36,5
Затрудняюсь ответить	13,2	11,2	11,6	19,7
Опыт(готовность) участия в работе инициативных групп				
Имеет опыт (готов участвовать)	19,0	21,6	15,6	20,5
Не имеет опыта (не готов участвовать)	66,3	65,9	70,7	58,0
Затрудняюсь ответить	14,7	12,5	13,7	21,5

Исследование показало, что к поведенческим признакам проявления субъектности можно отнести следующие показатели:

– высокий уровень обращений с целью решения значимых для индивида проблем: респонденты, проявившие субъектность, как правило, чаще обращаются к другим субъектам управленческой деятельности. По сравнению с остальными группами, они чаще пытались решать свои проблемы посредством обращений в органы власти (18,1%), к местным активистам (6,8%), а также в редакции региональных и местных СМИ (5,7%). Следует отметить, что респонденты, не готовые участвовать в реализации национальных проектов, реже обращаются к кому-либо и имеют меньший опыт контактирования с другими субъектами регионального развития;

– регулярное участие в выборах: респонденты, готовые к участию в поддержке национальных проектов, имеют более высокий уровень электоральной активности. При этом они чаще ходят на выборы любого уровня: федерального (выборы Президента РФ (70,1%) и депутатов Государственной Думы (51,6%)), регионального (выборы депутатов городского/областного законодательного собрания) – 43,9% и местно-

го (выборы депутатов местного самоуправления) – 48,8%. Разница по сравнению с другими группами составила от 8 до 15% в зависимости от уровня проводимых выборов;

– значительный опыт участия в общественной деятельности: респонденты, обладающие опытом участия в работе общественных организаций и объединений, выразили большую заинтересованность в активной поддержке национальных проектов (56,4%);

– участие в деятельности различных инициативных групп: несмотря на то, что в целом опрошенные жители регионов не имеют опыта и не намерены участвовать в деятельности инициативных групп (66,3%), однако среди респондентов, высказавших свою готовность к совместной работе по реализации национальных проектов, чаще участвуют (или демонстрируют своё намерение участвовать) в их деятельности (21,6%). Среди отказавшихся от поддержки национальных проектов этот показатель ниже и составляет 15,6%. Таким образом, жители регионов, демонстрирующие субъектность, обладают более высоким уровнем общественной самоорганизации.

Далее произведём оценку ресурсной базы, которой обладает население, проявившее субъектность. Помимо упомянутой выше активной гражданской позиции, более высокого уровня общественной самоорганизации, а также более высокой доли людей с высшим образованием и хорошим уровнем дохода, к значимым нужно отнести обладание достаточным административным ресурсом. Как показали результаты исследования, жители, готовые к поддержке национальных проектов, чаще имеют родственников, близких и знакомых во властных структурах (42,9%). Кроме того, они обладают серьёзным управленческим опытом (54,4%), и, что не менее важно, достаточно высоко его оценивают (36,1%). Всё это позволяет говорить о том, что жители регионов, демонстрирующие субъектность в отношении национальных проектов, обладают вполне высоким ресурсным потенциалом, что заставляет думать о значимой роли, которую они могут сыграть в ходе реализации национальных проектов (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Ресурсная база социальноактивных групп населения, %
Resource base of socially active groups of the population, %

	В целом	Готовность участвовать в национальных проектах		
		Готов	Не готов	3/0
Оценка опыта управленческой деятельности				
Успешный	29,2	36,1	26,3	21,3
Неуспешный	9,9	9,5	11,5	8,3
3/0	9,7	8,9	9,9	10,8
Не имеет опыта	51,2	45,6	52,4	59,5
Близость к властным структурам				
Да	36,4	42,9	34,2	26,9
Нет	51,1	47,1	53,8	53,4
3/0	12,5	9,9	12,0	19,7

Таким образом, раскрывая потенциал субъектности населения, можно выделить социальные группы, сформированные по различным основаниям. Следует отметить, что на формирование потенциала субъектности населения оказывает влияние неудовлетворённость социально-экономической ситуацией в регионе. В этом случае проявление субъектности можно объяснить стремлением населения помочь властям в решении существующих проблем, но при условии, что власть пользуется определённой степенью общественного доверия. Помимо того следует отметить наличие весомого организационно – деятельностного потенциала (высокий уровень готовности к общественной самоорганизации, большой управленческий опыт и активная гражданская позиция), а также обладание серьёзной ресурсной базой (образовательной, материальной, административной и т. п.).

Установки социально активных групп на взаимодействие с властью по реализации национальных проектов

В данном разделе представлен анализ установок населения на взаимодействие с органами власти в рамках потенциальной совместной работы над национальными проектами, а также выявленные приемлемые формы такого взаимодействия, намерения и стратегии поведения населения. Особо важно определить характер, направленность действий граждан – функциональной (конструктивной) или дисфункциональной (деструктивной). Это позволяет оценить перспективы процесса полисубъектного взаимодействия [Подшивалкина, Бирюкова 2014].

Эффективность и плодотворность сотрудничества социально активных групп с органами власти по реализации национальных проектов связаны с готовностью населения участвовать в разработке программы по улучшению работы отечественной системы управления в рамках реализации национальных проектов и от того, что они ожидают от такого сотрудничества. Исследование показало (см. таблицу 7), что примерно треть от всех опрошенных жителей регионов (32,3%) готовы к сотрудничеству по поводу улучшения работы органов власти. Однако среди социальных групп, демонстрирующих субъектность, данный показатель оказался выше и составил 43,2%. Это говорит о том, что предметом совместного обсуждения могут быть не только проблемы, возникающие в ходе реализации национальных проектов, но и оценка способности органов власти их решать, что подтверждает тезис о влиянии сформированной оценки в отношении действия властей на проявление субъектности: чем ниже такая оценка, тем выше проявление субъектности.

Нацеленность на сотрудничество с властью подтверждается и настроенностью социальноактивных групп использовать для этого любые формы коммуникации. По сравнению с теми, кто отказался от участия в реализации национальных проектов, они планируют более

активно контактировать с органами власти. В качестве наиболее предпочтительных форм взаимодействия они предлагают проведение мониторинга общественного мнения (32,1%) и организацию системы информирования о достигнутых результатах (25%). Особенно хотелось бы выделить такой способ взаимодействия, как организация встреч с заинтересованными группами населения для совместного обсуждения конкретных мероприятий по реализации национальных проектов. Респонденты, проявившие субъектность, чаще указывали на необходимость узаконивания такой формы коммуникации – 24,6%. А вот отказавшиеся от активной поддержки национальных проектов больше уверены в том, что для привлечения общественности к обсуждению не требуется прикладывать специальных усилий по организации коммуникативных площадок и выстраивания диалога с населением. По их мнению, в случае наступления такой необходимости жители регионов самостоятельно проявят такую инициативу и уведомят об этом органы власти (8,3%).

Таблица 7 (Table 7)

Общественные установки на взаимодействие с органами власти, %
Public attitudes for collaborating with authorities, %

	В целом	Готовность участвовать в национальных проектах		
		Готов	Не готов	3/о
Готовность участвовать в разработке программы по улучшению работы системы управления				
Готов	32,3	43,2	25,1	24,5
Не готов	48,2	38,9	57,2	50,2
Затрудняюсь ответить	19,5	17,9	17,8	25,3
Предпочтительные формы взаимодействия				
На основе изучения общественного мнения	28,1	32,1	26,1	22,6
С помощью подключения к обсуждению общественных организаций и заинтересованных групп	20,1	24,6	17,8	14,3
Посредством информирования населения о результатах	23,7	25,0	23,8	20,0
Не требуется специального вовлечения, население само проявит инициативу	7,6	6,9	8,3	8,1
Затрудняюсь ответить	20,5	11,3	24,1	35,0
Планируемые способы общественного реагирования в ситуации «превращения» реализации национальных проектов в «пустую формальность»				
Ничего не стал бы делать, от меня мало что зависит	33,7	28,2	39,9	32,9
Постарался бы лично обратить внимание общественности на этот факт	12,5	17,4	10,2	7,3
Нашёл бы единомышленников и вместе пытались бы обратить внимание общественности	12,0	15,9	10,3	7,5
Вмешался бы в ситуацию, только если бы она затрагивала меня и членов моей семьи	15,6	18,3	15,6	10,3
Затрудняюсь ответить	26,2	20,3	23,9	42,0

Готовность к взаимодействию с властями для социально активных групп населения – не пустая формальность, в своих намерениях люди ориентированы на долгосрочное сотрудничество, будучи твёрдо уверенными в значимости своих действий. Они планируют отстаивать свои интересы и должным образом отреагировать в случае, если национальные проекты будут «заморожены» или выполнены не в полном объёме. Внутри социально активных групп населения наблюдается готовность любыми способами предотвращать (в случае наступления такой ситуации) формальное отношение властей к реализации национальных проектов, и они готовы защищать свои интересы. Так, они чаще других будут стараться лично привлечь в проблеме внимание общественности (17,4%), а также в большей степени намерены заняться поиском единомышленников с целью организации коллективного обращения к органам власти о невыполнении взятых обязательств по реализации национальных проектов (15,9%). В свою очередь, респонденты, не проявившие субъектности, не только меньше доверяют властям и более скептически настроены в отношении социальной ориентированности национальных проектов, но, что не менее важно, показали гораздо меньшую заинтересованность к отстаиванию своих гражданских прав: 39,9% не стали бы предпринимать никаких действий, а ещё 23,9% затруднились с ответом на данный вопрос.

Социальноактивные группы населения также показали признаки коллективного субъекта. Это важно для совместной работы с органами власти по обсуждению национальных проектов. Они готовы к организации внутригруппового взаимодействия и формированию единой коллективной позиции для отстаивания своих интересов, а также намерены проявлять инициативу в поиске новых решений. При этом перспектива появления возможных препятствий и барьеров в ходе взаимодействия не повлияет на их активность в достижении запланированных целей. Кроме того, в крайних ситуациях они готовы брать на себя роль организатора, лидера для продолжения работы и функционирования инициативных групп. Среди социально активных групп указанные выше установки выражены значительно сильнее (примерно на 15–20%), чем среди тех, кто отказался от участия в поддержке национальных проектов (см. таблицу 8). Таким образом они демонстрируют высокий уровень групповой сплочённости, решительно настроены на достижение целевого результата и готовы к самостоятельной работе. Всё это также говорит о высоком потенциале общественной самоорганизации.

Готовность к участию в национальных проектах и взаимодействию с властью порождает стремление социально активных групп к решительным действиям по отстаиванию своих интересов. В случае появления трудностей и усложнения ситуации с реализацией национальных проектов они не собираются сдаваться и не планируют уходить от взаимодействия, они также не готовы идти на серьёзные уступки и будут требовать реализации национальных проектов в полном объёме. В этой связи только полное соблюдение заявленных в рамках национальных проектов целей и задач позволит, по их мнению, продолжить эффективное сотрудничество с органами власти на конструктивной основе.

Таблица 8 (Table 8)

**Общественные установки на возможности совместной работы
в рамках реализации национальных проектов, %**
Public attitudes for possible collaboration in implementing national projects, %

	В целом	Готовность участвовать в национальных проектах		
		Готов	Не готов	З/о
Я не стал бы действовать без согласия остальных участников				
Согласен	57,8	66,4	51,7	45,1
Не согласен	22,7	22,8	25,6	18,6
Затрудняюсь ответить	19,5	10,9	22,7	36,3
Я мог бы выдвигать новые идеи, если это потребуется				
Согласен	60,7	74,7	51,3	40,8
Не согласен	21,2	15,5	29,7	21,3
Затрудняюсь ответить	18,1	9,8	19,0	37,9
Если разойдусь во мнениях с другими, то, скорее всего, прерву отношения				
Согласен	30,2	34,9	27,9	22,1
Не согласен	49,3	52,9	49,8	37,7
Затрудняюсь ответить	20,5	12,2	22,3	40,2
Даже если трудно было бы достичь результатов, не бросил бы дело				
Согласен	55,6	68,9	47,0	35,2
Не согласен	24,4	20,4	31,4	23,8
Затрудняюсь ответить	20,0	10,8	21,6	41,0
Если совместная работа не складывается, то мог бы взять на себя роль организатора				
Согласен	50,4	62,4	43,4	31,3
Не согласен	29,0	25,0	36,1	26,7
Затрудняюсь ответить	20,6	12,7	20,5	42,1

Таким образом, социальные группы, обладающие субъектностью, как правило, носят функциональный, а не дисфункциональный характер. Они ориентированы на сотрудничество с властью для реализации запланированных национальных проектов, они готовы оказывать помощь, тесно взаимодействовать и объединяться в решении поставленных задач. Однако в случае нарушения предоставленных властями гарантий по реализации национальных проектов характер их субъектности может трансформироваться в протестный, подкрепляемый высоким уровнем общественной самоорганизации с целью защиты своих интересов.

Заключение

Реализация любого социально значимого управленческого решения, как правило, приводит к проявлению субъектности населения. Если данное решение не отвечает коренным интересам отдельных слоёв

и групп населения, то это может привести к их спонтанной самоорганизации с целью отстаивания своих гражданских прав. Примеров тому множество; например, печально известная реформа, направленная на монетизацию льгот. Национальные проекты, безусловно, масштабное социально значимое управленческое решение, результаты которого затронут практически все слои населения, социальные и профессиональные группы и каждого гражданина нашей страны.

Результаты нашего исследования показали, что потенциал субъектности населения в отношении национальных проектов сформировался и стал достаточно весомым. Субъектность населения представлена социально активными группами, которые могут быть сгруппированы по различным основаниям: социоментальным, социально-структурным и поведенческим. Данные группы обладают достаточно весомой ресурсной базой. Кроме того, представители данных групп характеризуются высоким уровнем гражданского активизма и готовы к конструктивной совместной работе с органами власти. Это позволяет говорить о частичном подтверждении гипотезы о готовности населения (а точнее – отдельных социально активных групп) самоорганизоваться в качестве социального субъекта для совместной работы по реализации национальных проектов.

Остаётся открытым вопрос – будут ли органы власти (и если будут, то каким образом) использовать данный потенциал. Важно понимать, что правильное использование субъектности населения как социального ресурса будет способствовать успешной реализации национальных проектов. Для этого от властей требуются усилия по переводу спонтанно организующихся сообществ в организованные группы населения с целью повышения управляемости данными группами. Такая управляемость возможна посредством выстраивания и регулирования взаимодействия с этими группами на основе постоянной обратной связи. И для этого есть все предпосылки – население не только намерено активно поддерживать национальные проекты, оно готово оказывать помощь в их реализации. В ходе такого взаимодействия с властью они ориентированы на тесное и плодотворное сотрудничество. В этой связи вторая часть выдвинутой нами гипотезы о создании органами власти условий для совместного обсуждения с населением хода реализации национальных проектов также требует тщательного анализа и будет проверена в ближайшей перспективе. Для этого в рамках основного этапа исследования запланировано проведение контент-анализа региональных СМИ и анализа официальных сайтов региональных органов власти на предмет организации обратной связи с населением по обсуждению национальных проектов.

В завершение хотелось бы сказать, что у власти сейчас есть уникальная возможность воспользоваться сложившейся ситуацией и привлечь общественный ресурс к национальным проектам, что, несомненно, повысит эффективность их реализации и укрепит общественную поддержку. Это позволит оперативно и эффективно решать возникающие вопросы, не доводя их до открытых конфликтов. В случае

недостаточного учёта этого ресурса и отсутствия налаженных механизмов взаимодействия с населением накопленный потенциал субъектности (при возникновении сложных ситуаций) может трансформироваться в общественное протестное движение, состоящее из спонтанно организованных инициативных групп граждан.

Библиографический список

Гиллер Ю.И. 2006. Социология самостоятельной личности. М.: Академический проект. 224 с.

Дарган А.А. 2019. Развитие идей о способности субъекта к самостоятельному выбору и современная дискуссия о социальной субъектности // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 82–94.

Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. 2017. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к её измерению // Мир России: Социология, этнология. Т. 26. № 2. С. 6–37.

Касьянова А.Н. 2007. Средний город России: диагностика жизнедеятельности социума и социальное управление: автореферат дисс. канд. социол. наук: 22.00.08 / Касьянова Алла Николаевна [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. Ростов-на-Дону. 26 с.

Лепский В.Е. 2015. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр. 107 с.

Подшивалкина В.И., Бирюкова М.В. 2014. Полисубъектность как социальный феномен. Праксиологический дискурс // Социологические исследования. № 4. С. 13–19.

Радченко Е.В., Ранг К.А. 2012. Понимание субъектности в философии и языкознании // Вестник ЮУрГУ, Серия «Лингвистика». Вып. 14 (2). С. 74–78.

Резник Ю.М., Смирнов Е.А. 2002. Жизненные стратегии личности: (Опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН. 259 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. 2017 / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН. 432 с.

Социология. Краткий тематический словарь. 2001 / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д.: Феникс. 317 с.

Старикова М.М. 2009. Социологический дискурс субъектных свойств личности (на примере западных социологических концепций) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 4 (16). С. 124–131.

Тихонов А.В. 2017. Проблема «общественного договора» между российским государством и обществом в контексте современных вызовов: актуальность исследования // Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. ред. А. В. Тихонов. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 13–25.

Тощенко Ж.Т. 2019. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир. 344 с.

Яницкий О.Н. 2020. Волонтеры в сложном, непрерывно меняющемся мире. М.: ФНИСЦ РАН. 220 с.

Статья поступила 05.11.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.683

The Population's Potential for Subjectness in Regards to National Projects

Andrey A. Merzlyakov

Institute of Sociology of FCTAS RAS., Moscow, Russia

E-mail: merzliakov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8846-1423

For citation: Merzlyakov A. A. The population's potential for subjectness in regards to national projects. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 143–166. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.683

Abstract. This article is devoted to evaluating the population's potential for subjectness in regards to implementing national projects, in other words – the people's willingness to act in the name of contributing to their implementation: so this is not just a matter of agreeing with any goals and tasks that are laid out, but actively participating in achieving them¹. The empirical material for this study is based on the results of the first (pilot) stage of an RSF research project titled "Academic project: handling processes associated with social group formation in regions with varying levels of socio-cultural modernization, support from the population of development strategies for the Russian Federation up to 2024".

This article presents a scientific interpretation of the population's subjectness from the position of sociology of management. According to the author, the main point of studying subjectness was to determine and examine means of building relationships between subjects, with the intention to collaborate in resolving those issues which bear significance to said subjects. The population's subjectness is characterized by the interactions between society and authorities, where for society it is vital to have the ability to self-organize as a full-fledged social subject, while for authorities the important component would be to create the conditions for a constructive dialog.

The results of the study indicate that society does possess a certain potential for subjectness, and the willingness to actively support national projects. Certain group formational indicators for developing subjectness within the population were identified, of the socio-mental, socio-structural and behavioral variety. Its resource base is assessed, with it being characterized by a high degree of self-organization, an active civic stance, considerable experience in management and sufficient administrative authority.

The study analyzes the established public attitudes when it comes to collaborating with authorities in discussing national projects. It is noted that the attitudes of active groups of the population mostly tend to be functional (constructive) in nature, as opposed to dysfunctional (destructive), with them being oriented towards cooperating with authorities in the name of successfully implementing any planned national projects.

Keywords: sociology, management, subjectness of the population, national projects, public attitudes, group forming features of subjectness, vertical power and management structure

References

Dargan A.A. Development of the ideas about a subject's ability to choose and modern discussion on social subjectness. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye.* = Knowledge. Understanding. Skill, 2019: 1: 82–94 (In Russ.).

¹ This article was prepared with financial support from RSF grant №19-18-00345.

Giller Y.I. Sociology of an independent personality, Moscow, Akademicheskyy proekt, 2006: 224 (In Russ.)

Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. The Shadow Price of Social Change and Its Evaluation, Mir Rossii = Universe of Russia, 2017: vol. 26: 2: 6–37 (In Russ.).

Kasianova A.N. Middle city of Russia: diagnostics of social life and social management. Synopsis of a candidate thesis (sociological sciences). Rostov-on-Don, SFU publ., 2007: 26 (In Russ.).

Lepskiy V.E. Evolution of ideas about management (methodological and philosophical analysis). Moscow, Kogito-center, 2015: 107 (In Russ.).

Podshivalkina V.I., Biriukova M.V. Poly-subjectness as social phenomenon. Praxeological discourse. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2014: 4: 13–19 (In Russ.)

Radchenko E.V., Rank K.A. Understanding subjectivity in philosophy and linguistics. Vestnik YuUrGU, Seriya «Lingvistika» = Bulletin of South Ural State University. Series «Linguistics», 2012: Vol.12: 2: 74–78 (In Russ.).

Reznik Y.M., Smirnov E.A. Personal life strategies: Experience of complex analysis. Moscow, Human Institute RAS publ., 2002: 259 (In Russ.).

Russia: Reforming the Power-Management Vertical in the Context of Regions Socio-Cultural Modernization Problems. Ed. by A.V. Tikhonov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 432 (In Russ.).

Sociology. A short subject dictionary. Ed. by Y.G. Volkov. Rostov-on-Don, Phoenix, 2001: 317 (In Russ.).

Starikova M.M. Sociological discourse of subjective personality traits (on the example of Western sociological concepts). Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Sotsial'nye nauki» = Bulletin of N.I. Lobachevsky State University. Series «Social sciences», 2009: 4 (16): 124–131 (In Russ.).

Tikhonov A.V. The problem of the “social contract” between the Russian state and society in the context of modern challenges: the relevance of the study. In: Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontexte problem sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov. Ed. by A.V. Tikhonov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 13–25 (In Russ.).

Toshchenko Zh.T. Society of Trauma: Between Evolution and Revolution. An Experience of Theoretical and Empirical Analysis. Moscow, Ves` Mir, 2019: 344 (In Russ.).

Yanitsky O.N. Volunteers in a complex, constantly changing world. Moscow, FCTAS RAS publ., 2020: 220 (In Russ.).

The article was submitted on: November 5.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Merzlyakov Andrey Aleksandrovich, Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

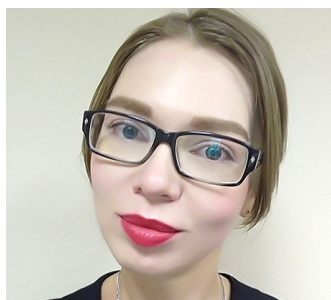
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684

Пространственные перемещения жителей уральских моногородов: социальные практики и особенности городского пространства

Ссылка для цитирования: Аникиева А. В., Швиндт У. С. Пространственные перемещения жителей уральских моногородов: социальные практики и особенности городского пространства // Вестник Института социологии. 2020. Том 11... № 4. С. 167–189. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684

For citation: Anikieva A. V., Shvindt U. S. The mobility of Ural region company town residents: social practices and peculiarities of city spaces. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11.... No. 4. P. 167–189. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684

**Аникиева
Анна Владимировна**

Институт развития образования,
Екатеринбург, Россия

79089207009@ya.ru

AuthorID ПИНЦ: [779524](#)

**Швиндт
Ульяна Сергеевна**

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

uliana_s@list.ru

AuthorID ПИНЦ: [1088390](#)

Аннотация. Моногорода представляют собой особый тип городского пространства. Для успешной реализации программ поддержки и развития моногородов необходимо учитывать характерные черты, свойственные конкретной социально-территориальной общности. Внимание к практикам перемещений индивидов как пространственным действиям позволяет обнаружить особенности и закономерности социального пространства, в условиях которого они реализуются и в производстве коего они задействованы. Изучение практик перемещений жителей индустриальных моногородов, представленное в научной литературе крайне небольшим количеством исследований, обладает значительным исследовательским потенциалом, поскольку позволяет проследить процесс воспроизводства пространства. Практики перемещений характеризуются регулярностью и рутинностью, основываются на определённых стереотипах деятельности и неявных «фоновых ожида-

ниях». Вследствие этого их достаточно сложно зафиксировать при помощи классических опросных методов. Авторы статьи¹ исходят из предположения, что для изучения социальных практик перемещения необходимо рассматривать ситуации, нарушающие сложившийся социальный порядок. В качестве описания таких «ситуаций» в статье рассматриваются публикации в социальной сети «ВКонтакте». Эмпирическую базу исследования составляют, таким образом, сообщения в открытых виртуальных группах, созданных по территориальному принципу. Авторы анализируют сообщества, в которых публикуются локальные новости и события трёх моногородов Свердловской области (Первоуральск, Краснотурьинск и Ревда). Особенность выбранного источника данных состоит в том, что публикации возникают по инициативе пользователей и исключают влияние исследователя на смысл сообщения. Результаты контент-анализа позволяют сделать вывод о ведущей роли практик вождения автомобиля для жителей моногородов и их неудовлетворённости услугами общественного транспорта. Кроме того, проведённое исследование позволяет выделить особенности городского пространства уральских моногородов, которые определяются практиками перемещений жителей и воспроизводятся в данных практиках. К этим особенностям авторы относят: понимание моногорода как замкнутой социально-территориальной общности, восприятие города в дискурсе несовременного и небезопасного пространства с устаревшей инфраструктурой, а также наличие напряжённости в городском социальном пространстве между населением и местными властями.

Ключевые слова: социология, моногорода, перемещения, социальные практики, социальный порядок, городское пространство

Введение

В настоящее время растёт количество исследований, посвящённых проблемам перемещений. Изучение перемещений сопряжено как с исследованием инфраструктур, расстояний, маршрутов, так и с исследованием смыслов и значений, которые приписываются или подразумеваются социальными акторами в связи с движением. Самостоятельные объекты исследования представляют собой пространственные перемещения населения моногородов. Каковы практики перемещений населения моногородов? Каким образом оказываются взаимообусловлены практики перемещений и социальное пространство моногорода?

Проблемы перемещений в городском пространстве изучаются с позиций разных научных дисциплин: медицины и социальной работы [Shareck 2013: 55], географии [Дробышевская 2016], транспортных исследований [Ваксман 2004] и градостроительства [Бейер 2010], культурологии [Теория культуры 2008], социологии [Flamm, Kaufmann 2006; Бёрджесс 2002] и т. д. Определённую историю исследование перемещений горожан имеет в социальных науках. Представления о стихийности, отсутствии внутренней логики, внутренней обусловленности перемеще-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля». Проект реализуется при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ) № проекта 18-011-00457, 2018–20 гг.

ний горожан (модернистская парадигма – Н. Геддес, Р. Мозес) сменяются представлениями о том, что перемещения в пространстве закономерны (Лундская школа [Петров 1986], Б. Хиллиер, Дж. Хансон [Hillier, Hanson 1989]), обусловлены их личными потребностями, интересами и установками (левый урбанизм, гуманитарная и временная география; Дж. Джекобс, Д. Харви) и не могут быть описаны теорией случайных траекторий¹, поскольку отличаются высокой степенью временной и пространственной регулярности [С помощью мобильных... 2008].

В социальных науках повторяемость и рутинность, т. е. «мышление или действие «по привычке», – это не только первое, но и наиболее консервативное понимание [социальной] практики» [Волков, Хархордин 2008: 13]. Практики перемещений представляют определённый способ действия, характерный для представителей социальной группы, то, как обычно они поступают в ситуациях перемещения, что отражает специфику социальных групп. Практики фиксируют успешный в определённых условиях ситуационный порядок действия, т. е. эффективный стереотип действий и взаимодействий.

М. де Серто считает повседневные перемещения одной из форм пространственных практик, практик использования пространства [Серто 2010: 151–184]. Под практиками, вслед за П. Бурдьё, исследователь понимает способы действовать [Современная социальная... 2015: 128], которые соотносятся со смыслами. Смыслы создаются как властными структурами, вырабатывающими правила осуществления перемещений, так и социальными агентами, практикующими их [Серто 2015].

Однако вычленить смыслы повторяющихся событий, которые не вызывают у индивидов сложностей в интерпретациях и обладают типичными сценариями деятельности, может быть проблематично. Практическая деятельность индивидов и социальных групп, которая является типичной и ожидаемой, коннотирует с понятием повседневности. В интерпретации И. Гофмана [Гофман 2003: 680] повседневное является привычным, рутинным, предсказуемым, предполагает следование шаблону. Социологическая традиция исследования повседневности подчёркивает наличие сложностей в работе с этим объектом познания, сопряжённых с тем, что «повседневное зачастую ускользает от научной рефлексии в силу своей привычности, само собой разумеющегося аспекта» [Карлсон 2010]: при использовании традиционных опросных методов информанты предъявляют исследователям образ «города для других», а не «города для себя» [Вандышев и др. 2013], и затрудняются подробно рассказывать о своих «фоновых ожиданиях» [Гарфинкель 2007]. Для обнаружения смыслов рутинных практических действий необходимы особые методы, позволяющие вскрыть сложившиеся порядки.

Изучение практик перемещений обладает значительным исследовательским потенциалом, поскольку реальность воспроизводится деятелями в практиках [Абушенко], устоявшиеся событийные порядки, фреймы отвечают за единую интерпретацию событий, формирование

¹ Математическая модель – «случайные блуждания Леви».

групповой идентичности [Гофман 2003]. Более того, А. Лефевр включает практики перемещений в пространственные практики пользователей пространства, которые способствуют производству и воспроизводству пространства, относящегося к определённым группам людей [Kindynis 2018].

Таким образом, хотя исследование практик перемещений является проблематичным, оно обладает значительной эвристической ценностью, поскольку позволяет проследить процесс воспроизводства пространства. По нашему мнению, практики перемещений, реализуемые горожанами, основываются на смыслах, определённым образом характеризующих типические черты городского пространства. В связи с этим для характеристики пространства моногородов мы обращаемся к изучению практик перемещений горожан.

Повседневные перемещения жителей индустриальных моногородов представлены в литературе мало и практически не анализируются с точки зрения производства пространства. Измерение практик перемещений населения города включает в себя выделение ключевых видов транспорта, направлений и целей движения, а также механизмов, ограничивающих и поощряющих движение.

Методология исследования

Для исследования практик перемещений жителей моногородов был использован контент-анализ сообщений в социальной сети «ВКонтакте». Указанный метод сбора первичной социологической информации имеет следующие основания.

Социальная сеть «ВКонтакте» на территории России обладает наибольшим проникновением (по числу авторов и сообщений). Кроме того, это ресурс, среди пользователей которого относительно хорошо представлены различные половозрастные группы населения [Статистика... 2019].

Сообщения в социальных сетях возникают по инициативе пользователей и не содержат влияния социолога на смысл сообщения. Значимость публикуемых сообщений определяется на основе «фоновых ожиданий», исходя из репрезентаций действующих субъектов: будь то новостные сообщения СМИ, органов исполнительной власти или сообщения в пабликах и сообществах горожан – все они попадают в информационное пространство вследствие того, что определённым образом резонируют пространству репрезентаций субъектов.

Мы предполагаем, что сообщения в социальных сетях позволяют обнаружить практики перемещений. Во-первых, происходит название практики, имеющей значение для горожан. Во-вторых, называются составляющие этой практики: места в городском пространстве, транспортные средства, направления перемещения, маршруты и т. д.

Сегодня исследователями предпринимаются попытки анализа тональности сообщений в социальных сетях [Воронина, Гончаров 2015; Лунёва 2015]. Исследования, посвящённые отдельным темам или мега-

событиям, фиксируют, что новостной контент чаще всего имеет нейтральную или положительную эмоциональную окраску, а сообщения пользователей нередко характеризуются как негативные [Дукин 2016]. Кроме того, на отдельных массивах данных фиксируется преобладание негативных комментариев над позитивными [Психолингвистический анализ... 2017]. Мы исходим из того, что сообщения в социальных сетях посвящаются событиям, нарушающим рутину, в противном случае социальные субъекты не могли бы заметить эти события и предъявить их для обсуждения. «Нарушения» рутины могут быть как позитивными, так и негативными. Позитивные нарушения рутины связаны с различными усовершенствованиями городской и транспортной инфраструктуры, негативные представляют собой барьеры и препятствия для осуществления привычных социальных практик горожан.

Таким образом, практики перемещений, которые людям трудно вербализовать и подробно описать, мы изучаем по сообщениям в социальных сетях, фиксирующим различные ситуации «нарушения сложившегося порядка». В этих ситуациях становятся более проявленными сценарии движения и смыслы, которыми руководствуются жители в своих рутинных перемещениях.

Описание процедуры исследования

В качестве исследуемых моногородов были выбраны Первоуральск, Краснотурьинск и Ревда. Всего было проанализировано шесть виртуальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» – два по каждому моногороду. Для анализа были отобраны сообщества, созданные по территориальному принципу. Ещё одним критерием для отбора стала тематика сообществ: были выбраны те, в которых публикуются локальные новости и события. Потенциально наполнение этих сообществ может представлять интерес для горожан в целом вне зависимости от их социально-демографических характеристик. Социальное пространство города репрезентируется там максимально широко. В рамках настоящего исследования были проанализированы сообщения, оставленные пользователями на главной странице открытых групп «ВКонтакте» (т. е. публичные высказывания, а не частная переписка) в течение 3-х месяцев, – с 13 августа по 13 ноября.

Отметим, что участниками таких сообществ являются не только проживающие в городе в настоящее время. Все пользователи, которые принимают участие в обсуждении локальных тем, таким образом участвуют в создании определённого образа города, репрезентации городского пространства. Кроме того, в своих рассуждениях и «бывшие», и «настоящие» жители города исходят из своего опыта действия в определённом городском пространстве и реализуемых ранее практик перемещения. Релевантность публикаций локальным практикам имеет и ряд иных оснований. Мы учитываем самоназвание и цель

создания сообществ: модераторы позиционируют их как сообщества местных жителей. Информационные сообщения проходят модерацию, т. е. отбираются соответствующие тематике, интересные для целевой аудитории («горожане»). Также мы используем контент-анализ в количественной парадигме: рассматриваем категории, которые наиболее часто упоминаются, при этом обращаем внимание на количество комментариев к сообщениям: насколько тема резонансна. Это позволяет зафиксировать наиболее распространённые практики перемещений горожан и исключить редкие, свойственные отдельным категориям и группам.

Остановимся на выбранных для анализа сообществах в каждом городе более подробно. В Первоуральске нами были проанализированы сообщества «[РВК] Первоуральск» и «Нетипичный Первоуральск». Оба представлены довольно большим количеством пользователей, если сравнивать с другими сообществами, – около 24 тыс. и 15 тыс. человек соответственно. Группа «[РВК] Первоуральск» позиционирует себя максимально широко: «У нас вы найдёте все самые свежие, актуальные и интересные новости города Первоуральск! Хотите опубликовать новость? Кидайте к нам любой материал»¹. Аналогично и группа «Нетипичный Первоуральск»: «Узнавайте и обсуждайте горячие новости нашего города, задавайте свои вопросы в предложку паблика!»². За это время в группе «[РВК] Первоуральск» всего было оставлено 1360 сообщений. Из них тематике перемещений посвящено 46, что составляет 3,4%. В группе «Нетипичный Первоуральск» за данный период было написано 760 сообщений, к тематике перемещений отнесено 50 из них (6,6%).

Для анализа практик перемещений Красноуральска были изучены сообщества «Красноуральск LIVE» (около 24 тыс. подписчиков) и «Вечерний Красноуральск» (17 тыс.). Это – платформы, где любой желающий может поделиться новостью о событиях, происходящих в городе. В группе «Красноуральск LIVE» всего за указанный трёхмесячный временной период было оставлено 1236 сообщений. Тематике перемещений из них посвящено 112 (что составляет 9,1%). В группе «Вечерний Красноуральск» было опубликовано 1033 сообщения, из которых перемещениям посвящено 62 (6,0%).

Наконец, что касается Ревды и практик перемещений местных жителей, нами были проанализированы группы «Ревда-инфо.ру» (почти 21 тыс. подписчиков) и «Ревда-новости.рф» (около 9 тыс.). Эти сообщества также представляют собой информационно-новостные ресурсы, где пользователи могут разместить публикации о происходящих в городе событиях. В группе «Ревда-инфо.ру» за указанный временной период было создано 1473 публикации, из которых теме перемещений посвящена 51 публикация (3,5%), а в группе «Ревда-новости.рф» – 627, из которых тематику перемещений затрагивает 31 (4,9%).

¹ URL: https://vk.com/pvk_perv (Дата посещения: 30.11.2019).

² URL: <https://vk.com/ntprv> (Дата посещения: 30.11.2019).

Таблица 1 представляет кодификатор контент-анализа сообщений по теме перемещений пользователей всех сообществ по всем городам. Однако следует отметить, что этот кодификатор несколько различался в зависимости от исследуемого моногорода, что обусловлено спецификой практик перемещений, осуществляемых в каждом городе, а также некоторыми уникальными событиями и ситуациями, связанными с конкретным городом.

Таблица 1 (Table 1)

**Кодификатор контент-анализа сообщений,
посвящённых практикам перемещений пользователей сообществ «ВКонтакте»**
*Codifier for content-analysis of messages
about the mobility practices of VK community members*

Категория	Значение	Индикатор (сообщение пользователя)
Характеристика практик перемещений		
Транспорт	Автомобиль	
	Общественный транспорт	
	Такси	
	Велосипед, самокат	
	Железнодорожный транспорт	
	Мототранспорт, квадроцикл	
	Пешее движение	
Направление движения	Внутри города	
	За пределами города	
Ограничения/ барьеры перемещений	Порча, кража, угон	
	Арест транспорта, суд	
	ДТП	
	Нарушения ПДД	
	Отсутствие хорошей и безопасной дороги	
	Проблемы с движением общественного транспорта	
	Ремонт дорог (мешающий проехать, пройти)	
	Подорожание	
	Погодные условия	
Поощрение/ интенсификация перемещений	Туризм	
	Посещение разных мероприятий, мест досуга	
	Отмена системы штрафов	
	Установка новых светофоров	
	Предоставление льгот на проезд	

Продолжение таблицы 1

Категория	Значение	Индикатор (сообщение пользователя)
Характеристика практик перемещений		
Регулирование безопасности движения	Установка светофора	
	Установка дорожного знака	
	Бонусы за безопасное движение	
	Ликбез по ПДД	
	Борьба с гололедицей, осадками	
	Борьба с нарушениями ПДД	
	Ремонт дороги	
Цели перемещений	Отдых, развлечение	
	Работа	
	Учёба, образование	
	Лечение	
Коммуникативная составляющая		
Характер сообщения	Позитивный	
	Негативный	
	Нейтральный	
Количество человек, ответивших на сообщение	0	
	1–3	
	4–6	
	7–9	
	10 и более	
Модальность ответных комментариев	Позитивная	
	Негативная	
	Нейтральная	

Поясним отдельные элементы кодификатора более подробно. Категория «Ограничения/барьеры перемещений» представлена, помимо прочих, таким значением, как «Порча, кража, угон». В данном случае имеется в виду кража и порча автомобиля – такая форма преступности распространена в изучаемых моногородах. Значение этой же категории «Проблемы с движением общественного транспорта» достаточно широкое по смыслу и включает в себя любого рода проблемы, которые были упомянуты в сообщениях пользователей: «ходит не по расписанию», «ходит редко», «пока ждёшь, мёрзнешь на остановке», «в маршрутках грязно и неаккуратно» и т. д. Значение «Установка новых светофоров» оказалось в двух категориях «Поощрение и интенсификация перемещений» и «Регулирование безопасности движения». В первом случае предполагается, что установка светофора помогает регулировать потоки движения,

таким образом происходит усовершенствование инфраструктуры, поощрение перемещений. Во втором случае – иной смысл: установка нового светофора может сделать движение (как машин, так и пешеходов) более безопасным. Значение категории «Ликбез по ПДД» охватывает сообщения, в которых упоминались различные образовательные программы, мероприятия и тренинги, направленные на то, чтобы научить жителей города (как взрослых, так и детей) правилам безопасного вождения и передвижения. Тесно связанное с этим значение категории «Борьба с нарушениями ПДД» предполагает уже не только проведение различных обучающих мероприятий, но и использование системы наказаний, как правило, в виде денежных штрафов. Эти штрафы в основном связаны с нарушением правил провоза ребёнка в автомобиле, нежеланием пропускать пешехода на светофоре и пешеходном переходе и вождением в состоянии алкогольного опьянения.

Вторая часть таблицы посвящена коммуникативным особенностям анализируемых сообщений. Так, замерялись характер сообщений, количество человек, оставивших ответный комментарий (или несколько) на исходное сообщение, и модальность этих ответных комментариев. Остановимся на этих элементах кодификатора подробнее. Для категории «Характер сообщения пользователя» определены следующие значения: «позитивный», «негативный», «нейтральный». К позитивным сообщениям относятся все, представляющие моногород как растущий и развивающийся, в котором решаются возникающие проблемы, где власти заботятся о нуждах жителей и предоставляют им все необходимые элементы транспортной инфраструктуры, создают условия для безопасного передвижения по городу. Негативные сообщения создают образ города небезопасного и некомфортного для жизни: все сообщения, заявляющие о произошедших в городе и на трассах рядом с городом дорожно-транспортных происшествиях. Нейтральные по характеру сообщения практически лишены эмоциональной окраски. Количество человек, ответивших на сообщение, – это число пользователей, которые оставили какой-либо комментарий на исходное, опубликованное в группе и анализируемое сообщение. Эмоциональная окраска комментариев («модальность ответов пользователей») также анализировалась по шкале «позитивный», «негативный», «нейтральный». Модальность комментария оценивалась через призму отношения пользователя к исходному сообщению. Позитивная модальность означает, что пользователь, оставивший комментарий, выражает определённое сочувствие (если, например, исходное сообщение описывало произошедшую на дорогах города аварию), солидарность, понимание, поддержку, предложение способов решения проблемы, оправдание чьих-либо действий (например, если в сообщении говорится о задержке ремонтных работ на участке дороги) и любого рода положительный отклик. Негативная модальность предполагает, что в комментариях пользователи высказались отрицательно, язвительно, с сарказмом (это самая частая негативная реакция пользователей), критикой, сомнением (связанным с тем, что какое-то событие действительно произойдёт, например,

ремонт дорог), неуважением, порицанием и т. д. Нейтральные по смыслу комментарии, как правило, содержат смайлик, который ничего не выражает, или, например, упоминание какого-то события или происшествия, не связанного с исходным. Интересно при этом, что часто позитивное по характеру сообщение встречало практически исключительно негативные ответные комментарии пользователей.

В представленных далее бланках контент-анализа частота упоминания отдельных значений категорий рассчитана от числа сообщений, в которых содержится определённая категория анализа, а не от общего числа сообщений о перемещениях по каждому городу.

Некоторые сообщения, затрагивающие тематику перемещений, не касались непосредственно того города, которому посвящена группа; такие сообщения не анализировались.

Специфика практик перемещений жителей моногородов

Для примера в таблице 2 представлены результаты контент-анализа сообщений, размещённых в группах для жителей Первоуральска.

Среди видов транспорта однозначным лидером по числу упоминаний в сообщениях Первоуральска является автомобиль. При этом часть сообщений затрагивает тему автомобильного транспорта напрямую (например, «Потоки машин на дорогах Первоуральска будет регулировать система умных светофоров...»)¹, а ряд публикаций – косвенно, когда автомобиль как способ передвижения лишь подразумевается («ГИБДД предупреждает о повышенной опасности на дороге. Из-за дождя и мокрого снега может возрасти аварийность. Не забывайте заранее останавливаться перед пешеходными переходами...»)². Распространённость сообщений, посвящённых данному виду транспорта, позволяет говорить о его значимости для повседневной жизни горожан.

Большая часть проанализированных новостных сообщений посвящена исключительно городскому пространству Первоуральска. Только в 15% сообщений упоминались события, происходящие за пределами города. В основном такими событиями являются ДТП на трассах между городами Свердловской области, в том числе г. Первоуральска.

Говоря о ДТП, следует отметить, что эту тему, по сравнению с другими ограничениями перемещений населения (порчей, кражей, угоном и арестом транспортного средства, подорожанием проезда, ремонтом дорог, мешающим движению, и др.), затрагивает наибольшее число сообщений. Также популярными для обсуждения барьерами оказываются нарушения жителями города правил дорожного движения и отсутствие хорошей и безопасной инфраструктуры передвижения: «Вот так замечательно отремонтировали лестницу около дома по улице Вайнера 27, спуск для мам

¹ URL: https://vk.com/pvk_perv?w=wall-18457300_118594. 10.10.2019 (Дата посещения: 30.11.2019). Здесь и далее в примерах сообщений орфография и пунктуация автора сохранены.

² URL: https://vk.com/pvk_perv?w=wall-18457300_117646. 23.09.2019 (Дата посещения: 30.11.2019).

с колясками и людей с ОВЗ <ограниченными возможностями здоровья> отсутствует... Карабкаемся по грязному пригорку рядом с лестницей!!!»¹; «...На остановке «Стройпосёлок» <...> конструкция для пассажиров находится в аварийном состоянии. Горожане, которые ждут общественный транспорт на этой остановке, переживают – ЧП может случиться в любой момент»². Сообщения о плохих дорогах содержат исключительно негативную эмоциональную окраску и являются самыми обсуждаемыми.

Таблица 2 (Table 2)

**Бланк контент-анализа сообщений,
посвящённых практикам перемещений жителей г. Первоуральска, %**
*Blank for content-analysis of messages
about the mobility practices of Pervouralsk residents, %*

Категория	Значение	Доля сообщений*
Характеристика практик перемещений		
Транспорт	Автомобиль	64,0
	Общественный транспорт	12,0
	Такси	0,0
	Велосипед, самокат	1,3
	Железнодорожный транспорт	1,3
	Мототранспорт, квадроцикл	4,0
	Пешее движение	32,0
Направление движения	Внутри города	85,0
	За пределами города	15,0
Ограничения/ барьеры перемещений	Порча, кража, угон	2,3
	Арест транспорта, суд. Приставы и т. п., долги	4,5
	ДТП	31,8
	Нарушения ПДД	22,7
	Отсутствие хорошей и безопасной дороги для ходьбы/езды	22,7
	Проблемы с движением общественного транспорта	2,3
	Ремонт дорог (мешающий проехать, пройти)	6,8
	Подорожание	0,0
	Погодные условия	9,1
Поощрение/ интенсификация перемещений	Туризм	4,2
	Посещение различных мероприятий, мест досуга	83,3
	Отмена системы штрафов	4,2
	Установка новых светофоров	4,2
	Предоставление льгот на проезд	4,2

¹ URL: https://vk.com/ntprv?w=wall-67415711_36301. 24.10.2019 (Дата посещения: 02.12.2019).

² URL: https://vk.com/ntprv?w=wall-67415711_34019. 25.09.2019 (Дата посещения: 02.12.2019).

Продолжение таблицы 2

Категория	Значение	Доля сообщений*
Характеристика практик перемещений		
Регулирование безопасности движения	Установка светофора	2,4
	Установка дорожного знака	7,1
	Бонусы за безопасное движение	2,4
	Ликбез по ПДД	26,2
	Борьба с гололедицей	2,4
	Борьба с нарушениями ПДД	40,5
	Ремонт дороги	21,4
Цели перемещений	Отдых, развлечение	74,1
	Работа	7,4
	Учёба	18,5
	Лечение	0,0
Коммуникативная составляющая		
Характер сообщения	Позитивный	53,1
	Негативный	40,6
	Нейтральный	6,3
Кол-во человек, ответивших на сообщение	0	36,5
	1–3	26,0
	4–6	15,6
	7–9	9,4
	10 и более	12,5
Модальность ответных комментариев пользователей	Позитивная	29,9
	Негативная	38,6
	Нейтральная	31,5

*Сумма по категории может превышать 100%, т. к. некоторые анализируемые сообщения включали несколько значений одной категории.

**Для последней категории «Модальность ответных комментариев» доля рассчитывалась от общего количества ответных комментариев.

Сообщения, в которых упоминается поощрение перемещений населения, являются крайне немногочисленными (всего 25% от всех сообщений на эту тему). Среди них наиболее распространены сообщения, посвящённые посещению мероприятий и мест досуга: «Кросс нации – 2019», акция «Ночь искусств» и «Ночь кино», мастер-классы, театральные постановки и показы фильмов. Такие сообщения не вызывают активного обсуждения другими пользователями.

Чуть меньше половины всех сообщений о перемещениях (43,7%) затрагивают проблему безопасности движения. В основном эти сообщения касаются борьбы с нарушениями ПДД и информированием о них.

Согласно данным проведённого анализа, в Первоуральске несколько раз в месяц проходят рейды, направленные на контроль соблюдения правил дорожного движения жителями города.

Очень мало сообщений, раскрывающих тематику целей перемещений (всего 28,1%). Наиболее часто упоминаемая в публикациях жителей цель перемещения – отдых и развлечения. Эта тема связана с ранее упомянутой темой «посещение разных мероприятий и мест досуга».

По характеру каждое второе сообщение, связанное с перемещениями, – позитивное (53,1%). Однако негативных сообщений выявлено довольно много (40,6%). Интересно, что модальность ответных комментариев на новостные сообщения пользователей, как правило, сопровождается знаком «–». Это значит, что комментарии в основном выражают несогласие с тем или иным положением дел, с важностью проблемы, отмечаемой автором. Уровень резонанса (отклик других пользователей), вызываемого сообщениями о тех или иных событиях и ситуациях, связанных с практиками перемещений, можно в целом оценить как средний. Одни публикации вызывают большой интерес со стороны пользователей, а другие – более «холодную», безразличную реакцию. Самой обсуждаемой оказалась тема состояния дорог. Наибольшее число ответных комментариев собрали две новости: о дополнительных барьерах в перемещениях для представителей уязвимых групп (мамы с колясками и люди с ОВЗ), и о ремонте дорог. В комментариях к публикации о ремонте («Ложат асфальт на прокатчиков»¹) в саркастической манере обсуждается, что выбранное её автором слово «ложат» идеально соответствует реальному качеству проводимых работ по ремонту дорог.

В Краснотурьинске, как и в Первоуральске, в большинстве проанализированных сообщений упоминается автомобильный транспорт (62,5%). Однако, если в Первоуральске «приоритет» автомобиля очевиден, то в сообщениях жителей Краснотурьинска нередко упоминаются другие виды и способы передвижения: общественный транспорт (19,2%), пешее движение (17,5%). Отдельное внимание среди видов общественного транспорта в Краснотурьинске заслуживает трамвай. Это «больная» тема для жителей Краснотурьинска. Основные причины их неудовлетворённости данным видом транспорта таковы:

- детали вагонов, срок эксплуатации которых превышает 30 лет, зачастую оказываются неисправными. При этом парк совсем не пополняется новыми вагонами. Примером может служить следующее сообщение: «Сегодня вечером трамвай покидал улицу Попова не своим ходом, а на буксире. Точная причина неизвестна, но о бывшем тагильском 328-м вагоне местные сотрудники ранее говорили, что тот часто сходил с рельс...»²;

¹ URL: https://vk.com/ntprv?w=wall-67415711_33620. 19.09.2019 (Дата посещения: 09.12.2019).

² URL: https://vk.com/krasnoturinsk_live?w=wall-47911660_47323. 30.10.2019 (Дата посещения: 09.12.2019).

- несмотря на относительно обновлённое расписание движения трамваев, жители недовольны большим количеством сбоев, трамваи часто приходят не вовремя и задерживаются;
- погодные условия. Уборка трамвайных путей от снега происходит несвоевременно, что влияет на движение трамваев. В городе этим занимается МУП «Городской трамвай», но, согласно новостям, делает это некачественно. В связи с этим жители регулярно направляют жалобы.

Кроме того, некоторые трамваи не эксплуатируются, «простаивая» в парке и привлекая внимание вандалов. Так, например, один из постов сообщает о том, как граффити-райтеры за одну ночь разрисовали трамвай в парке¹. Это не первый подобный инцидент в городе. Подтверждают мысль о скептическом отношении жителей к данному виду транспорта комментарии пользователей к этому посту: «Стало только лучше» и «Очень круто стало!». В комментариях высказывается точка зрения, что «бесполезный», не выполняющий своей функции транспорт, невозможно испортить. Кроме того, в комментариях жители города предлагают прекратить движение трамваев.

Как и в случае с Первоуральском, большая часть новостных сообщений по Краснотурьинску посвящена перемещениям внутри города (83,6%).

Более половины проанализированных сообщений так или иначе затрагивают категорию «Барьеры перемещений». Среди таковых наиболее часто упоминаемыми оказались ДТП (48%). Этот показатель тоже сопоставим с данными по Первоуральску. При этом освещаются аварии, происходящие как внутри Краснотурьинска: «В понедельник, 11 ноября, произошло ДТП на центральной площади города: «Лада Гранта» <...>, выезжающая со стороны дома спорта, столкнулась с «Ниссаном Марч»²; так и за его пределами: «На трассе Серов–Краснотурьинск буквально несколько минут назад водитель легковушки Chevrolet Lacetti не справился с управлением и врезался в бензовоз»³.

Из всех сообщений только треть освещают тему поощрения перемещений. В этой категории чаще всего упоминаются сообщения о различных мероприятиях и местах досуга (76,3%). Данная ситуация тоже тождественна показателям по Первоуральску. Среди мероприятий упоминались Екатеринбургский бал, фестиваль «Многонациональный Краснотурьинск», «Кросс нации–2019», экоквест «День Турыи», экскурсии по Краеведческому музею, спектакли, турниры по боксу и тхэквандо и др. Среди целей перемещения наиболее часто названы отдых и развлечения (88,7%; эту тему раскрывает почти треть всех проанализированных сообщений).

¹ URL: https://vk.com/krasnoturinsk_live?w=wall-47911660_46720. 25.10.2019 (Дата посещения: 12.12.2019).

² URL: https://vk.com/krasnoturinsk_live?w=wall-47911660_49074. 11.11.2019 (Дата посещения: 12.12.2019).

³ URL: https://vk.com/krasnoturinsk_live?w=wall-47911660_47438. 31.10.2019 (Дата посещения: 12.12.2019).

Категория «Регулирование безопасности движения» оказалась самой немногочисленной по количеству её упоминаний в публикациях (лишь 17,2% сообщений освещают её). Как и в случае с Первоуральском, «лидером» в данной категории является борьба с нарушениями ПДД (46,7%): «Полиция Красноурьинска провела «тотальную» проверку водителей и выявила 25 нарушений <...>»¹, «С помощью скрытого патрулирования будут ловить пьяных водителей <...>»², «В Красноурьинске осудят водителя, который в состоянии алкогольного опьянения насмерть сбил пешехода <...>»³.

Что касается коммуникативной составляющей, то сообщения с негативными и позитивными коннотациями разделились примерно поровну, с небольшим перевесом негативных (51,1 и 43,1%). Уровень обсуждаемости сообщений, связанных с практиками перемещений, как и в случае Первоуральска, можно оценить как средний, хотя у жителей Красноурьинска наблюдается чуть меньший интерес к этой тематике. Так, две трети сообщений не вызвали вообще никакой реакции или она была «скудной» (всего 1–3 человека оставили свои комментарии). При этом большая часть комментариев содержит негативную эмоциональную окраску – выражают несогласие, недоверие, скептицизм, содержат сарказм и неприятие (38,6 против 29,9% сообщений с позитивной тональностью). Наиболее острыми, вызвавшими интерес у пользователей, оказались новости о благоустройстве различных объектов городской инфраструктуры, а также новость о конфликте водителя и пассажира такси⁴. Кроме того, активно обсуждались объекты транспортной и городской инфраструктуры: полуразрушенная остановка, угрожающая безопасности пользователей; ветхий мост, который также вызывает недовольство в связи с невозможностью движения; новая велосипедная дорожка, необходимость которой ставится жителями под сомнение. Это, безусловно, важные темы, которые влияют на формирование образа городского пространства как безопасного/небезопасного; удобного/неудобного; освоенного/навязанного.

Результаты контент-анализа сообщений в группах жителей Ревды соотносятся с результатами по Первоуральску и Красноурьинску. Наиболее популярным способом передвижения оказался автомобиль (56,8%). По упоминаемости в сообществах преобладают события, происходящие внутри города, а не за его пределами (93,8 против 7,5%). Среди ограничений перемещений наиболее часто называются ДТП (31,7%; при этом ровно половина сообщений освещают тему барьеров перемещений). Вместе с тем

¹ URL: https://vk.com/krasnoturinsk_live?w=wall-47911660_47187. 29.10.2019 (Дата посещения: 13.12.2019).

² URL: https://vk.com/krasnoturinskinfo?w=wall-43891946_157493. 01.11.2019 (Дата посещения: 13.12.2019).

³ URL: https://vk.com/krasnoturinsk_live?w=wall-47911660_42587. 29.08.2019 (Дата посещения: 13.12.2019).

⁴ URL: https://vk.com/krasnoturinsk_live?w=wall-47911660_44405. 07.10.2019. (Дата посещения: 14.12.2019).

жителей волнует отсутствие хорошей и безопасной дороги (26,8% сообщений). Эта тема представлена такими сообщениями, как, например, «Посёлок Барановка – часть города Ревда. <...> Так вот, доехать до Барановки легко. Дойти – сложно. Дело в том, что вдоль дороги на посёлок нет ни одного тротуара»¹, «Несмотря на то, что в городе ежегодно меняют систему освещения, горожане всё равно одной из главных проблем Ревды называют тёмные улицы»² и «Будите осторожны! Павла зыкина 36/1 рядом с тротуаром находится открытый люк, весь в листве из-за чего его не заметно»³ (сохранена орфография публикации – ред.). В категории поощрения перемещений чаще всего встречаются сообщения, посвящённые различным мероприятиям и местам проведения досуга (86,2%), а среди целей перемещения, соответственно, – отдых и развлечения (92,3%). Аналогичным образом среди способов регулирования безопасности движения самым важным является борьба с нарушением ПДД (42,9%; при этом всего четверть сообщений вообще затрагивало тематику безопасности движения и её регулирования). Также часто (42,9%) в сообщениях упоминается ремонт дороги. По всей видимости, проблема безопасности дорог и тротуаров и способов её решения является немаловажной для ревдинцев – она волнует их больше, чем жителей Первоуральска и Краснотурьинска. Эта тема затронута, например, в сообщениях: «Ура! У Детской больницы на Энгельса делают новый тротуар, а на Ковельской разметили лежащий полицейский. Круто, да?»⁴, «Это садовод из сада СУМЗ-7 Надежда Мартынова. Она рассказала, как добивалась, чтобы к саду сделали нормальную дорогу»⁵, «Мэрия Ревды взялась за тротуары и лестничные спуски на городских улицах»⁶.

Каждая вторая публикация (51,2%) о перемещениях имеет позитивную тональность (по Краснотурьинску же с небольшой разницей преобладают негативные). Более трети сообщений в Ревде носят негативный характер (42,7%). Степень активности пользователей и их интерес к проблемам движения в Ревде тоже можно обозначить как средний, хоть и несколько выше, чем в двух других городах (59,7% сообщений либо не вызвало никакой ответной реакции, либо сдержанную; 40,2% вызвало более активную реакцию – её высказали четверо и более пользователей). По тональности преобладают негативные комментарии (41,5% из всех содержат недоверие, неудовлетворение, сарказм или скепсис; этот показатель несколько выше по сравнению с Краснотурьинском

¹ URL: https://vk.com/revdanovosti?w=wall-54570186_27626. 09.09.2019 (Дата посещения: 14.12.2019).

² URL: https://vk.com/revdainfo?w=wall-36222835_343202. 09.10.2019 (Дата посещения: 14.12.2019).

³ URL: https://vk.com/revdanovosti?w=wall-54570186_29493. 26.10.2019 (Дата посещения: 14.12.2019).

⁴ URL: https://vk.com/revdainfo?w=wall-36222835_337468. 09.09.2019 (Дата посещения: 14.12.2019).

⁵ URL: https://vk.com/revdainfo?w=wall-36222835_335873. 06.09.2019 (Дата посещения: 14.12.2019).

⁶ URL: https://vk.com/revdanovosti?w=wall-54570186_26860. 29.08.2019 (Дата посещения: 14.12.2019).

и Первоуральском), хотя разрыв с количеством позитивных комментариев оказался не столь существенным (36,0%). Самой волнующей темой оказалось благоустройство города – центрального сквера (и его праздничного открытия), больничного тротуара (его ремонта) и дорог (масштабной акции по поводу их ремонта). Все три новости, как можно заметить, позитивные по своему характеру, однако получают негативные комментарии: «Не вижу повода для радости, все деревья уничтожили. Какой интерес там гулять?», «Очень мрачно и всё убого» (к новости о сквере); «Жаль, что по этим тротуарам ни все смогут ходить», «<...> А дальше прикол, щебня не хватило? Могли бы уже исправить» (к новости о тротуаре); «Уже закономерность последние года всегда под самую зиму асфальт делают <...>» и «<...> Ремонт начинается во время дождей, а лучше с первым снегом» (к новости о ремонте дорог).

Заключение

Практики перемещений населения представляют собой особый способ производства и воспроизводства городского пространства. Предполагается, что ситуации, когда формирование пространства осуществляется «не по плану» и выходит за рамки повседневной рутины, заставляют человека сообщить об этом, поделиться – в том числе посредством публикаций в сообществах социальных сетей. Результаты, полученные в ходе проведённого контент-анализа сообщений, посвящённых практикам перемещений населения трёх моногородов Свердловской области – Первоуральска, Краснотурьинска и Ревды, показали, что процессы движения сопряжены с определёнными проблемами. Во всех трёх городах дискурс перемещений содержит значительную долю негативных коннотаций. Они в основном связаны с большим количеством ДТП, нарушениями правил дорожного движения, отсутствием должного внимания властей к благоустройству объектов городской инфраструктуры (в первую очередь дорог) и безопасности дорог и тротуаров. В контексте Краснотурьинска с негативными коннотациями сопряжены также новостные сообщения о движении трамваев. Это основные проблемы, волнующие жителей городов и освещаемые в их публикациях. Что касается позитивных коннотаций, они находят своё отражение в публикациях, посвящённых способам интенсификации передвижений (а именно – проведении разных мероприятий, посещении жителями мест досуга) и различным методам борьбы с нарушением правил дорожного движения. Наиболее острыми, заслуживающими повышенного внимания общественности, оказываются проблемы благоустройства городской среды и её безопасности. Доминируют пессимистичные настроения, выраженные в таких проявлениях, как критика, сарказм, скепсис, неприятие или отрицание. Даже попытки городских властей усовершенствовать городскую транспортную инфраструктуру и обеспечить безопасность перемещений не находят позитивного отклика у населения.

Наиболее распространёнными практиками перемещений для жителей моногородов являются практики вождения автомобиля. В связи с этим ключевые фоновые ожидания горожан касаются комфортного и безопасного передвижения на автомобиле. Однако эти ожидания нарушаются дорожно-транспортными происшествиями и низким качеством объектов транспортной инфраструктуры.

Практики вождения автомобиля делят жителей города на три группы: водители и автовладельцы; пешеходы и пассажиры; а также власти, отвечающие за качество инфраструктуры. Взаимоотношения между всеми этими группами можно охарактеризовать как напряжённые. Об этом свидетельствует тот факт, что наибольшее число комментариев относятся к публикациям, информирующим о конфликтах между участниками движения. Замечено, что одни и те же события могут различно интерпретироваться субъектами: новостные сообщения позитивной тональности от лица городских властей о совершенствовании инфраструктуры парируются негативными комментариями жителей.

Значимо и то, что ремонт дорог и борьба с нарушениями правил дорожного движения преподносятся в информационном пространстве как особенные, уникальные события. В этой связи рутинное состояние транспортной инфраструктуры может быть описано посредством терминов «небезопасный» и «устаревший». И хотя эти черты относятся только к транспортной инфраструктуре, часто происходит перенос такого восприятия на городское пространство в целом.

Приоритет автомобильных практик перемещения высвечивает ещё одну проблему – неудовлетворённость жителей услугами общественного транспорта. Автомобиль становится столь желанным способом передвижения, поскольку общественный транспорт воспринимается как неудобный. В результате пространство города развивается по законам «автомобильных городов».

Неявные смыслы, которыми руководствуются жители изученных моногородов в своих практиках перемещения, отражают черты, свойственные социальному пространству уральских моногородов, некоторые особенности которых позволило выделить проведённое исследование.

Во-первых, сохраняется восприятие моногорода как замкнутой социально-территориальной общности. Об этом свидетельствует тот факт, что выявленные практики передвижения преимущественно являются внутригородскими. Междугородние практики перемещений представлены категориями, обозначающими ограничения/прекращение движения (аварии, ДТП).

Во-вторых, исследование практик перемещений жителей моногородов выявляет патерналистские ожидания жителей города. Исторически в моногородах градообразующее предприятие обеспечивало высокое качество жизни населения. Критика работы городских властей по созданию транспортной/городской инфраструктуры в виртуальных сообществах указывает на то, что существует определённое недовольство жителей города качеством городской инфраструктуры в целом и транс-

портной инфраструктуры в частности. При этом ответственность за её качество горожане возлагают на городские власти. Деятельность по преобразованию городского пространства не решает значимых для горожан проблем, жители города не чувствуют себя партнёрами городской власти.

Другая черта уральского моногорода – это его несоответствие представлениям о современности. Ограничения в перемещениях, с которыми регулярно сталкиваются жители моногорода, это устаревшая и разрушающаяся транспортная инфраструктура. Несоответствие представлениям о современности тесно связано с восприятием города как «неудобного для жизни».

Таким образом, исследование практик перемещений населения уральских моногородов позволяет сделать вывод о необходимости движения в сторону большего включения моногородов в локальные системы расселения, поощрения межгородских перемещений населения, повышения открытости деятельности городских властей, развития механизмов участия населения в принятии решений, значимых для развития транспортной и городской инфраструктуры.

Библиографический список

Абушенко В. Л. Повседневность // Большой толковый социологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/social_dict/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (Дата посещения: 17.12.2019).

Бейер Е. 2010. Мобильность. Последствия парадигмы мирового городского планирования для жизни в социалистическом государстве // Второй Международный форум дизайна и архитектуры NEW CITY. URL: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=236&m=29766&y=2009> (Дата посещения: 17.12.2019).

Бёрджесс Э. 2002. Рост города. Введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. Т. 4. № 1–2 (11–12). С. 168–181.

Ваксман С. А. 2004. О соотношении понятий «мобильность» и «подвижность» в исследовании транспортных систем городов // Материалы X международной (тринадцатой екатеринбургской) научно-практической конференции. Екатеринбург, 14–15 июня 2004 г. URL: <http://www.waksman.ru/Russian/Systems/Waksm2.htm> (Дата посещения: 17.12.2019).

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. 2013. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 16. № 3. С. 101–111.

Волков В. В., Хархордин О. В. 2008. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 298 с.

Воронина И. Е., Гончаров В. А. 2015. Анализ эмоциональной окраски сообщений в социальных сетях (на примере сети «ВКонтакте») // Вестник ВГУ. № 4. С. 151–158.

Гарфинкель Г. 2007. Исследования по этнометодологии. СПб: Питер. 335 с.

Гофман И. 2003. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, ФОМ. 752 с.

Дробышевская Т. В. 2016. Драматургия города // Проект Ridero.ru. URL: https://ridero.ru/books/dramaturgiya_goroda/read/#textpreview (Дата посещения: 17.12.2019).

Дукин Р. А. 2016. Чемпионат мира по футболу 2018: информационная подготовка городов-организаторов в медиaprостранстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 116–128. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.4.08>.

Карлсон Ю. В. 2010. Методологические особенности исследования повседневности // Известия Тульского государственного университета. № 1. С. 37–44.

Лунёва Е. Е. 2015. Автоматизированная оценка эмоций пользователей социальных сетей на основе нечеткой логики / Лунёва Е. Е., Ефремов А. А., Банокин П. И. // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. № 3. С. 249–254.

Петров Н. В. 1986. Пространственно-временной анализ в социальной географии: основные достижения и направления исследований шведской школы. М.: ИГАН. 56 с.

Психолингвистический анализ русскоязычных текстовых сообщений на основе их фоносемантических статистических характеристик / Сигов А. С., Акимов Д. А., Жуков Д. О., Андрианова Е. Г., Сачков В. Е., Раев В. К. // Информатика и её применение. 2017. Т. 11. № 3. С. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.14357/19922264170309>.

С помощью мобильных телефонов американские ученые выявили законы перемещения людей. 2008 // Веб-сайт «Центр гуманитарных технологий». URL: <https://gtmarket.ru/news/culture/2008/06/07/1699> (Дата посещения: 17.12.2019).

Серто М. де. 2010. Практика повседневной жизни. Пространственные практики // Прогнозис. № 1 (20). С. 151–184.

Серто М. де. 2015. Изобретение повседневности: Искусство делать. СПб.: Изд-во ЕУСПб. 328 с.

Современная социальная философия / Под общ. ред. Т. Х. Керимова. Екатеринбург: Изд-во. Урал. ун-та, 2015. 156 с.

Статистика социальных сетей. 2019. // Веб-сайт Brand Analytics – системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ. URL: https://br-analytics.ru/statistics/author/?hub_id=3&date=201911&country_id=20&period_type=month (Дата посещения: 17.12.2019).

Теория культуры / Под ред. Иконниковой С. Н., Большакова В. П. СПб.: Питер, 2008. 592 с.

Flamm M., Kaufmann V. 2006. Operationalising the concept of motility: a qualitative study // *Mobilities*. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 167–189.

Hillier B., Hanson J. 1989. *The social logic of space*. Cambridge: Cambridge University Press. 281 p.

Kindynis T. 2018. Bomb alert: graffiti writing and urban space in London // *British journal of criminology*. № 58. Pp. 511–528.

Shareck M. 2013. *Considering daily mobility in contextual studies of social inequalities in health: conceptual and empirical insights: thesis ... the degree of PhD*. Canada: University de Montréal. 354 p.

Статья поступила 20.12.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникиева Анна Владимировна, кандидат социологических наук, специалист, Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области

«Институт развития образования», Екатеринбург, Россия

Швиндт Ульяна Сергеевна, аспирант 2-го года обучения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684

The Mobility of Ural Region Company Town Residents: Social Practices and Peculiarities of City Spaces

Anna V. Anikieva

Institute of education development, Ekaterinburg, Russia

E-mail: 79089207009@ya.ru

ORCID ID: 0000-0002-8440-8163

Uliana S. Shvindt

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

E-mail: uliana_s@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-1076-1383

For citation: Anikieva A.V., Shvindt U.S. The mobility of Ural region company town residents: social practices and peculiarities of city spaces. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. ... No. 4. P. 167–189. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684

Abstract. The authors of this article base their reasoning on the fact that company towns are a special type of city space. In order to successfully implement programs for supporting and developing company towns, one must take into account the specific features inherent to the social-territorial community in question. Drawing attention to individual movement practices, them being activities in space, allows for identifying specifics and patterns in that particular social space where they are practiced, and the production of which they are contributing to. The study of the moving practices of industrial company town residents, which in scientific literature is represented by a very limited amount of studies, bears considerable potential for research, since it allows for tracing the entire process of space reproduction. Mobility has a systemic and routine character, being based on specific activity stereotypes and implicit “background expectations”. As a result they are rather difficult to register using classic survey methods. The authors of this article¹ base their reasoning on the assumption that studying social movement practices requires

¹ This article was prepared as part of a project titled “Mobility trajectories of the working population of small and average sized company towns of various profile”. The project is being carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project # 18-011-00457, 2018–20.

the examination of those situations which violate the established social order. The article takes into consideration publications from the “VK” social network as a description for such “situations”. As such, the empirical base for the study consists of messages from open-access virtual territorial communities. The authors analyze communities that publish local news from three company towns in Sverdlovsky region (Pervouralsk, Krasnoturyinsk and Revda). The main distinction of the chosen data source is that publications appear upon user initiative, which rules out any influence the researcher might have on the meaning of the message. Content-analysis results allow for drawing a conclusion on the leading role of the automobile for company town residents, as well as on their dissatisfaction with public transport services. Also, the study allows for identifying the city space peculiarities inherent to Ural region company towns, which are defined by the locals’ mobility practices and also reproduced by said practices. According to the authors, these peculiarities are as follows: regarding a company town as a closed social-territorial community, perceiving such a city in the vein of outdated, unsafe space and obsolete infrastructure, as well as a certain tension existing between the population and local authorities within the city’s social space.

Keywords: sociology, movement, social practices, social order, single-industry cities, city space

References

Abushenko V.L. Sociological dictionary. Available at: https://gufo.me/dict/social_dict/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (accessed: 17.12. 19) (In Russ.).

Beyer E. Mobility. Implications of a global urban planning paradigm for state socialist urbanism in the 1960th. Materials of the Second international forum of design and architecture NEW CITY, 2010. Available at: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=236&m=29766&y=2009> (accessed: 17.12. 19) (In Russ.).

Burgess E. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo = Personality. Culture. Society, 2002: vol. 4: 1–2 (11–12): 168–181 (In Russ.).

Certeau M. de. Everyday invention: the Art of Making. St.Petersburg, European University publ., 2015: 328 (In Russ.).

Certeau M. de. The Practice of Everyday Life. Prognosis = Proghnosis, 2010: 1 (20): 151–184 (In Russ.).

Drobyshevskaja T.V. Dramaturgy of the city. Web-site Ridero, 2016. Available at: https://ridero.ru/books/dramaturgiya_goroda/read/#textpreview (accessed: 17.12. 19) (In Russ.).

Dukin R.A. World Cup: Preparation of the Host Cities for the Media Coverage. Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2016: 4: 116–128 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.4.08>.

Flamm M., Kaufmann V. Operationalising the concept of motility: a qualitative study. Mobilities, 2006: Vol. 1: 2: 167–189.

Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. St.Petersburg, Piter, 2007: 335 (In Russ.)

Goffman E. Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience. Moscow, ISRAS publ., 2003: 752 (In Russ.).

Hillier B., Hanson J. The Social Logic of Space. Cambridge (UK), Cambridge University Press, 1989: 281.

Karlson J.V. Methodological peculiarities of the everyday life studies. Izvestija Tulskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tula State University, 2010: 1: 37–44 (In Russ.)

Kindynis T. Bomb alert: graffiti writing and urban space in London. British journal of criminology, 2018: 58: 511–528.

Luniova E.E., Efremov A.A., Banokin P.I. Automated sentiment analysis evaluation of social network users based on fuzzy logic. Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO = Economics, Statistics and Informatics. UMO Bulletin, 2015: 3: 249–254 (In Russ.).

Petrov N.V. Spatio-temporal analysis in social geography: main achievements and research directions of the Swedish school. Moscow, Institute of Geography of the AS USSR publ., 1986: 56 (In Russ.).

Shareck M. Considering daily mobility in contextual studies of social inequalities in health: conceptual and empirical insights: thesis ... the degree of PhD. Canada, Universit  de Montr al, 2013: 354.

Sigov A.S., Akimov D.A., Zhukov D.O., Andrianova E.G., Sachkov V.E., Raev V.K. Psycholinguistic analysis of text messages in Russian based on their phonosemantic statistical characteristics. *Informatika i eyo primeneniye = Informatics and Its Applications*, 2017: Vol. 11: 3: 80–89 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14357/19922264170309>

Modern social philosophy. Ed. by T.H. Kerimov. Ekaterinburg, Ural Federal University publ., 2015: 156 (In Russ.).

Theory of culture. Ed. by S.N. Ikonnikova, V.P. Bol'shakova. St. Petersburg, Piter, 2008: 592 (In Russ.).

Vandyshchev M.N., Veselkova N.V., Priamikova E.V. Memorial Places and Symbolic Capital of Territories in Mental Maps of Town-Dwellers. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2013: vol. 16: 3: 101–111 (In Russ.).

Volkov V.V., Kharhordin O.V. Theory of Practices. St. Petersburg, European University publ., 2008: 298 (In Russ.).

Voronina I.E., Goncharov V.A. Sentiment analysis of messages in social media (on example of "Vkontakte"). *Vestnik VGU = Bulletin of Voronezh State University*, 2015: 4: 151–158 (In Russ.).

Waksman S.A. Towards Conceptual Balance Between Mobility and Motility Terms in Transportation Studies, 2004. Available at: <http://www.waksman.ru/Russian/Systems/Waksm2.htm> (accessed: 17.12. 19) (In Russ.)

The article was submitted on: December 20.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anikieva Anna Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, expert,
Institute of education development, Ekaterinburg, Russia

Shvindt Uliana Sergeevna, Second year PhD student,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin,
Ekaterinburg, Russia

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685

Капитальный ремонт многоквартирных домов: проективные установки и поведенческие практики россиян

Ссылка для цитирования: Ермишина А. В., Клименко Л. В. Капитальный ремонт многоквартирных домов: проективные установки и поведенческие практики россиян // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 190–212. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685

For citation: Ermishina A. V., Klimenko L. V. Major renovations of apartment complexes: Russian people's projective attitudes and behavior practices. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 190–212. DOI 10.19181/vis.2020.11.4.685

**Ермишина
Анна Вениаминовна,**

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

AVermishina@sfnedu.ru

AuthorID ПИНЦ: [319281](#)

**Клименко
Людмила Владиславовна,**

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

LVKlimenko@sfnedu.ru

AuthorID ПИНЦ: [205951](#)

Аннотация. В статье представлен анализ проективных установок и поведенческих практик россиян в сфере участия в финансировании и организации капитального ремонта многоквартирных домов. Эмпирической базой исследования¹ являются данные социологических опросов ВЦИОМ (2015–20 гг.), Института социологии РАН (2003–19 гг.), ФОМ (2015 г.), Левада Центра (2019 г.), Европейского социального исследования (The European Social Survey 2016, 2018 гг.), а также результаты экспертных интервью, проведенных авторами в 2020 г. Необходимость обеспечения безопасности жилья, сложность и высокая стоимость ремонта объясняют вмешательство государства в данную сферу. Жилищное законодательство РФ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-01-00503.

закрепляет ответственность собственников жилья в многоквартирных домах за содержание и ремонт общего имущества, а также порядок финансирования капитального ремонта домов за счёт взносов собственников. Реализуемая в настоящее время в России модель финансирования и организации капитального ремонта многоквартирных домов, предполагающая одновременное существование «общего котла» и «специальных счетов», регулируемых взносов собственников (имеющих налоговый характер), далека от совершенства, связана с проблемами недофинансирования, низкого качества капитального ремонта, коррупциогенностью и слабым влиянием собственников жилья на принятие решений. Анализ материалов российских и региональных эмпирических исследований фиксирует разрыв между проектными установками и реальными поведенческими практиками россиян в сфере капитального ремонта. Несмотря на высокий уровень критичности в оценках качества жилищно-коммунальных услуг, восприятие модели «общего котла» (способа формирования фонда капитального ремонта на счетах регионального оператора) как социально несправедливой, собственники жилья демонстрируют слабый уровень гражданской самоорганизации и низкие показатели способности к коллективным действиям (участию в общедомовых собраниях по вопросам капремонта, созданию и пополнению спецсчетов, контролю над проведением капремонта дома и пр.). Причины медленного протекания процессов формирования эффективных собственников жилья во многом связаны с особенностями институциональной среды принятия коллективных решений по финансированию и производству локальных общественных благ, к числу которых относится и капитальный ремонт многоквартирных домов.

Ключевые слова: социология, жилищная экономика, коллективные действия, проективные установки, жилищная самоорганизация, капитальный ремонт

Массовая бесплатная приватизация жилья в России как «лейтмотив постсоциалистических городских изменений» [Bodnar 2001: 7] сформировала слой собственников и такую организацию жилищного сектора, при которой собственность в многоквартирных домах (МКД) оказалась раздроблена между отдельными владельцами квартир. Коллективный характер потребления жилищно-коммунальных благ в МКД потребовал общих решений по вопросам управления домами и коллективных действий жителей.

Неисключаемость и неделимость в потреблении некоторых жилищных благ, возникающих на базе общего имущества собственников жилья в многоквартирном доме, позволяет характеризовать их как общественные блага локального уровня. Механизмы финансирования и производства таких благ сопровождаются трудностями организации коллективных действий, социальными дилеммами и фрирайдерством [Белокрылова, Ермишина 2012].

К числу коллективных жилищных благ в многоквартирных домах относится и капитальный ремонт общего имущества дома, часто упоминаемый в числе наиболее актуальных проблем жилищно-коммунального комплекса России. Более 1,69 млн МКД, или 64,24% от их общего числа, имеют общий износ свыше 30%, что предполагает проведение работ по капитальному ремонту дома¹. Необходимость обеспечения безопасности жилья, сложность и высокая стоимость ремонта предопределили важ-

¹ Рассчитано по: Жилищное хозяйство в России. Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 16.

ность этих вопросов, отражённую в жилищном законодательстве. Для принятия решения о проведении работ необходимо не менее двух третей голосов собственников жилья на общем собрании многоквартирного дома, в то время как по другим вопросам решение принимается простым большинством участников собрания или собственников жилья¹. Проведение качественного и своевременного капитального ремонта дома способствует не только улучшению жилищных условий и комфортности мест общего пользования, но и повышению капитализации жилья. Современные технологии в данной сфере позволяют в результате капитального ремонта модернизировать многоквартирный дом за счёт повышения энергоэффективности зданий, установки ресурсосберегающих инженерных коммуникаций и оборудования, что в свою очередь оказывается фактором снижения стоимости содержания многоквартирного дома и расходов жителей на оплату коммунальных ресурсов.

Эффективная система управления многоквартирным домом в значительной мере определяется способностью его жителей к активным совместным действиям, в том числе по организации капитального ремонта общего имущества. Готовность к самоорганизации, участию в принятии решений можно считать индикатором зрелости «эффективного собственника» в многоквартирном доме. Эффективным собственником жилья мы считаем собственника квартиры в МКД, готового нести бремя собственности как необходимости текущих и капитальных расходов по содержанию личного и общедомового имущества, использовать свою собственность в качестве источника настоящих или будущих рентных доходов и способного к организации своих интересов и действий с другими собственниками в МКД. Наличие такого собственника позволяет создать эффективную систему управления многоквартирным домом как единым имущественным комплексом [Ермишина, Клименко 2010а: 108]. Наши предыдущие исследования показали, что без эффективного собственника как экономического субъекта отношений и без самоорганизации таких собственников на рынке работ по модернизации жилищного фонда, невозможно формирование спроса на ресурсосберегающие технологии, качественные услуги, повышающие комфортность жилья, а также наличие полноценной конкурентной среды для деятельности подрядных организаций.

Существенные положительные эффекты проведения капитального ремонта, равно как и угрозы, связанные с его откладыванием, должны способствовать активным действиям собственников жилья. Необходимо выяснить, стимулирует ли современное устройство управления модернизаций многоквартирных домов самоорганизацию их жильцов, формируется ли в итоге «эффективный собственник».

В этой связи обратимся к анализу динамики проективных установок и поведенческих практик населения в сфере организации и финансирования капитального ремонта общего имущества в МКД.

Эмпирической базой исследования являются данные социологических опросов ВЦИОМ (2015–20 гг.), Института социологии РАН (2003–19 гг.), ФОМ (2015 г.), Левада Центра (2019 г.), Европейского

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 46, п. 1. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/

социального исследования (The European Social Survey 2016 и 2018 гг.), а также результаты экспертных интервью, проведённых авторами в 2020 г. Для выявления экспертного мнения последовательно были проведены пять интервью с представителями некоммерческих организаций в сфере ЖКХ, бывшими и действующими чиновниками региональных органов власти, ответственными за ЖКХ. Для регионального уровня такого небольшого количества интервью достаточно, так как подобных организаций немного.

Оценка населением сферы ЖКХ

За последние полтора десятилетия выросло число россиян, которые имеют своё жильё. По данным исследований Института социологии РАН, в 2003 г. являлись собственниками квартиры или дома от 77 до 86% жителей столичных и провинциальных городов, а в 2017 г. этот показатель составлял 87 и 96% соответственно [Двадцать пять... 2018: 242]. Массовое владение жильём сопровождается достаточно критичным восприятием россиянами качества услуг в жилищно-коммунальной сфере. По данным ВЦИОМ, полностью удовлетворены качеством ЖКУ не более четверти населения. Хотя на протяжении последнего десятилетия фиксируется позитивная динамика оценок: в 2010 г. в той или иной степени были удовлетворены качеством ЖКУ 39% россиян, а в 2019 г. этот показатель составляет уже 60%. (рис. 1).

Рис.1. Показатели удовлетворённости качеством жилищно-коммунальных услуг (один вариант ответа, в %). Опрос ВЦИОМ¹

Figure 1. Values of satisfaction with quality of utility services (single answer, in %). VCIOM survey

¹ Составлено по: Россияне о качестве ЖКХ // Пресс-выпуск ВЦИОМ. №3999. 03.07.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9786> (Дата посещения: 15.09.2020).

Опросы Института социологии РАН 2015–19 гг. демонстрируют, что по различным регионам показатели удовлетворённости сферой ЖКХ варьируются от 5 до 30% и также имеют тенденцию к росту [Отношение населения... 2019: 36]. А недовольство качеством ЖКУ «во многом формируется за счёт разрыва между расходами, которые люди несут в связи с оплатой жилья и жилищно-коммунальных услуг и их качеством» [Социальная политика... 2006: 113].

На современном этапе население больше всего беспокоят следующие жилищные проблемы (опрос Левада-Центра 2019 г.): плохое качество воды (18%), отсутствие возможности сделать косметический ремонт в квартире/доме (18%) и необходимость капитального ремонта здания (16%) [Жилищные проблемы... 2019]. Причём проживающие в многоквартирных домах чаще, чем жители частных домов, отмечают, что их всё устраивает (39 против 29%). В то же время проблемы капитального ремонта уже больше заботят жителей МКД, чем «частников» (17 против 11%). (рис. 2).

Рис. 2. Что вас не устраивает в вашем жилье?

(несколько вариантов ответа, в %; даны ответы, собравшие не менее 6% по модулю). Опрос Левада-Центр, 2019 г.¹

Figure 2. What aspect of your housing do you find unacceptable? (multiple answers, in %; only answers that garnered over 6% are listed). Levada Center survey, 2019

¹ Составлено по: [Жилищные проблемы 2019].

Согласно исследованиям ВЦИОМ относительно удовлетворённости респондентов своими жилищными условиями, наибольшее недовольство вызывает высокая стоимость оплаты ЖКУ (40% в 2018 г. и 18% – в 2007 г.), недостаточная жилая площадь, теснота (39 и 41% соответственно). На третьем месте в рейтинге жилищных проблем также располагается проблема аварийного состояния жилья (14 и 25%) [Под крышей дома... 2018].

Динамика жилищной самоорганизации в России

На фоне невысокой степени удовлетворённости качеством ЖКУ показатели самоорганизации собственников жилья в многоквартирных домах тоже достаточно низкие.

Предполагалось, что в условиях реформирования российского ЖКХ в 1990–2000-е гг. с массовой приватизацией и минимизацией государственного регулирования этой сферы, в конечном счёте «общие интересы жильцов многоквартирных домов будут успешно реализованы активными коллективными действиями собственников» [Белокрылова, Ермишина 2012: 174]. С одной стороны, эти процессы должны были способствовать формированию зрелости собственников приватизированного жилья в МКД и их коллективной городской идентичности [Frцhlich 2020], институционализировать гражданское участие в управлении городскими общественными пространствами [Attwood 2012].

С другой стороны, прошедшие несколько лет реформ не привели к институционализации социальной субъектности в сфере жилищной самоорганизации [Борисова 2014; Модели самоорганизации... 2014; Ермишина, Клименко 2010b]. Результаты эмпирических исследований показали, что большинству жильцов в МКД была свойственна «пассивность, неорганизованность, склонность к государственному и муниципальному иждивенчеству, отсутствие навыков принятия коллективных решений, недоверие к соседям и власти» [Ермишина, Клименко 2010a].

По мнению исследователей, в настоящее время в российских городах управление жилищным фондом и городским благоустройством концентрируется в городских администрациях, оставляет немного пространства для проявления и развития гражданского активизма жителей [Badyina, Golubchikov 2005; Frцhlich 2020]. «Реабилитация, реновация, реконструкция всех элементов городской среды осуществляется административным путём, практически без общественных слушаний, общественной экспертизы и других форм общественного участия» [Яницкий 2018: 162].

Важнейшим показателем жилищной самоорганизации является динамика организации товариществ собственников жилья как наиболее перспективной формы управления многоквартирным домом. Однако, по мнению экспертов, «товарищества собственников жилья как форма самоорганизации собственников не получили в Российской Федерации долж-

ного развития, какого можно было бы ожидать, принимая во внимание их преимущества, из которых главное – право и возможность собственников самим распоряжаться средствами, которые собираются и расходуются на содержание дома» [Самоорганизация жителей... 2020]. В динамике ТСЖ в России можно выделить четыре периода: 1) небольшой прирост (до 2005 г.), 2) образование основного массива ТСЖ (2005–11 гг.), 2) массовая ликвидация (2012–17 гг.), 4) стабилизация (с 2017 г. по настоящее время). В 2018 г. насчитывалось около 44 тыс. ТСЖ, что составляет только 4% от числа многоквартирных домов в России (рис. 3).

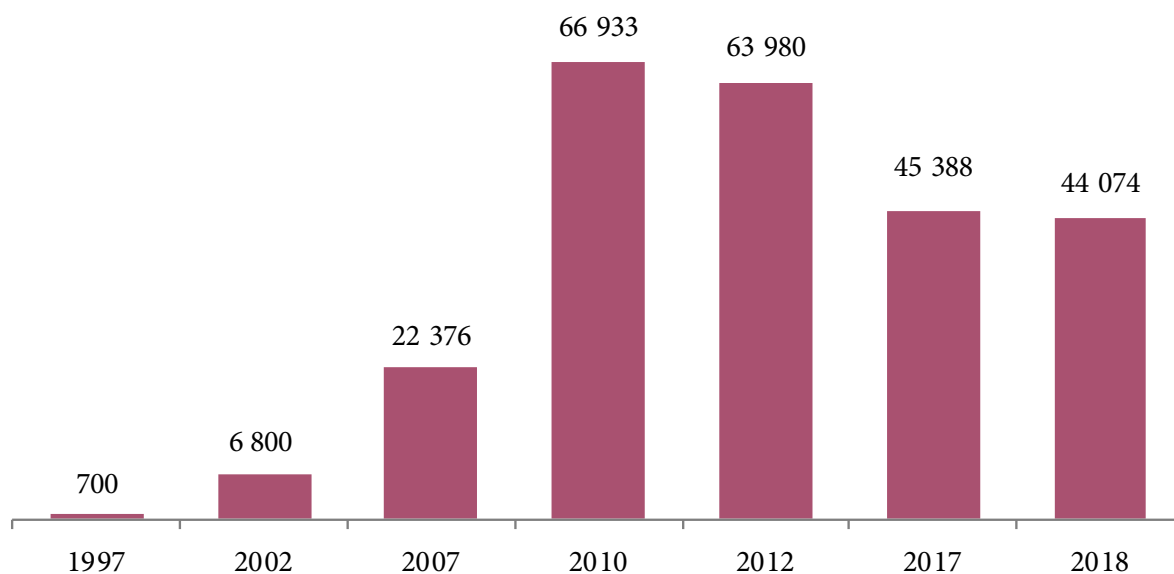

Рис. 3. Изменение числа товариществ собственников жилья (ТСЖ) в России¹

Figure 3. Change in the number of homeowner associations in Russia

Как справедливо отмечено Е. Борисовой, «в целом имеющаяся динамика ТСЖ явно указывает на отсутствие стабильности и предсказуемости, а также на серьёзную зависимость образования ТСЖ от политики властей. На данный момент изменение числа ТСЖ определяется в большей степени стимулирующими или, напротив, ограничивающими мерами извне, нежели осознанными действиями самих людей – собственников жилья» [Борисова 2014: 187].

Между тем различные социологические измерения уровня самоорганизации граждан показывают, что активность россиян в жилищной сфере выше, чем в других сферах общественно-политической активности [Цыбикова 2017: 47; Мерсиянова 2010]. Однако, если посмотреть на конкретные виды этой активности, то чаще встречаются скорее эпизодические, не требующие регулярной вовлечённости мероприятия (такие как благоустройство придомовой территории), тогда как действия, требующие постоянных коллективных усилий, направленных на управление общим имуществом (участие в работе ТСЖ, домового комитета, выбор управляющей компании и контроль её деятельности) не являются рас-

¹ Дано по: [Самоорганизация жителей... 2020].

пространёнными. И ещё половина жителей МКД вообще не принимала участия ни в каких мероприятиях. На этом фоне бóльшую степень пассивности демонстрируют респонденты, не являющиеся собственниками жилья, и молодёжь (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Скажите, что из перечисленного Вы делали за последние год-два?

Можно выбрать любое число ответов (несколько вариантов ответа), %¹

Please tell us, which action from the list have you performed in the last year or two?

You can choose any number of answers, %

	Все опрошенные	Собственное жильё в МКД	Съёмное жильё в МКД, общежитии	Возрастные группы, лет				
				18–24	25–34	35–44	45–59	60 и старше
Участие в работе ТСЖ	10	11	6	1	7	10	14	12
Участие в работе домового комитета	8	9	3	1	6	10	7	11
Участие в выборе УК, контроле деятельности УК	17	19	8	10	16	19	16	19
Участие в благоустройстве придомовой территории	32	34	27	15	25	32	35	41
Не делал ничего из перечисленного	50	47	65	80	52	49	46	44
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	1	-	1	1
Всего	118	120	110	108	108	120	119	127

Низкая степень активности собственников в сфере управления МКД проявляется не только на уровне поведенческих установок, но и на уровне интереса и осведомлённости. По данным общероссийских опросов, около 40% жильцов не знают названия компании, которая занимается обслуживанием их дома [Россияне о качестве... 2019]. А из тех, кто указал название, многие не знают её статуса (частная управляющая компания или государственное предприятие) [Мой дом... 2020].

Важным условием эффективной самоорганизации граждан в жилищной сфере выступают показатели социального капитала собственников. Здесь мы используем подход Р. Патнэма, который понимал под социальным капиталом «черты социальной организации, сети, нормы и доверие, которые способствуют координации и кооперации для взаимной выгоды» [Putnam et al. 1993]. Другими словами, умение договариваться и практики солидарного взаимодействия в сфере ЖКХ во многом основываются на отношениях доверия между жильцами. Регулярные исследования, измеряющие уровень доверия между

¹ Рассчитано по массиву опроса в формате SPSS, размещенного на сайте ВЦИОМ. См: [Мой дом... 2020].

людьми, проводятся в разных странах. По результатам международного сравнительного опроса Европейского социального исследования (The European Social Survey, далее – ESS), россияне в целом не отличаются высокими показателями доверия друг к другу. Наиболее высокие значения по этому параметру фиксируются в Норвегии (6,8 средних балла в 2018 г.) и Швейцарии (5,9 средних балла). В ряде стран Восточной Европы показатели доверия в 2018 г. ниже: 4,6 средних балла в России; 4,0 – в Польше; 4,6 – в Венгрии (рис. 4).

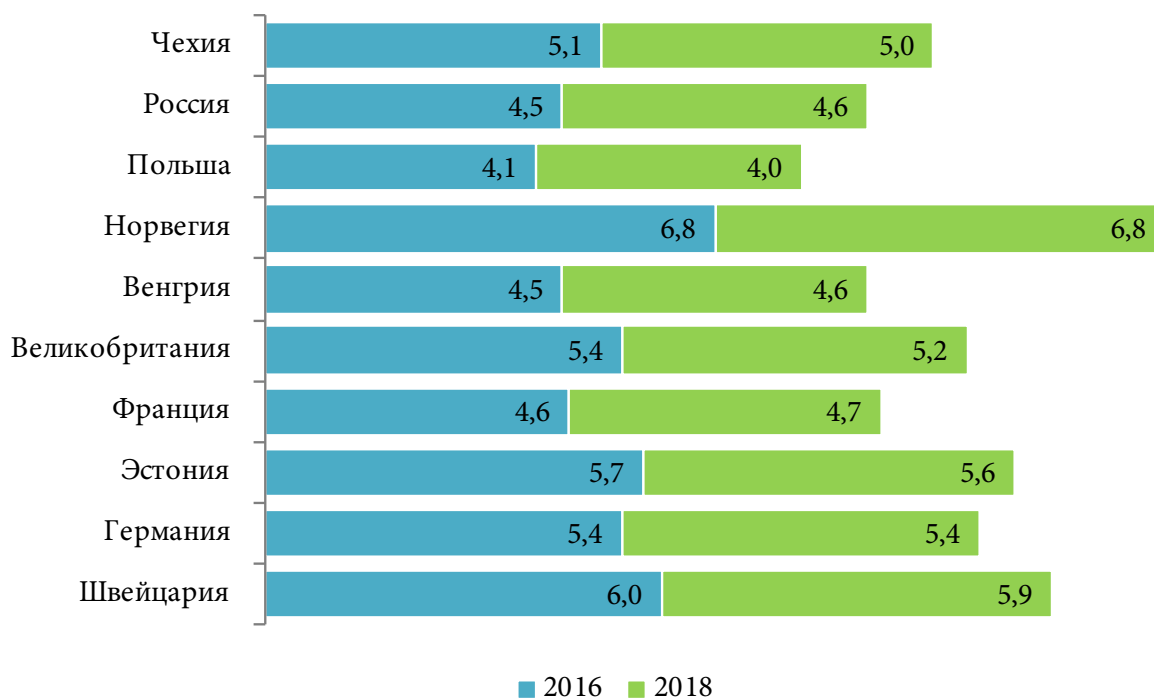

Рис. 4. Вы считаете, что большинству людей можно доверять или излишняя осторожность не помешает? (в средних баллах).

Опрос ESS. Оценка по 9-ти балльной шкале, где чем выше балл, тем бóльшая степень согласия с утверждением «большинству людей можно доверять»¹

Figure 4. Do you think that most people are trustworthy, or perhaps one is better off being cautious? (average points). ESS survey. On a scale of 1 to 9, where the higher the score – the higher the approval for the statement “most people are trustworthy”

Современные опросы ВЦИОМ показывают, что 46% россиян знакомы почти со всеми соседями по подъезду, а по лестничной площадке – 75%. В тоже время уровень доверия к соседям невысокий: 38% опрошенных выражают разную степень доверия, а 39% говорят о недоверии. У группы собственников жилья в МКД показатели доверительного отношения немного выше, чем у квартиросъёмщиков (41 против 37%) (рис. 5).

¹ Данные Российского социального исследования по программе ESS. Исследование проведено ЦЕССИ, 8 волна (октябрь 2016–январь 2017 гг., N=2430 интервью) и 9 волна (ноябрь 2018–февраль 2019 гг., N=2416) методом личных интервью на дому у респондентов по случайной вероятностной выборке населения в возрасте 15 лет и старше. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайте www.ess-ru.ru и www.europeansocialsurvey.org. (Дата посещения: 15.09.2020).

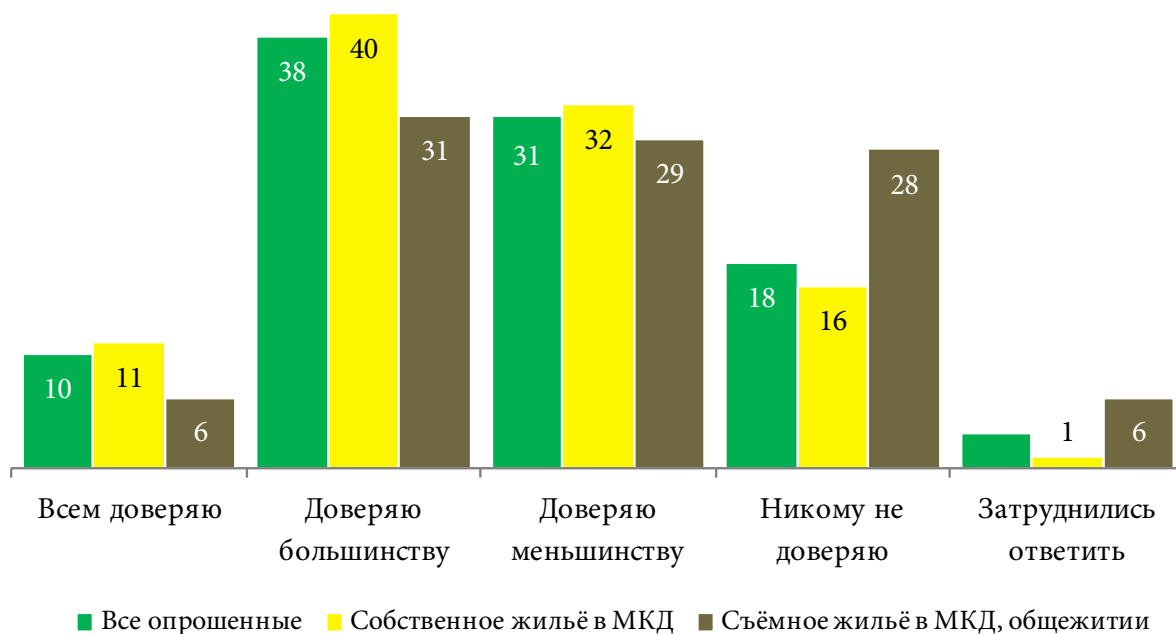

Рис. 5. Скажите, если говорить в целом, то Вы доверяете или нет своим соседям?
Опрос ВЦИОМ, 2019 г. (один ответ, %)¹
Figure 5. Overall, do you or do you not trust your neighbors?
VCIOM survey, 2019 (single answer, %)

Таким образом, критичное отношение россиян к качеству ЖКУ не сопровождается активизацией жилищной самоорганизации населения. Показатели социального капитала также не выступают достаточным основанием для институционализации социальной субъектности населения в сфере управления МКД. В этих условиях проблема капитального ремонта как проблема инвестирования в модернизацию жилого здания оказывается самой сложной для решения, так как требует не только активных коллективных действий жителей, но и существенных финансовых ресурсов, накопление которых должно осуществляться десятилетиями, или использования финансовых инструментов с долгосрочными последствиями для всех собственников жилья в МКД.

Установки россиян в отношении финансирования и организации капитального ремонта МКД

Закон о приватизации жилищного фонда в России, принятый в 1991 г., закреплял обязанность государства по капитальному ремонту МКД, в котором приватизировались квартиры². Однако бюджетных средств для проведения плановых капитальных ремонтов в стране было недостаточно, износ жилищного фонда увеличивался, вызывая справедливые жалобы жильцов. Введённый в действие в 2005 г. Жилищный

¹ Составлено по: [Мы и наши соседи... 2019].

² Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» от 04.07.1991. N 1541-1. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_100/ (Дата посещения: 15.09.2020).

кодекс РФ уже закреплял финансовую ответственность собственников за общее имущество многоквартирного дома, что подразумевало самоорганизацию проживающих, в том числе и в организации работ по капитальному ремонту дома. ТСЖ и ЖСК отчасти решали возникающие проблемы своими силами или с помощью государственных субсидий, однако в целом проблема капитального ремонта приобрела к середине 2000-х гг. острый характер. Социологические опросы населения в эти годы свидетельствовали о том, что большинство россиян (43%) по-прежнему считают капитальный ремонт МКД обязанностью государства¹.

Благоприятная экономическая и бюджетная ситуация в середине 2000-х гг. позволила запустить за счёт бюджетных средств Государственную программу поддержки капитального ремонта (далее – Программа) МКД через Государственную корпорацию – Фонд содействия реформированию ЖКХ (2007–12 гг.). В числе прочих задач в программе декларировалась необходимость повышения уровня самоорганизации собственников. По словам Д. Н. Козака, в то время министра регионального развития РФ, председателя Наблюдательного совета Фонда, «запущен не только механизм возврата государством долгов по ЖКХ, но и процесс возрождения полноправного и ответственного собственника жилья как основы успешного реформирования и становления жилищно-коммунального хозяйства»².

Однако по окончании срока реализации Программы среди собственников жилья в многоквартирных домах не возникло массовых инициатив, позволяющих констатировать достаточную степень ответственности, финансовой состоятельности и уровень самоорганизации для решения проблемы капитального ремонта в собственном доме. Кроме того, сама практика финансирования капитальных ремонтов многоквартирных домов за счёт бюджетных средств, с одной стороны, имела серьёзные финансовые ограничения в этих средствах, а с другой – представляла собой перераспределение общественных доходов в пользу частных лиц, собственников жилья в многоквартирных домах.

Перед государством стояла проблема создания устойчивой системы организации капитальных ремонтов многоквартирных домов за счёт средств самих собственников жилья. С 2014 г. в России закреплён порядок финансирования капитального ремонта МКД путём формирования фондов капитального ремонта (ФКР) из взносов собственников жилья³. Собственники жилья в многоквартирных домах обязаны выбрать один из двух способов формирования ФКР: на счёт регионального оператора или на специальный счёт. При выборе первого способа взносы собственников направляются в «общий котёл» региона и используются для ремонта многоквартир-

¹ База данных ВЦИОМ. 15.11.2006 г. // URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=368&q_id=29781&date=15.11.2006 (Дата посещения: 13.10.2020).

² Годовой отчёт ГК–Фонда содействия реформированию ЖКХ за 2007 г. Утв. Наблюдательным советом ГК–Фонда содействия реформированию ЖКХ. Протокол от 27 марта 2008 г. № 3. С. 5.

³ Жилищный кодекс Российской Федерации. 29.12.2004. № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Раздел IX. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (Дата посещения: 15.09.2020).

ных домов в порядке очереди, установленной региональной программой капитального ремонта МКД. Второй способ предполагает накопление средств на ремонт только собственного дома (в зависимости от его необходимости).

Осведомлённость о новой системе организации капитального ремонта и ежемесячных взносах среди жильцов МКД в 2015 г. была достаточно высока: по данным опросов ФОМ, знали об этом 75% россиян (56% отметили вариант «знаю», 12% – «что-то слышал») [О расходах... 2015]; по исследованиям ВЦИОМ – осведомлённость на уровне 85% (65% – «хорошо знаю об этом» и 24% – «что-то слышал») [Капремонт: ... 2015]. Половина жильцов МКД ещё пять лет назад считала, что отчисления на капитальный ремонт весьма обременительны для семейного бюджета (вариант ответа «очень большая сумма» указали 21% респондентов, «достаточно большая сумма» – 29%). Анализ социально-демографической специфики показывает, что чем старше возраст опрошенных, тем выше озабоченность проблемами капремонта. Более высок данный показатель среди самых бедных и самых обеспеченных россиян (хотя в случае со стоимостью ЖКУ обеспокоенность снижается от малоимущих к обеспеченным слоям)¹.

Причём практически каждый второй россиянин высказывался о том, что оплачивать расходы на капитальный ремонт МКД должно государство², а обязанность собственников каждый месяц оплачивать такие взносы отвечает скорее интересам не общества, а небольшой группы лиц (60%)³. На этом фоне в ряде регионов в 2015 г. прошли протестные выступления против взносов на капитальный ремонт⁴, определённая часть населения восприняла новый обязательный платёж по ЖКХ как социально несправедливый. Во время опросов жители МКД указывали, что своё несогласие они готовы выражать через «участие в сборе подписей под петициями, воззваниями, требованиями» (31%), «отказ оплачивать расходы на капитальный ремонт» (21%), «обращение в органы власти, прокуратуру» (13%)⁵. В конце 2015 г. группы депутатов Государственной думы также пытались оспорить конституционность сборов на капитальный ремонт МКД⁶.

¹ База данных ВЦИОМ. 30.10.2016 // URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1098&q_id=76257&date=30.10.2016 (Дата посещения: 15.09.2020).

² Там же.

³ База данных ВЦИОМ. 23.08.2015 // URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1037&q_id=71669&date=23.08.2015https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1037&q_id=71669&date=23.08.2015 (Дата посещения: 15.09.2020).

⁴ Проблема капремонта стала политической // Независимая газета. 31.08.2015. URL: https://www.ng.ru/economics/2015-08-31/1_remont.html (Дата посещения: 15.09.2020); Иркутская область: митинги против «закона о капитальном ремонте» // Радио Свобода. 30.01.2015 URL: <https://www.svoboda.org/a/26823152.html> (Дата посещения: 15.09.2020).

⁵ База данных ВЦИОМ. 23.08.2015 // URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1037&q_id=71670&date=23.08.2015 (Дата посещения: 15.09.2020).

⁶ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 12 апреля 2016 г. № 10-п, г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной думы» // Российская газета. № 90 (6958). URL: <https://rg.ru/2016/04/27/ks10-dok.html> (Дата посещения: 15.09.2020).

Критические настроения россиян на первых этапах реализации программы сказались на показателях собираемости взносов в фонды капитального ремонта. В 2015 г. собираемость таких взносов по стране составляла всего 74%, а в 2016 г. – 83%. В 2018 г. была введена упрощённая процедура взыскания задолженностей по оплате ЖКУ и расходов на капитальный ремонт¹, что позволило взыскать долги с 2014 г. и существенно повысить собираемость взносов на капитальный ремонт. В настоящее время, по отчётности Фонда содействия реформированию ЖКХ, динамика собираемости платежей по капремонту положительная, и в 2018–19 гг. годовая собираемость превысила 95% (рис. 6), а общая собираемость с 2014 г. достигла на конец 2019 г. 89,55%².

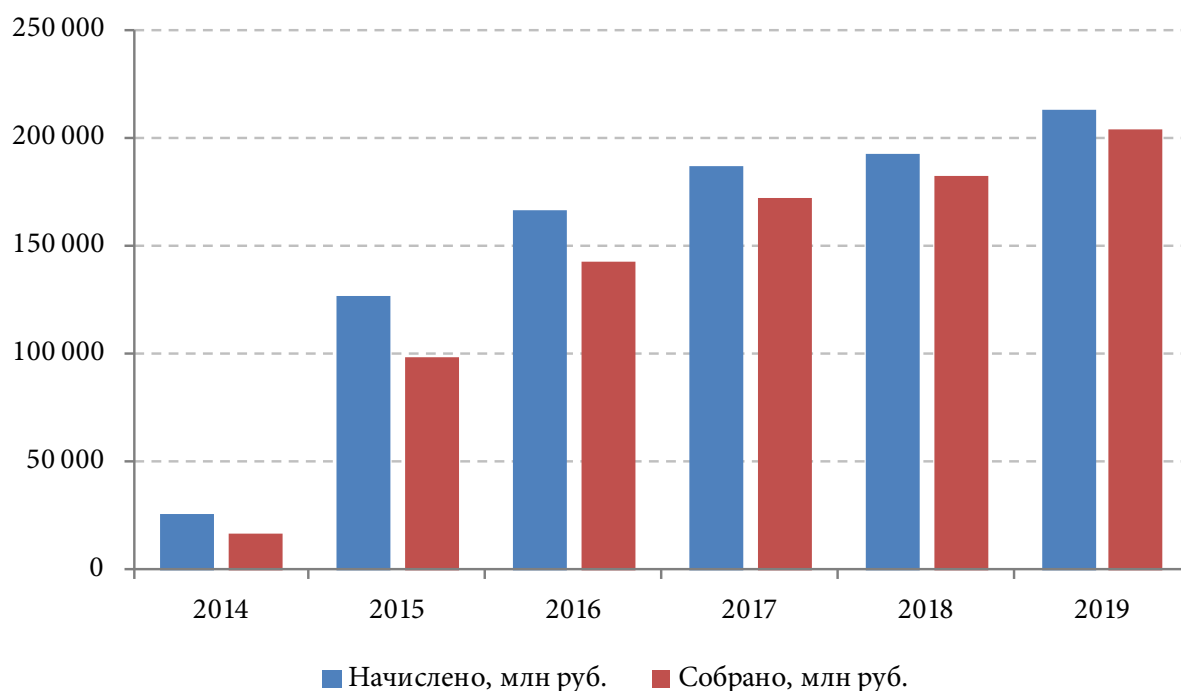

Рис. 6. Динамика показателей собираемости взносов за капремонт в России, %³
 Figure 6. Value dynamics for collecting fees for apartment building major renovation in Russia, %

Контент-анализ сайтов с правовой информацией позволил выявить значительное число ситуаций, иллюстрирующих повышение собираемости именно за счёт изменения процессуального законодательства, повлёк-

¹ ГК РФ ст. 122 в редакции Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ. Согласно ст. 126, «Судебный приказ по существу заявленного требования выносится в течение пяти дней со дня поступления заявления о вынесении судебного приказа в суд без вызова взыскателя и должника и проведения судебного разбирательства. Суд исследует изложенные в направленном взыскателем заявлении о вынесении судебного приказа и приложенных к нему документах сведения в обоснование позиции данного лица и выносит судебный приказ на основании представленных документов. Если должник не успевает в течение 10 дней обжаловать судебный приказ, то через ФССП задолженность списывается с его банковского счета».

² Рассчитано по данным официального сайта Фонда содействия реформированию ЖКХ // URL: <https://www.reformagkh.ru/overhaul/> (Дата посещения: 15.09.2020).

³ Составлено по данным официального сайта Фонда содействия реформированию ЖКХ // URL: <https://www.reformagkh.ru/overhaul/> (Дата посещения: 15.09.2020).

шее за собой активизацию претензионной деятельности региональных операторов. Например: *«Ни разу не платил в Фонд капремонта. И вот этот Фонд обратился в суд с иском ко мне. В конце декабря получил судебный приказ от мирового судьи о взыскании с меня задолженности за три года: с октября 2014 по ноябрь 2017 (на сумму 19 тыс. руб.). Приказ в 10-ти дневный срок я не обжаловал. Прошляпил! Сначала возник вопрос №1: следует ли исполнять приказ добровольно или допустить передачу дела в службу приставов, и пусть взыскивают принудительно?»* (Дмитрий, Саратов, 31.01.2018 г.)¹.

Подобные вопросы активно обсуждаются в социальных сетях, пользуются популярностью группы активистов – противников системы капитального ремонта. Например, публичные группы в Facebook, ВКонтакте и другие, создаваемые с 2014 г., включали значительное число участников, содержали много активных дискуссий по правовым, экономическим и организационным вопросам ЖКХ².

Таким образом, собираемость взносов на капитальный ремонт более 95% не означает признания собственниками квартир введённой системы финансирования справедливой, скорее уплата взносов для многих стала просто неизбежно-принудительной.

Несмотря на то, что в 2015 г. только 19% россиян одобряли модель «общего котла» [О расходах ... 2015], а около половины (48%) москвичей высказывались в пользу индивидуальных спецсчетов [Цыбикова 2017: 50], только небольшая часть жильцов реализует стратегию самостоятельного сбора средств и организации капитального ремонта. В 2015 г., в самом начале внедрения новой системы организации капитального ремонта, доля МКД со специальными счетами составляла 8%, и в течение пяти лет реализации не достигла и 13%. (рис. 7).

В то же время сопоставление затрат по разным формам финансирования и реализации капремонта показывает более низкую эффективность модернизации жилищного фонда с участием централизованной системы общего фонда [Айзинова 2016; Сорокин, Сорокина 2017: 146]. Главное преимущество спецсчёта – возможность провести работы по капитальному ремонту по необходимости, не дожидаясь сроков региональной программы. Эксперты называют очень распространённой ситуацией, когда в доме нужно срочно заменить бойлер или другое дорогостоящее оборудование, а в программе капремонта эти работы планируются через несколько лет, в течение которых жителям придётся мириться с отсутствием горячей воды или иных услуг. В случае локального решения намного проще и быстрее найти подрядчика и организовать работы.

¹ Правовед.ру // URL: <https://pravoved.ru/question/1890628/> (Дата посещения: 15.09.2020).

² «Как не платить за капремонт» // URL: <https://www.facebook.com/groups/kapremont2015>; <https://vk.com/club128027194>; Против капремонта (Москва) // URL: https://vk.com/protiv_kapremonta_msk; Народ против капремонта // URL: <https://vk.com/yaotkazyva>; Народ против взносов на капремонт // URL: <https://vk.com/club149526068> (Дата посещения: 15.09.2020).

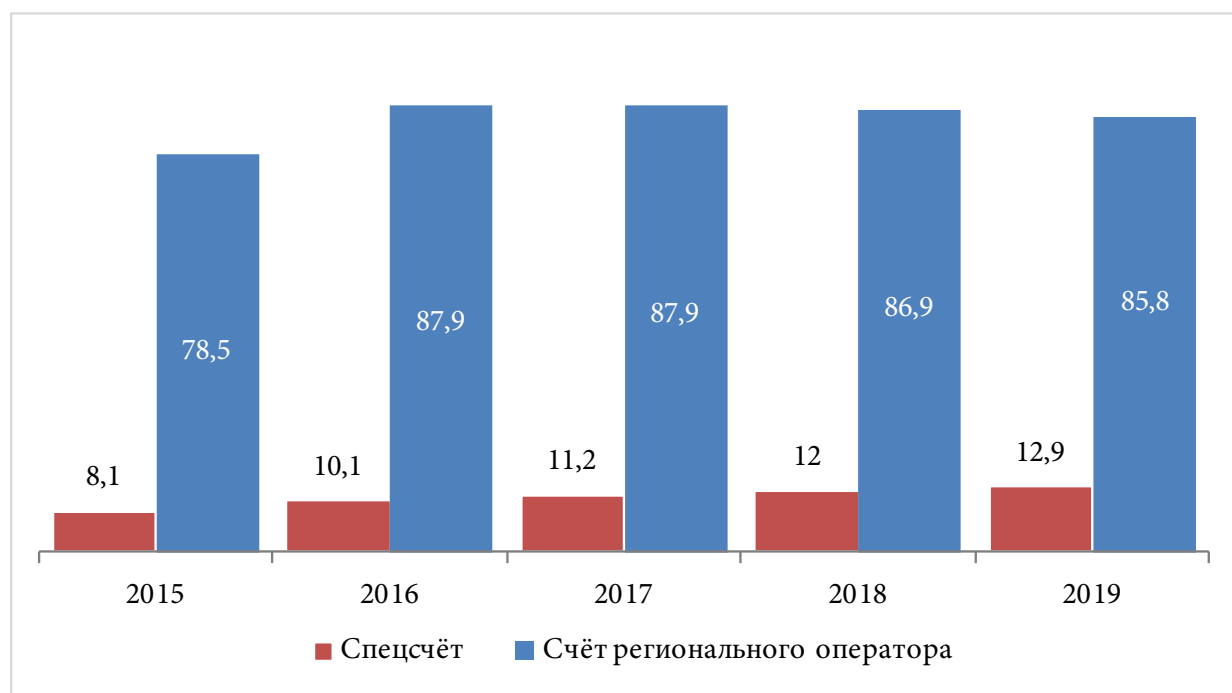

Рис. 7. Доля МКД со специальными счетами в региональных программах, %¹

Figure 7. Proportion of apartment complexes with dedicated accounts in regional programs, %

С централизованным способом формирования ФКР связаны и высокие транзакционные издержки. Промежуточные итоги реализации программы также показали, что в конце 2018 г. размер неосвоенных средств на капремонт, накопленных в общем фонде, достиг 200 млрд руб., что было обусловлено низким качеством работ подрядчиков [Подряд ... 2018].

Однако два способа формирования фонда капитального ремонта предполагают разную степень активности и самоорганизации жильцов дома. Собственники практически полностью освобождаются от активной деятельности по организации капитального ремонта дома при выборе способа формирования ФКР у регионального оператора, их ответственность ограничена уплатой взносов. Активность и самоорганизация собственников жилья в МКД необходима при выборе способа формирования ФКР на специальном счёте дома: для его реализации законодатель требует провести общее собрание, которое большинством голосов должно выбрать именно этот способ, а также определить, кто станет владельцем спецсчёта и где он будет открыт. В дальнейшем проведение капитального ремонта при этом способе также потребует от собственников самоорганизации и активного участия: нужно будет согласовать сроки ремонта, перечень работ, их стоимость и т. д.

Опросы столичных жителей показывают их слабый интерес к этому вопросу. Больше половины опрошенных не знают, какая форма накопления средств на капремонт существует в их доме. Только 17% москвичей согласны «стать уполномоченным представителем дома, чтобы

¹ Составлено по данным Фонда содействия реформированию ЖКХ // URL: <https://www.reformagkh.ru/analytics#overhaul> (Дата посещения: 15.09.2020).

контролировать ход и качество капремонта», и около четверти респондентов готовы «инициировать проведение собрания собственников жилья по вопросам капитального ремонта» [Цыбикова 2017: 53–54]. Между тем вмешиваться в ход капремонта, чтобы не допустить нарушений технических условий и сроков сдачи, как рекомендуют эксперты, должны и уполномоченные собственники, и управляющие компании или ТСЖ; технадзор и контроль исполнения сметы со стороны заказчика позволили бы избежать многих нарушений, допускаемых подрядными организациями. Тем более, что вовремя обнаруженный брак в работах подрядчик обязан устранить за свой счёт.

В Стратегии развития ЖКХ РФ до 2020 г., принятой в 2016 г., постепенный переход «от преобладания системы государственной организации проведения капитального ремонта через систему региональных операторов к преобладанию и распространению модели организации проведения капитального ремонта через систему специальных счетов» декларировался целью государственной политики в сфере капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах¹. Между тем за шесть лет внедрения существующей модели организации капитального ремонта в МКД не более 13% многоквартирных домов России выбрали спецсчёт для формирования фонда капитального ремонта². А в проекте Стратегии развития ЖКХ России до 2035 г., подготовленном Минстроем России³, уже вообще отсутствует целевая установка на преимущественное использования специальных счетов домов для формирования фонда капитального ремонта, хотя эта цель, декларированная Стратегией развития ЖКХ–2020, не достигнута.

Заключение

В настоящее время актуальным остаётся поиск условий формирования экономически эффективной и отвечающей запросам населения модели организации капитального ремонта МКД. В тоже время анализ материалов всероссийских и региональных эмпирических исследований фиксирует разрыв между проектными установками и реальными поведенческими практиками россиян в сфере капитального ремонта. Высокий уровень критичности в оценках качества ЖКУ и модели «общего котла»

¹ Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2016 № 80-р (ред. от 18.10.2018) «Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года». С. 12 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=309453&fld=134&dst=100006,0&rnd=0.8282321922920401#012220284423870109> (Дата посещения: 06.07.2020).

² Открытые данные электронного портала ГК «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» // URL: <https://www.reformagkh.ru> (Дата посещения: 22.08.2019).

³ Минстрой России подготовил проект «Стратегии развития ЖКХ до 2035 года» // URL: <https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-podgotovil-proekt-strategii-razvitiya-zhkhkh-do-2035-goda/&rhash=360a41bef0ae99> (Дата посещения: 07.07.2020).

для капитального ремонта как социально несправедливой не сопровождается ростом жилищной самоорганизации собственников и коллективными стратегиями самостоятельной (без участия государства) модернизации дома.

Можно предположить, что формирование эффективных собственников жилья в российском обществе зависит от ряда факторов, к важнейшим из которых относятся следующие:

1. Специфика институциональной среды принятия коллективных решений по финансированию и производству локальных общественных благ, когда управление жилищным фондом концентрируется во властных структурах и остаётся мало пространства для городского активизма, что препятствует самоорганизации и горизонтальным связям собственников в МКД.

2. Социокультурные особенности развития российского общества, связанные с воспроизводством сформированных в советское время патерналистских установок о том, что забота о состоянии жилищно-коммунальной сферы — это ответственность государства.

3. При организации системы финансирования общественных благ актуальной остаётся и проблема фрирайдерства, когда достаточно распространённой является практика уклонения от уплаты взносов на капитальный ремонт; и если в случае с региональными операторами и фондом капитального ремонта эта проблема в последние годы решается за счёт судебной практики, то в случае со специальными счетами конкретных домов неуплата взносов кем-то из жильцов оборачивается переводом накоплений в региональный ФКР и сворачиванием низовых инициатив жильцов по самостоятельной реализации капремонта.

4. Ещё одним фактором, препятствующим повышению уровня жилищной самоорганизации собственников МКД, выступает своеобразная принудительность и несвобода выбора тех людей, с которыми необходимо солидаризироваться и вступать в отношения сотрудничества в решении жилищно-коммунальных проблем; в большинстве случаев заселение жильцов в доме происходит независимо от предпочтений соседей, и возникают трудности в формировании групповых договорённостей, доверия и солидарности; данный тезис находит подтверждение в значительно более высоком уровне активизма собственников жилья в жилищно-строительных кооперативах (ЖСК), которые изначально создавались людьми, готовыми вкладывать личные ресурсы и усилия в строительство, эксплуатацию и благоустройство многоквартирных домов.

Намеченные в статье исследовательские проблемы требуют дальнейшей эмпирической верификации, что и планируется осуществить на следующих этапах реализации научного проекта.

Библиографический список

Айзинова И. М. 2016. Капитальный ремонт жилищного фонда в экономическом и социальном измерении // Проблемы прогнозирования. № 4 (157). С. 124–137.

Белокрылова О. С., Ермишина А. В. 2012. Факторы коллективных действий (на примере жилищной самоорганизации) // Terra Economicus («Пространство экономики»). Том 10. № 1. С. 174–179.

Борисова Е. И. 2014. Практика работы товариществ собственников жилья // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 177–200.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. 2018. / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир.

Ермишина А. В., Клименко Л. В. 2010а. В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме // Экономическая социология. Т. 11. № 4. С. 105–136.

Ермишина А. В., Клименко Л. В. 2010б. Становление институтов гражданского общества (на примере жилищной самоорганизации) // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): десять лет спустя. Часть 1. Российские домохозяйства / Под ред. проф. Р. М. Нуреева. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 212, часть I. М.: Московский общественный научный фонд. С. 168–195.

Жилищные проблемы // Пресс-выпуск Левада-Центр. 19.08.2019 URL: <https://www.levada.ru/2019/08/19/zhilishhnye-problemy/> (Дата посещения: 15.09.2020).

Капремонт: сколько платить – и кому? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 2918. 01.09.2015 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=119> (Дата посещения: 15.09.2020).

Мерсиянова И. В. 2010. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 149–168.

Модели самоорганизации граждан с возможностью эффективного согласования частных и общественных интересов (на примере ТСЖ). Итоговый комплексный аналитический отчет. Циркон. 2014 // URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d44/Modeli_samoorganizacii_grazhdan_s_vozmozhnostju_soglasovanija_chastnyh_i_obshhestvennyh_interesov.pdf (Дата посещения: 15.07.2020).

Мой дом – и как я им управляю // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 4149. 20.01.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10125> (Дата посещения: 15.09.2020).

Мы и наши соседи // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 4132. 17.12.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10080> (Дата посещения: 15.09.2020).

О расходах на капитальный ремонт // Официальный сайт ФОМ. 06.10.2015. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/12380> (Дата посещения: 15.09.2020).

Отношение населения пилотных регионов Российской Федерации к работе органов власти и управления: сравнительный анализ 2015–2019 гг. // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. М., 2019. URL: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2019/INAB_2019_2.pdf (Дата посещения: 15.09.2020).

Под крышей дома... своего! // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 3742. 22.08.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9265> (Дата посещения: 15.09.2020).

Подряд не заметил потери: капремонт недоделали на 200 млрд // Известия. 7.12.2018. URL: <https://iz.ru/818707/svetlana-volokhina/podriad-ne-zаметил-poteri-kapremont-nedodelali-na-200-mlrd?fbclid=IwAR0Doki-gHzYQ2IFEUEUNNFcFcvVuYoR9J4WbtJ8p0oOO3GwN6tAJoe4hIh8> (Дата посещения: 15.09.2020).

Самоорганизация жителей в многоквартирных домах в период пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Институт экономики города. 25.04.2020. URL: <http://www.urbanecomomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/samoorganizaciya-zhiteley-v-mnogokvartirnyh-domah-v-period> (Дата посещения: 15.09.2020).

Сорокин М. А., Сорокина Г. В. 2017. Взносы на капитальный ремонт многоквартирных домов в РФ: о мнимых и истинных бенефициарах // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 40. С. 141–151. DOI: 10.17223/19988648/40/12

Социальная политика и социальные реформы глазами россиян. 2006. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_soc_politika.pdf (Дата посещения: 15.09.2020).

Цыбикова Д. Г. 2017. Участие собственников в решении вопросов капитального ремонта многоквартирных домов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 2. С. 46–56.

Яницкий О. Н. 2018. Глобализация. Город. Человек (монография). М.: ФНИСЦ РАН URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961 (Дата посещения: 15.09.2020).

Attwood L. 2012. Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? // Europe-Asia Studies. Vol. 64. No. 5. Pp. 903–928.

Badyina A., Golubchikov O. 2005. Gentrification in Central Moscow – A Market Process or a Deliberate Policy? Money, Power and People in Housing Regeneration in Ostozhenka // Geografiska Annaler. Vol. 87. No. 2. Pp. 113–129.

Bodnar J. 2001. Fin De Millenaire Budapest: Lessons from a Post Socialist city, Metamorphoses of Urban Life. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Frühlich C. 2020. Urban Citizenship under Post-Soviet Conditions: Grassroots Struggles of Residents in Contemporary Moscow // Journal of Urban Affairs. Vol. 42. No. 2. Pp. 188–202.

Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. 1993. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. With. Princeton University Press.

Статья поступила 14.10.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермишина Анна Вениаминовна, кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Клименко Людмила Владиславовна, доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685

Major Renovations of Apartment Complexes: Russian People's Projective Attitudes and Behavior Practices

Anna V. Ermishina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: AVermishina@sfedu.ru

ORCID ID: 0000-0002-7333-3426

Lyudmila V. Klimenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: LVKlimenko@sfedu.ru

ORCID ID: 0000-0001-7696-7830

For citation: Ermishina A. V., Klimenko L. V. Major renovations of apartment complexes: Russian people's projective attitudes and behavior practices. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 190–212. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685

Abstract. This article analyzes the Russian people's projective attitudes and behavior practices when it comes to participating in the funding and organizing of major renovations of apartment buildings. The empirical base for the study¹ consists of data from sociological surveys conducted by VCIOM (2015–2020), the Institute of Sociology of the RAS (2003–2019), FOM (2015), Levada Center (2019), The European Social Survey (2016, 2018), as well as the authors' own expert interviews conducted in 2020. The need to ensure the safety of housing, the complexity and high cost of renovations is a reasonable explanation for government interference in this sector. Russia's housing legislature assigns responsibility for maintaining and renovating common property to apartment owners, while also stipulating a funding procedure for major renovations based on deposits made by property owners. The system currently in place in Russia for funding and organizing major renovations, which implies the existence of both a "common reserve" and "special accounts" for regulated property owner contributions (that resemble a tax), is far from perfect, it being associated with such issues as a lack of funding, low quality of major renovations, susceptibility to corruption, owners having insufficient control when it comes to decision making. While analyzing material from all-Russian and regional empirical studies, the gap becomes evident between projective attitudes and the actual behavior of Russian people in the realm of major renovations. Despite a marked critical attitude when it comes to evaluating utility service quality, not to mention the "common reserve" model (which is a way of pulling together funds for major renovations and keeping them on the regional operator's account) being regarded as socially unjust, nevertheless property owners demonstrate a low degree of civic self-organization and meager capability when it comes to taking collective action (as in participating in apartment complex meetings to discuss major renovations, creating and transferring money to dedicated accounts, keeping track of the major renovation process etc.). The reasons why property owners are so slow to develop any efficiency largely lie in the specifics of the institutional collective decision-making environment in regards to the funding and execution of local public property renovation, which also includes major renovations of apartment buildings.

Keywords: sociology, housing economics, collective action, projective installations housing self-organization, major renovation

¹ This study was carried out with financial support from the RFBR as part of research project № 20-01-00503.

References

Attitude of the population of the pilot regions of the Russian Federation to the work of the authorities and administration: a comparative analysis of 2015–2019. Information and Analytical Bulletin. Moscow, FCTAS RAS publ., 2019. Available at: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2019/INAB_2019_2.pdf (accessed 15.09.20) (In Russ.).

Attwood L. Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? Europe-Asia Studies. 2012: vol. 64:5: 903–928.

Ayzinova I.M. Capital Repairs of the housing stock in the economic and social dimensions. Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting, 2016: 4 (157): 124–137 (In Russ.).

Badyina A., Golubchikov O. Gentrification in Central Moscow – A Market Process or a Deliberate Policy? Money, Power and People in Housing Regeneration in Ostozhenka. Geografiska Annaler, 2005: Vol. 87: 2: 113–129.

Belokrylova O.S., Ermishina A.V. Factors of collective action (on the example of housing self-organization). Terra Economicus = The Economic Universe, 2012: 10: 174–179 (In Russ.).

Bodnar J. Fin De Millenaire Budapest: Lessons from a Post Socialist city, Metamorphoses of Urban Life. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2001.

Borisova E.I. The practice of homeowners' associations. Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya = Issues of State and Municipal Management, 2014: 3: 177–200 (In Russ.).

Ermishina A.V., Klimenko L.V. Formation of civil society institutions (on the example of housing self-organization). In: Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis): ten years later. Part 1. Russian households. Ed. by R.M. Nureev. Moscow, Moscow Public Science Foundation, 2010: 168–195 (In Russ.).

Ermishina A.V., Klimenko L.V. In search of effective owners in an apartment building. Economic sociology. 2010: 11: 4: 105–136 (In Russ.).

Fruhlich C. Urban Citizenship under Post-Soviet Conditions: Grassroots Struggles of Residents in Contemporary Moscow. Journal of Urban Affairs, 2020: vol. 42: 2:188–202.

Housing problems. Levada-Center Press release from 19.08.2019. Available at: www.levada.ru/2019/08/19/zhilishhnye-problemy (accessed: 15.09.20) (In Russ.).

Mersiyanova I.V. Territorial public self-government as a form of public participation. Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya = Issues of State and Municipal Management, 2010: 3: 149–168 (In Russ.).

Models of citizens' self-organization with the ability to effectively reconcile private and public interests (on the example of HOA). Final comprehensive analytical report by Zircon. 2014. Available at: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d44/Modeli_samoorganizacii_grazhdan_s_vozmozhnostju_soglasovaniya_chastnyh_i_obshchestvennyh_interesov.pdf (accessed: 15.07.20) (In Russ.).

My house – and how I manage it. WCIOM Press release 24149 from 20.01.20. Available at: wciom.ru/index.php?Id=236&uid=10125 (accesses: 15.09.2020) (In Russ.).

Overhaul: how much to pay – and to whom? WCIOM Press release 2918 from 01.09.15. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=119> (accessed: 15.09.20) (In Russ.).

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. With., Princeton University Press, 1993.

Russians about the quality of housing and communal services. WCIOM Press release 3999 from 03.07.2019. Available at: wciom.ru/index.php?Id=236&uid=9786 (accesses: 15.09.2020) (In Russ.).

Self-organization of residents in apartment buildings during the COVID-19 pandemic. Institute of Urban Economics Official website. Release 25.04.20. Available at: <http://www.urbanecomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/samoorganizaciya-zhiteley-v-mnogokvartirnyh-domah-v-period> (accessed: 15.09.2020) (In Russ.).

Social policy and social reforms through the eyes of Russians. Analytical report. Moscow: IS RAS publ., 2006. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_soc_politika.pdf (accessed: 15.09.2020) (In Russ.).

Sorokin M.A., Sorokina G.V. Contributions for the overhaul of apartment buildings in the Russian Federation: on the imaginary and true beneficiaries. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomika = Bulletin of the Tomsk State University. Economics, 2017: 40: 141–151 (In Russ.). DOI: 10.17223 / 19988648/40/12

Tsybikova D.G. Participation of owners in solving the issues of capital repairs of apartment buildings. Biulleten` RGGU. Seriya "Philosophiya. Sotsiologiya. Iskusstvo" = Bulletin of the RSUH. Series "Philosophy. Sociology. Art history", 2017: 2: 46–56 (In Russ.).

Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow, Ves Mir, 2018 (In Russ.).

Under the roof of your house ... yours! WCIOM Press release 3742 from 22.08.2018. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9265> (accessed: 15.09.20) (In Russ.).

Yanitskiy O.N. Globalization. City. Man. Moscow, FCTAS RAS publ., 2018 (In Russ.). Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961 (accessed: 15.09.20).

The article was submitted on: October 14.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ermishina Anna Veniaminovna, Candidate of Economic Sciences, associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Klimenko Lyudmila Vladislavovna, Doctor of Sociological Sciences, professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.686

Рецензия на монографию «Спасибо прадеду за Победу...» Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»

Ссылка для цитирования: Сенюткина О.Н. Рецензия на монографию: «Спасибо прадеду за Победу...»// Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 212–218. DOI 10.19181/vis.2020.11.4.686

For citation: Senyutkina O. N. Review of a monograph titled “Thank great grandfather for the victory... Material from stage 4 of a monitoring survey titled “Students of modern Russia on the Great Patriotic War”. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 212–218. DOI 10.19181/vis.2020.11.4.686

**Сенюткина
Ольга Николаевна**

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия

senutkina@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [433373](#)

Аннотация. Данная статья представляет собой рецензию на коллективную монографию¹, посвящённую изучению взгляда современного российского студенчества на события Великой Отечественной войны, что весьма актуально в условиях, когда патриотизм становится одной из главных смысловых доминант политической повестки.

Актуальность рецензируемой работы не требует особых доказательств. С течением времени усиливается разрыв поколений и исчезает возможность прямого общения молодёжи с живыми свидетелями войны. В этих условиях научному сообществу необходимо выработать методологически выверенный исследовательский подход к раскрытию темы сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Рецензент утверждает, что рассматриваемая монография представляет собой достойный вклад в социологическое изучение проблемы сохранения исторической памяти. А выводы, сделанные авторами монографии, могут быть использованы для дальнейшего осмысления методик воспитательной работы.

Ключевые слова: Россия, социология, студенчество, Великая Отечественная война, Год памяти и славы

¹ Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.)/ Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2020. 352 с. Список авторов монографии приводится на с. 345 // URL: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2020/10/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C-%D0%BE-%D0%92%D0%9E%D0%92-1.pdf> (Дата посещения: 25.10.2020).

В этот год – Год 75-летнего юбилея Победы, совпавший с повышением международной напряжённости, в фокусе внимания оказались проблемы сохранения исторического наследия Отечественной войны 1941–45 гг.

Название коллективной монографии симптоматично само по себе: «Спасибо прадеду за Победу...». Оно вызывает как минимум две общественно значимые ассоциации. Во-первых, слово «прадед» напоминает о всё большем временном разрыве между поколением победителей и современной молодёжью. А, во-вторых, слово «спасибо» указывает на сохранение благодарности в адрес предков, победивших гитлеровскую Германию и её союзников.

В рецензируемой монографии рассматриваются результаты мониторинга, проведённого Российским обществом социологов (РОС) «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.). Сразу обращает на себя внимание длительность социологического исследования проблемы. В книге, охватывающей анализ материалов пятнадцатилетнего мониторинга, внимание концентрируется на его последнем, IV этапе.

Актуальность подобной работы не требует особых доказательств. Уже было сказано, что временное движение общества усиливает разрыв поколений и не оставляет для молодёжи возможности прямого общения с теми, кто перенёс тяготы войны, выжил в тяжелейших условиях жизни фронта и тыла и мог эмоционально рассказать о своих живых ощущениях происходившего как никто другой. В этих условиях в сознании представителей академического сообщества естественно возникает мысль о необходимости научного подхода к раскрытию темы сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Если утрачивается общение с участниками войны напрямую, то его недостаток следует компенсировать иными усилиями. Но, чтобы понять, какими формами работы с молодёжью сохранять образ Великой Победы, нужно как минимум понимать, каково содержание сознания современных молодых людей, когда речь заходит о войне 1941–45 гг.

Тексту монографии предпослан небольшой по объёму раздел под выразительным названием «Помним и чтим ваш подвиг в ратном бою, в цехах, на полях, в медсанбатах и госпиталях». В этой части текста книги также содержится элемент сохранения исторической памяти: авторы книги называют имена своих близких, родных людей: дедушек, бабушек, приближавших Победу. Кто-то погиб, кто-то возвратился с войны, кто-то трудился не покладая рук в тылу. И всем кланяются авторы книги в Год Памяти и Славы, выражая свою бесконечную признательность!

Сам факт включения указанного фрагмента заставляет читателя задуматься о том, что весь советский народ (за редким исключением) в едином порыве делал то, что было должно, чтобы защитить Отечество. И эта, казалось бы, известная всем истина обретает конкретное содержание с помощью данного текста.

За 15 лет осуществлён большой мониторинговый проект «Отношение молодёжи к Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» (4 волны, 8 самостоятельных исследований по единой тематике и со сходным инструментарием) и проведено 6 всероссийских исследований (два из них – с международным участием). Всего за эти годы было опрошено 56957 респондентов. Волна 2015 г. показала, что в больших масштабах традиционный метод значительно проигрывает онлайн-технологиям по временным и трудовым затратам, и следующие федеральные исследования Рос проводились уже преимущественно онлайн.

Интересен раздел монографии под названием «Преимущества и ограничения онлайн-опроса на примере волны 2020 г.». Авторы справедливо отмечают, что при проведении онлайн-опросов всегда необходимо иметь в виду их характерные особенности:

– не все респонденты имеют техническую возможность принять участие в исследовании. Уровень интернет-проникновения в России и других странах высок и продолжает расти, тем не менее всегда остаются люди, которые не имеют возможности или желания пользоваться интернет-технологиями. В отношении студентов эта проблема может быть проигнорирована как несущественная – молодые люди вынуждены активно осваивать и пользоваться интернет-технологиями в силу потребностей современного образовательного процесса, технологичности современных индустрий и просто моды;

– участие в подобных исследованиях всегда носит добровольный характер, поэтому откликаются чаще те, у кого тема исследования вызывает определённые эмоции и, следовательно, желание принять участие в обсуждении данной темы. При этом равнодушные респонденты будут охвачены в меньшей степени, поскольку предпочтут игнорировать опрос;

– специфика «клипового сознания» молодых интернет-пользователей не позволяет им надолго сосредоточиться на одной задаче. Кроме того, посещая различные сайты, пользователи привыкают к коротким ротационным опросам посетителей сайтов, а длинные научные опросы вызывают у них определённое недоумение. Отсюда – чем длиннее анкета, тем менее вероятно, что респондент дойдёт до её конца (возможны, конечно, и чисто технические сбои, но их в 2020 г. можно уже игнорировать как несущественные). И если в «бумажном варианте» это будет труднее сделать из-за контроля интервьюера или преподавателя, то анонимную онлайн-форму можно просто закрыть и забыть.

Обобщая опыт волны 2020 г., авторы пришли к выводу, что онлайн-форма является достаточно удобной для проведения подобных исследований при соблюдении ряда условий:

1. Респонденты в равной степени имеют техническую возможность принять участие в исследовании, сопоставимый опыт участия в подобных опросах и сопоставимую онлайн-активность. Современные студенты представляют собой почти идеальный объект. В отношении школьников

применимость такой технологии вызывает определённые сомнения, особенно школьников из малых городов и сельских населённых пунктов, где уровень проникновения интернет-технологий в некоторых случаях ещё оставляет желать лучшего. В этом случае будет более эффективным совмещать традиционный бумажный опрос на местах с вводом данных в электронную форму.

2. Высокий интерес к теме исследования со стороны респондентов, многократное повторение просьбы принять участие в опросе, и его общественная значимость повышают шансы на то, что респондент откроет ссылку и начнёт опрос.

3. Относительно небольшой размер анкеты, наличие интересных разнообразных вопросов, использование графических и видеоматериалов, отсутствие сложных, громоздких табличных вопросов повышают шансы того, что анкета будет пройдена до конца. Организаторы исследования склонны были рассматривать массовый опрос студенчества как форму актуализации исторической памяти, и в своих ожиданиях не ошиблись.

4. Открытые вопросы интересно оформлены и не являются обязательными. Некоторым респондентам просто трудно давать «свои» ответы с экрана мобильного телефона.

5. Установлены лимитирующие квоты на участие определённых групп респондентов.

Создатели рассматриваемой нами монографии решили взять для исследования группу молодёжи, представляющую собой довольно сложный её пласт: студенчество. Эту группу авторы характеризуют как «самую специфичную <...> из больших страт общества, которой присущи неустоявшаяся система ценностей, радикализм в поведенческих актах и оценках социальных процессов, явлений, фактов, институтов власти и т. п.» (с. 8). Дав такое определение студенчеству, авторы монографии по сути сами определили высокий уровень значимости своего труда: необходимость уберечь молодёжь от мрачной перспективы оказаться объектом манипуляций со стороны разного рода враждебных России сил.

Авторы отвечают на вопрос, как студенчество России относится к Великой Отечественной войне, на соответствующем научном уровне, опираясь на имеющиеся к настоящему времени разработки проблем исторического сознания, исторической памяти и забвения, патриотизма, гражданственности, военно-патриотического и гражданско-патриотического воспитания, тщательно подбирая соответствующий теоретико-методологический инструментарий (с. 11). Именно серьёзно продуманный и взвешенный подход к работе позволил в конечном итоге добиться качественного, репрезентативного результата.

Репрезентативность, как известно, является важнейшей качественной характеристикой социологического исследования, которое стремится исключить любые субъективные ошибки. На результат влияет, среди прочего, объём выборки. В рецензируемой работе его отметили оба автора Приветствий изданию. Ректор Уральского федерального университета

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина Виктор Анатольевич Кокшаров отметил: «... инициативу Российского общества социологов, уже в четвёртый раз за 15 лет организовавшего федеральное исследование «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне». Впечатляют масштабы и представительность опроса в 2020 г.: в нём приняли участие более 10 тысяч студентов – граждан России из 80 вузов страны: от Санкт-Петербурга до Владивостока, от Якутска до Керчи. Мониторинг РОС позволяет осмыслить динамику исторической памяти российского студенчества, выявить успехи и пробелы в подготовке специалистов-профессионалов и патриотов своей Родины» (с. 3). Всего же в онлайн-опросе участвовало 14626 студентов вузов и СПО России, а также бывших стран Советского Союза. Международный отклик на тему Победы особенно важен, что и подчеркнул в своём Приветствии Президент Российского общества социологов Валерий Андреевич Мансуров (с. 4). Действительно, объём проделанной работы впечатляет своими масштабами, что безусловно усиливает эффект репрезентативности выводов. Ещё раз подчеркнём, что научный уровень рецензируемого труда обеспечивается глубокой всесторонней подготовкой к социологическим опросам.

Масштабность проекта обусловила ряд трудностей его проведения. Так, несколько завышена доля студенток по сравнению с совокупностью опрошенных, но сравнение ответов по гендерному признаку не выявило значимых отличий в исторической памяти о Великой Отечественной войне, поскольку набор знаний формируется общим институтом образования и СМИ. Колебания в определении самоидентификации студентов по профилю подготовки в вузе («гуманитарии», «естественники» и «технари») также не оказали существенного значения на распределение ответов: подавляющее большинство назвало основным источником знаний о Войне школу, а не вуз. По этой же причине не столь значимыми оказались отличия знаний горожан и селян, жителей разных федеральных округов. Детальность анализа результатов повышает уровень доверия читателя к результату работы в целом.

К сказанному добавим, что у монографии солидная библиографическая база, необходимая для верификации авторами собственных выводов и подтверждающая их глубокое знание работ по изучаемой и смежным проблематикам. Большое внимание уделяется в разделе I теоретико-методологической «кухне» исследования (с. 34–43), выявлению особенностей опроса в режиме онлайн. Причём рассматриваемая нами работа имеет интересные «научные вбросы» (с. 29). К примеру, в 2015 г. в Facebook по инициативе Д.В. Шкурина¹ была создана группа «Исследования РОС», составившая 436 участников. В конце февраля 2020 г. в группе развернулась интересная дискуссия по технологии проведения социологических опросов и значимости исследования «Отношения студентов к Великой Отечественной войне» для патриотического воспитания. Авторами планируется дальнейшее обсуждение результатов мониторинга.

¹ Шкурин Денис Вадимович, доцент кафедры прикладной социологии УрФУ, технический координатор проекта.

Наиболее интересна, на наш взгляд, та часть раздела I (п. 1.3), в которой идёт речь о связи исторической памяти и патриотизма. Проблемой остаётся возможность фиксации уровня патриотизма. Не все авторы согласны с измерением его через глубину исторической памяти. Как они пишут, «патриотизм – сложносоставной социально-психологический феномен. Это обязывает при подборе и разработке методологии и методики исследования верифицировать социальные и демографические характеристики респондентов, социокультурные особенности их первичной и вторичной социализации». Некоторые из них согласны, что свою пользу может принести поправка в статью 67 Конституции РФ: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической памяти. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», если она войдёт в судебную практику в должной мере (с. 36). Чтобы у россиян не возникало утраты значения героических подвигов предков в защите Родины, воспринимать их надо и на рациональном, и на эмоциональном уровнях. И чем дальше мы во времени от периода самой тяжёлой и кровопролитной войны в нашей истории, тем больше усилий следует прилагать обществу для реализации этой задачи. К тому же в значительной степени даёт о себе знать затянувшаяся кризисная ситуация в жизни российского общества. Быть патриотом легче в том случае, если в обществе, к которому ты принадлежишь, достигнут высокий уровень искреннего уважения к защитникам Родины, чего нельзя сказать в полной мере о современной России, где скептицизм и негативное восприятие отечественной истории всё ещё активно пропагандируются СМИ и многими деятелями искусства.

Материалы монографии, полученные в ходе социологических исследований, чётко структурированы авторами по основным блокам. В разделе II исследуется влияние профессиональных, возрастных, гендерных и территориальных особенностей студенчества на его патриотические установки и представления. Раздел III посвящён анализу актуальных проблем исторической памяти студенчества (участие в волонтерском движении и акции «Бессмертный полк»; миграционные и конфессиональные установки; отношение к памятникам и реликвиям, культурному «эху войны»; проблемы деформации и мифологизации исторического сознания молодёжи). В раздел IV включено обобщение оценок и представлений участников онлайн-опроса, не являющихся студентами вузов (старшеклассники, студенты ссузов, воспитатели детсадов).

Учёные дали всем, заинтересованным в изучении исторической памяти современной студенческой молодёжи, богатую пищу для размышлений и приглашают читателей к обсуждению проблемы смены темпорального ориентира исторической памяти. Важность прошлого для будущего – вечная тема для тех, кто озабочен самосохранением общества, государства. Здесь есть над чем задуматься, о чём поспорить.

Рецензируемая монография представляет собой достойный вклад в изучение проблемы исторической памяти. Выводы, сделанные авторами, могут быть использованы для дальнейшего осмыс-

ления методики эффективной воспитательной работы. Очень важное значение в период социальных трансформаций и турбулентности имеет социология как инструмент саморефлексии общества, и авторам вполне удалось показать значимость этой науки для решения поставленной исследовательской задачи.

Статья поступила 1.10.20

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенюткина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.686

Review of a Monograph Titled “Thank Great Grandfather for the Victory...” Material from Stage 4 of a Monitoring Survey Titled “Students of Modern Russia on the Great Patriotic War”

Olga N. Senyutkina

State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: senutkina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0649-7295

For citation: Senyutkina O. N. Review of a monograph titled “Thank great grandfather for the victory...» Material from stage 4 of a monitoring survey titled “Students of modern Russia on the Great Patriotic War”. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11 No. 4. P. 212–218. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.686

Abstract. This article is a review of a collective monograph titled “Thank great grandfather for the victory... Material from stage 4 of a monitoring survey titled “Students of modern Russia on the Great Patriotic War” (2005–2010–2015–2020)/ Ed. by Y.R. Vishnevsky. Ministry of science and higher education of the Russian Federation. Ekaterinburg: Ural University publ. 2020., 325 p. It is dedicated to studying how students in modern day Russia perceive the events of the Great Patriotic War, which is very much relevant in a time when patriotism is becoming one of the conceptual dominants in the political agenda.

There is really no need to prove the relevance of the work in question. Over time different generations lose touch with each other, the opportunity for young people to directly communicate with those who actually witnessed the events of the war slowly vanishes. Given these conditions, the scientific community needs to develop a research approach that would be sound from a methodological point of view in order to expand on the topic of preserving the historical memory of the Great Patriotic War.

The reviewer insists that the monograph in question is a worthy contribution to the sociological study of the issue of preserving historical memory. The conclusions drawn by the authors of the monograph may be used in order to get a better grasp on methods of education.

Keywords: Russia, sociology, students, the Great Patriotic War, Year of Memory and Glory, 2020th Year

The article was submitted on: October 1.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Senyutkina Olga Nicolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)
Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Полина Михайловна Козырева,
Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>